

А. В. Окороков

ДА СВЯТИТСЯ ЖЕ, РОДИНА, ИМЯ ТВОЁ!

Жизнь и творчество
поэта русского зарубежья
Ольги Скопиченко

МОСКВА
2024

К-МАХИЦКІЙ
СЫЗРАНЬ.

THE CITY IS USED
WITH... AND CARRIGES, HARE
るむ極を踏雜れ亂入車人（見所上街ンヒル

Министерство культуры Российской Федерации

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
(Институт Наследия)

А. В. О कोरोков

«ДА СВЯТИТСЯ ЖЕ, РОДИНА, ИМЯ ТВОЁ!»

**Жизнь и творчество поэта русского зарубежья
Ольги Скопиченко**

Москва
2024

УДК 930.85
ББК 63.3(2)
О-51

Издаётся по решению Учёного совета
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Рецензенты:

Хисамутдинов А. А., доктор исторических наук;
Пархоменко Т. А., доктор исторических наук

О-51 Окуроков А. В.

«Да святится же, Родина, имя твоё!» Жизнь и творчество поэта русского зарубежья Ольги Скопиченко [Электронное сетевое издание] / Окуроков Александр Васильевич. — Москва : Институт Наследия, 2024. — 306 с. — ISBN 978-5-86443-465-9.

Данная книга посвящена жизни и творчеству Ольги Алексеевны Скопиченко — поэту и писателю русского зарубежья. Её судьба типична для многих русских людей, попавших в горнило войн и революций начала XX века. После Гражданской войны, будучи ещё ребёнком, она вместе с семьёй оказалась в Маньчжурии. Жила в Харбине, Тяньцзине, затем в Шанхае, где были опубликованы её первые сборники стихов. В конце 1940-х годов, с потоком русских беженцев, уходивших от побеждавших в гражданской войне в Китае коммунистов, Ольга Скопиченко попала на маленький остров Тубабао на Филиппинах. Там она прожила два года в лагере русских беженцев, а затем эмигрировала в США, где и скончалась в 1997 году.

Книга иллюстрирована уникальными фотографиями из личного архива О. А. Скопиченко и её мужа Б. М. Коновалова, наглядно рассказывающими о жизни русской эмиграции в Китае в 1920-х — 1940-х годах.

В качестве приложения в книгу включены три сборника стихов Ольги Скопиченко, опубликованные в разное время в Китае: «Родные порывы» (Харбин, 1926 г.), «Будущему вождю» (Тяньцзинь, 1928 г.) и «Путь изгнанника» (Шанхай, 1932 г.).

УДК 930.85
ББК 63.3(2)

© Окуроков А. В., 2024
© Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва, 2024

ISBN 978-5-86443-465-9

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Хисамутдинов А. А. Что сохранилось в памяти</i>	4
Русские поэты и писатели в Китае	6
«Мы имя русское, как ладанку носили...»	13
Родственники и друзья Ольги Скопиченко	94
Сборники стихов, изданные в Маньчжурии и Китае ...	162
Родные порывы (<i>Харбин, 1926 г.</i>)	162
Будущему вождю (<i>Тяньцзинь, 1928 г.</i>)	175
Путь изгнанника (<i>Шанхай, 1932 г.</i>)	200

ЧТО СОХРАНИЛОСЬ В ПАМЯТИ

Прошло немало времени после последней встречи с Ольгой Скопиченко-Коноваловой (Konovaloff) и её мужем Борисом Михайловичем. Как-то в один из своих первых приездов в Сан-Франциско я зашёл в магазин «Глобус», где близко познакомился с его хозяйкой Вероникой Аренс-Пулавски.

— Вы хотите встретиться с Ольгой Алексеевной? Никаких проблем. Давайте ей позвоним...

Не прошло и часа, как я был у дома О. А. Скопиченко. Немного облупившаяся краска, но типичная сан-францисская архитектура притягивала глаз. И вот встреча с человеком, чьи произведения были для меня так знакомы.

Уже после нескольких минут мы болтали как давние друзья. Надо сразу сказать, что у Ольги Алексеевны была отменная память. Как только я называл имя из далёкого прошлого, почерпнутого в старой периодике, как моя собеседница сразу давала ему характеристику, порой резкую и жёсткую. Правда, это касалось только бытовой жизни. Теперь произведения некоторых из них многократно переизданы. Поэтому вряд ли стоит приводить субъективное мнение Ольги Алексеевны.

Так мы проговорили несколько часов, перескакивая с темы на тему. Близоруко смотрев на меня, она делилась бесценными воспоминаниями о жизни в Китае, на Тубабао и переезде в Сан-Франциско, показывая материалы из личного архива. Борис Михайлович время от времени говорил жене:

— Ну, что ж ты дразнишь человека? Отдай ему эти документы, ведь здесь они никому не нужны...

О той встрече можно было бы написать целую книгу.

Напоследок Ольга Алексеевна предложила:

— Вам надо поговорить с моей подругой Марией Визи (Мария Генриховна Визи (Vesey/Vezey), 1904–1994, Калифорния), которая может ещё больше добавить о рассказанном мною...

Ольга Алексеевна Скопиченко скончалась 12 мая 1997 года. После этого разговоры о русских за границей мы вели уже с Б. М. Коноваловым. Однажды, как мне показалось, немного застенчиво, Борис Михайлович сказал:

— А как насчёт французского коньяка? Признаюсь, я к нему немного неравнодушен после жизни в Шанхае...

Как было отказать столетнему ветерану, который лично знал моих героев! И мы помянули их...

Борис Михайлович скончался 18 октября 2002 года, не дожив один месяц до 102-летия.

Время от времени, приезжая в Сан-Франциско, заглядываю на Сербское кладбище в Колме, где нашли успокоение мои герои. Конечно, останавливаюсь у надгробия Ольги Алексеевны и Бориса Михайловича Коноваловых, вспоминая их гостеприимность и доброту.

* * *

Написание биографий — это сложный процесс. Автор должен не только проникнуть в жизнь своего героя, но и дать возможность читателю понять масштаб этой личности. Это и попытался сделать доктор исторических наук А. В. Окороков, имя которого хорошо известно современным исследователям, занимающимся историей эмиграции. Теперь он поставил своей задачей рассказать ещё об одном интересном человеке в монографии «Да святится же, Родина, имя твоё!» Жизнь и творчество поэта русского зарубежья Ольги Скопиченко».

Название уже говорит само за себя. Александр Васильевич тщательно изучил не только современную литературу об интеллектуальной жизни русского Китая, но и использовал огромный архивный материал, связанный с его героиней. Он сумел тонко вплести в биографическую нить поэтические воспоминания О. А. Скопиченко об её жизни в Сызрани, трагическом бегстве в Китай, непростой жизни в Харбине, Тяньцзине и Шанхае, дружбе с Марианной Колосовой.

Это особая тема, как юная девушка соприкоснулась с русско-китайской реальностью 1920–1930-х годов. Несмотря на все бытовые трудности, Ольга Скопиченко отлично вписалась в русскую духовную жизнь мультикультурных городов. Всё это нашло отражение в её поэзии, и А. В. Окороков умело иллюстрирует это цитатами.

Эмигрантская судьба забросила Ольгу Алексеевну на Тубабао, потом она оказалась в Сан-Франциско. Везде, как сказочный метеор, она оставляла свой след. Впрочем, не будем пересказывать монографию А. В. Окорокова, пусть читатель сам оценит эту работу.

Особо ценно наличие уникальных иллюстраций. Эта работа автора вне всяких похвал. Недаром говорят, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. По сути, это ещё одна биография замечательного человека, дополняющая повествование.

*Амир Александрович Хисамутдинов,
доктор исторических наук, профессор*

РУССКИЕ ПОЭТЫ И ПИСАТЕЛИ В КИТАЕ

*Жизнь поэта — только первая часть его биографии;
другую и более важную часть составляет
бессмертная история его поэзии.*

В. О. Ключевский

Русская эмигрантская литература в Китае является неотъемлемой частью русской литературы XX века и важной составляющей мировой культуры. По утверждению китайского исследователя Лю Вэнфэя, она могла «составить конкуренцию и оказаться соперником родной литературе в результатах творчества, во влиянии, которого она достигла в мире, и даже в количестве писателей и их произведений»¹.

В результате анализа литературных источников и статистических данных отечественными и китайскими исследователями было выявлено как минимум 120 русских эмигрантских писателей и поэтов — в среднем по 3–6 на каждые 10 000 человек, говорящих по-русски. По словам китайского исследователя Сунь Линци: «Доля писателей, которую они представляли среди читателей, настолько высока, что её можно внести в книгу рекордов Гиннеса»². И вполне заслуженно. Как отмечал известный российский литературовед, поэт и литературный критик, доктор филологических наук, профессор Ю. И. Минералов, в период с 1918 по 1947 год только в Харбине и Шанхае вышло более 200 поэтических сборников русских авторов, постоянно живших на китайской земле³. При этом надо учитывать, что многие поэты так и не смогли обнародовать свои произведения. Несмотря на то что тиражи этих сборников были мизерными, они значительно обогатили отечественную словесность. Стихи заучивались наизусть и передавались из уст

¹ Лю Вэнфэй. Из России в Харбин // Китайская книжно-торговая газета. 2003. 22 августа (на кит. яз.); Русская эмигрантская литература в Китае : хрестоматия / Составление и анализ Мяо Хуэй; Цицикарский университет. — Владивосток : Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2020. — С. 63.

² Сунь Линци. Русская Правда рецензирует книгу «Лотоса, плывущего в буре — русские эмигранты в Китае // Вестник. Иностранные теоретические тенденции. — 1998. — № 10. — С. 32 (на кит. яз.); Русская эмигрантская литература в Китае : хрестоматия / Составление и анализ Мяо Хуэй; Цицикарский университет. — Владивосток : Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2020. — С. 63.

³ URL: mineralov.ru/russkaya-poeziya-kitaya.htm (дата обращения: 22.09.2023).

в уста, становились текстами песен. Например, стихотворение Михаила Волина «Дорогая пропажа», музыку к которому написал Александр Николаевич Вертинский. Он же был и первым исполнителем песни. На стихотворение бывшего поручика армии Колчака, поэта, прозаика и журналиста Арсения Несмелова «Интервенты», написанное им в 1921 году во Владивостоке, была создана популярная песня «Каждый хочет любить», которую с большим успехом пел Валерий Леонтьев. Ещё одна песня на слова Арсения Несмелова, которую пел Валерий Леонтьев, «Волчья страсть», вышла в финал музыкального фестиваля «Песня года — 2000».

Специалисты, занимающиеся изучением и анализом русской эмигрантской литературы в Китае, выделяют несколько причин столь «выдающихся достижений русской эмигрантской литературы». Некоторые исследователи ставят во главе угла *«различия, которые отличали ее от тех идеологических основ и вытекающих из них мировоззрений и ценностей, на которых строилась русская литература на их родине, в России»*⁴.

Другие считают, что причины своеобразия произведений русских эмигрантов *«коренятся в специфике того изображения традиционной китайской культуры, которое стало определяющей чертой творчества русских литераторов в Китае»*⁵.

Немаловажными факторами своеобразия русской эмигрантской культуры является, во-первых, своего рода органичное впитывание в традиционную русскую культуру некоторых элементов местной китайской культуры. При этом в довольно специфической среде проживания. К примеру, в Харбине — «русском городе» на китайской земле, где слились воедино доброжелательное отношение к китайской культуре и её народу, реалии китайской жизни и обострённые в изгнании патриотизм и тоска по родине. С другой стороны, подсознательная боязнь раствориться в чужеродной среде и одновременно отгородиться от эмигрантской действительности.

Китайские культурологи также отмечают, что *«русская эмигрантская литература в Китае сохранила не только характерные для литературы “серебряного века” особенности культуры России,*

⁴ Цзэн Фаньжен. Актуальные проблемы европейской и американской литературы 20-го века. — Пекин, 2002. — С. 226–237 (на кит. яз.); Русская эмигрантская литература в Китае : хрестоматия / Составление и анализ Мяо Хуэй; Цицикарский университет. — Владивосток : Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2020. — С. 63.

⁵ Русская эмигрантская литература в Китае : хрестоматия / Составление и анализ Мяо Хуэй; Цицикарский университет. — Владивосток : Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2020. — С. 63.

но и вобрала в себя многие черты китайской культуры. Её отличают яркая индивидуальность, присутствие местного колорита, глубокая и искренняя тоска по покинутой Родине, неповторимый этнический стиль»⁶.

В связи с этим важно привести высказывание китайского исследователя Мяо Хуэй:

«Эмигрантские произведения выходят за рамки национальной культуры, носят транснациональные, межнациональные, межкультурные черты, а значит, несут в себе обогащённое культурное содержание. Литературные труды писателей-эмигрантов являются продуктом, созданным особой группой писателей, возникшей при исключительных культурно-исторических условиях. Самое важное: они являются неотъемлемой частью мировой литературы XX века, обладающей своей неповторимой спецификой»⁷.

Важное место в русской эмигрантской литературе в Китае занимало поэтическое творчество, сочетавшее в себе реалии культуры и общества, социальную проблематику и романтизм. Особенно это проявилось, по мнению профессора Ли Яньлин, в стихах поэтесс.

«В русской эмигрантской литературе в Китае поэзия занимала заметное место, — отмечает Ли Яньлин, — и среди поэтов поэтессы выглядят более привлекательными, можно сказать, что они занимают свое почетное место на Парнасе. Некоторые стихотворения своими высокохудожественными достоинствами сравнимы с подлинными жемчужинами, которые вначале родились в России, а сформировались в Китае»⁸.

Среди русских эмигрантских поэтесс заметное место занимают А. П. Паркау, Л. Ю. Хаиндрова, Л. Н. Андерсен, М. П. Коростовец, В. Ю. Янковская, И. Т. Орлова, М. Г. Визи, Ю. В. Крузенштерн-Петерц, Марианна Колосова, Нора Крук, О. А. Скопиченко и многие другие.

⁶ Мяо Хуэй. Особенности отражения китайской культуры в русской эмигрантской литературе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2015. — № 3. — Ч. 3. — С. 136–140.

⁷ Русская эмигрантская литература в Китае : хрестоматия / Составление и анализ Мяо Хуэй; Цицикарский университет. — Владивосток : Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2020. — С. 65.

⁸ См.: Серия литературы русских эмигрантов в Китае : в 5 т. — Т. 1. — Харбин, 2002. — С. 3 (на кит. яз.); Русская эмигрантская литература в Китае : хрестоматия / Составление и анализ Мяо Хуэй; Цицикарский университет. — Владивосток : Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2020. — С. 66.

Нора Крук

Лидия Хаандрова

Лариса Андерсен

Их творчество, как справедливо отмечал китайский исследователь Цюй Сюепин, *«позволило соединить в единое целое два мира — мир материальный и чувственный, с миром духовным и идеальным»*⁹.

По мнению отечественного филолога Г. В. Эфендиевой, именно женщины стали зачинательницами литературной жизни в русском Харбине. *«Они оказались всемерно задействованы в журналистской практике, — отмечала исследователь, — им открылись двери литературных салонов и художественных студий, была дана возможность публиковаться и встречать благосклонные отзывы. Это и обусловило появление среди российских эмигранток в Китае большого количества поэтесс, а также определило звучание их лирики»*¹⁰.

Русские поэты и писатели в эмиграции писали обо всем: о чём думали, о чём мечтали. Они свободно переходили от темы к теме, повествовали о жизни, о чувствах, о радостях и печалях. Но общим в их творчестве, несомненно, были чувство любви к родине и патриотизм. Жизнь в чужой стране, в чужой культуре заставляла их вспоминать Россию, постоянно возвращаться к этой теме, иногда с сожалением о потерянной родине, иногда с проклятиями к обстоятельствам, которые вынудили её покинуть. И создавать идеализированный образ Родины.

⁹ Цюй Сюепин. Исследование творчества русских «сирен». Русские поэтессы-эмигранты на Востоке : дисс. ... магистра. — Цицикарский ун-т, Цицикар, 2012. — С. 24 (на кит. яз.); Русская эмигрантская литература в Китае : хрестоматия / Составление и анализ Мяо Хуэй; Цицикарский университет. — Владивосток : Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2020. — С. 66.

¹⁰ Эфендиева Г. В. Художественное своеобразие женской лирики восточной ветви русской эмиграции : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. — М. 2006. — С. 14.

Историческое прошлое России грело душу русского человека, мечтающего о возвращении, и питало его стремление «блюсти старой родины заветы». Трепетное отношение к православной культуре, языку своей страны было обусловлено тем, что Родина являлась, в большей степени, понятием духовным, ассоциирующимся с отношениями кровного родства и верой предков.

Особенно это заметно в творчестве Ольги Скопиченко, сочетающем в себе тему изгнанничества и энергию борьбы, готовность посвятить свой путь освобождению России¹¹.

«Всю мою жизнь я писала о Родине, твердо веря в Возрождение России», — написала в обращении к читателям своего сборника «Рассказы и стихи» поэтесса Ольга Скопиченко. Сопроводив это обращение стихотворением «Тебе, Россия!»:

Что мне в том, что я не доживу —
Коль от веры в близость Возрожденья
Легче сердцу, радостней уму.
И от счастья быть Твоим поэтом
И стихи писать Тебе одной,
Было так легко бродить по свету
Не расставшись ни на миг с мечтой.

После смерти Ольги Скопиченко её муж Борис Михайлович Коновалов передал часть архива жены Приморскому государственному объединённому музею имени В. К. Арсеньева в городе Владивостоке. В фонд вошли мемуары, воспоминания, печатные издания, фотографии и документы О. Скопиченко и Б. Коновалова. Среди материалов — редкие сборники и книги прозаиков и поэтов Русского зарубежья как дальневосточной, так и западной ветвей эмиграции. Общее количество единиц хранения фонда семьи Скопиченко и Коновалова составило 320, из которых книжный фонд — более 150¹².

В 2002 и 2003 годах несколько российских историков, занимавшихся изучением истории Гражданской войны и русской эмиграции, встречались с Борисом Михайловичем Коноваловым, брали у него интервью. На прощание Борис Михайлович передал гостям оставшиеся фотографии из семейного архива с пожеланием опубликовать их вместе со

¹¹ Арустамова А. А., Кондаков Б. В. Начало пути: стратегия поэтического самоопределения в ранней лирике О. Скопиченко, М. Визи, Е. Грот // Филологический класс. — 2019. — № 2 (56). — С. 93.

¹² Москвитина С. П. Семейный фонд О. Скопиченко и Б. Коновалова // Восточный Базар. — № 12 (32), декабрь 2000. — С. 38.

стихами Ольги Алексеевны Коноваловой-Скопиченко. В 2023 году эти материалы были переданы в Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (г. Москва) и после соответствующего изучения представлены в данной книге.

Фотоматериалы, имеющиеся в распоряжении Института Наследия, можно тематически разделить на несколько блоков:

— семейный архив, в который вошли фотографии разных лет родителей Ольги Скопиченко, её сестёр, брата;

— личный архив Ольги Скопиченко, который включает портреты самой Ольги, её фотографии с друзьями и близкими, а также фото разных лиц с посвящением;

— архив Павла Сухатина — первого мужа Ольги Скопиченко. В нём представлены его портреты, фотографии во время отдыха, спортивных занятий;

— архив Бориса Коновалова. Он включает в себя детские фотографии Бориса — второго мужа Ольги Скопиченко, фото периода его учёбы в кадетском корпусе, бытовые фотографии разных лет, а также фотографии его близких родственников и друзей, в том числе художника К. П. Данилевского;

— фотографии акварельных рисунков художника Н. А. Пикулевича — знакомого Ольги и Бориса Коноваловых по жизни в Шанхае и на острове Тубабао (Филиппины);

— фотографии людей, не имеющие уточняющих подписей, вероятно, знакомых Ольги и Бориса;

— фотографии и фотооткрытки с видами достопримечательностей Китая.

Некоторые фотографии имеют на оборотной стороне надписи. Однако большинство из них ранее были наклеены на чёрную бумагу фотоальбома, фрагментарно сохранившуюся, что в значительной степени затруднило прочтение текста и, соответственно, идентификацию фотографии. Тем не менее часть надписей удалось восстановить.

Данная книга включает в себя три сборника стихов Ольги Скопиченко, опубликованные в разное время в Китае, а именно: «Родные порывы» (Харбин, 1926 г.), «Будущему вождю» (Тяньцзинь, 1928 г.) и «Путь изгнанника» (Шанхай, 1932 г.).

В сборник «Родные порывы» вошло 12 стихотворений поэтессы, в сборник «Будущему вождю» — 29¹³, а в книгу «Путь изгнанника» — 114 стихотворений. Произведения Ольги Скопиченко приводятся по оригинальным изданиям с изменением старой орфографии на современную.

¹³ В данной книге приводятся 28 стихотворений сборника.

Автор благодарит директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва Владимира Владимировича Аристархова; историка-исследователя Михаила Юрьевича Блинова; доктора исторических наук Амира Александровича Хисамутдинова; заведующую библиотекой Дома русского зарубежья Татьяну Александровну Королькову, а также зарубежных коллег за помощь, оказанную при подготовке данной книги. Особую благодарность автор выражает председателю Всемирного координационного совета российских соотечественников, проживающих за рубежом (ВКСРС), Михаилу Владиславовичу Дроздову.

«МЫ ИМЯ РУССКОЕ, КАК ЛАДАНКУ НОСИЛИ...»

Ольга Алексеевна Скопиченко родилась 12 (25) мая 1908 года в Сызрани в небольшом одноэтажном деревянном доме на улице Колосовой (ныне дом № 4 на ул. Фрунзе). Спустя шесть дней её крестили в церкви Ильи Пророка, находившейся неподалёку. Крестными родителями девочки стали старший врач сызранского военного лазарета коллежский советник Владислав Адамович Варевич и жена надворного советника Любовь Яковлевна Сушкова. Таинство совершили священник Всехсвятской церкви отец Алексей Смирнов и диакон Павпертов.

Дом, в котором родилась Ольга Скопиченко. Сызрань. Фото 2013 г.¹⁴

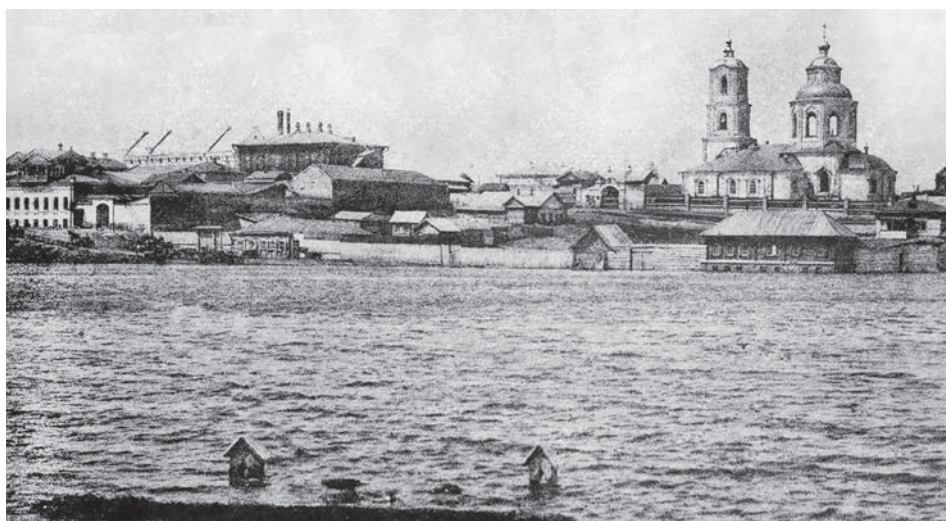
В те годы Сызрань была небольшим уездным городом Симбирской губернии, раскинувшимся на правом берегу реки Волги. Город был основан в 1683 году воеводой князем Григорием Козловским и славился своими мельницами, кожевенными заводами и кузницами. В начале XX века в Сызрани проживало 32 377 человек (16 038 мужчин и 16 339 женщин). В городе было 9 православных церквей, 1 единоверческая церковь, 2 монастыря — мужской Вознесенский и общежительный женский, реальное училище, женская гимназия, городское и духовное

¹⁴ Фото с сайта. — URL: Сызрань. Исчезающий город (livejournal.com) (дата обращения: 10.07.2023).

училища, несколько приходских и частных школ, публичная библиотека, земская больница, Дом трудолюбия, отделение государственного и волжско-камского банков, городской общественный банк и другие коммерческие учреждения. Город был важным торговым пунктом по отправке по Волге грузов, главным образом, хлеба, проса и муки. Славилась Сызрань и своей Крещенской ярмаркой¹⁵.

Сызрань. Вид на реку Крымзу. Открытка нач. XX века

Сызрань. Справа — церковь Ильи Пророка. Открытка нач. XX века

¹⁵ Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 32. — СПб. : Типография Акц. Общ-ва «Издательское Дело, Брокгауз — Ефрон», 1901. — С. 206–207.

Отец будущей поэтессы — коллежский советник Алексей Владимирович Скопиченко — в прошлом офицер русской императорской армии. В семье до Ольги уже было три дочери — Татьяна, Галя и Евгения. Вскоре после крестин семья переехала из-за Крымзы — «Питера», как в шутку называли этот район города, на Новую линию¹⁶, ближе к вокзалу. Этот район считался более престижным, здесь в основном селилась интеллигенция и железнодорожные служащие. Да и дом, в который въехала семья Скопиченко, был более вместительным.

В своих стихотворениях Ольга Скопиченко с нежностью вспоминает свои ранние детские годы.

Золотое детство, золотое:
Взлет качелей в солнечном саду,
Аромат сирени и левкоев,
Бег коньков на ярком, зимнем льду...

Пасха, под ликующие звоны,
Дни, как голубые мотыльки.
Свет лампадки в детской, у иконы,
Ласка нежной, маминой руки...

Сызранская интеллигенция. В первом ряду третий слева (полулежит) — А. В. Скопиченко

¹⁶ Район получил название благодаря реке Крымзе.

*Сёстры Скопиченко: Татьяна, Галя
и Евгения. Сызрань*

*Маленькая Ольга. Сызрань,
19 апреля 1911 г.*

*Чаепитие. В правой части фотографии — Алексей Владимирович
и Ольга Петровна Скопиченко*

Тихое, безмятежное сызранское детство, столь характерное для российских провинциальных городков, продолжалось недолго. В конце 1913 года семья Скопиченко переехала в Варшаву к месту новой службы отца — Алексея Владимировича. Он был назначен на должность помощника начальника Канцелярии помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части. По всей видимости, это назначение А. В. Скопиченко получил по протекции генерал-лейтенанта Льва Карловича Утгофа (мужа родной сестры Алексея Владимировича Екатерины), занимавшего в то время пост помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части.

Впоследствии Ольга Скопиченко в рассказе «Так было» писала:

«...Никогда не забуду, как за год до войны отец получил службу в городе Варшаве, он тогда был еще в отставке от военной службы, и когда мы приехали к моей тете¹⁷, где должны были прожить несколько дней, пока ремонтировалась наша квартира, я явилась туда со своей любимой кошечкой Муркой. Дядя занимал очень большой пост и их дом, дворец с бесконечной анфиладой комнат очень меня поразил¹⁸: особенно одна из гостиных вся в бледно-зеленых тонах с козетками и стульями, крытыми бледно-зеленым, в узорах, шелком...»¹⁹.

Однако вскоре, в связи с началом Первой мировой войны и оккупации германскими войсками Варшавы, семья вновь вернулась в свой родной дом в Сызрани. Именно здесь в семилетнем возрасте будущая поэтесса написала свои первые стихи, открыв тем самым путь к творчеству.

Известно, что человек формируется и закаляется, преодолевая трудности. Хватило лихолетья и маленькой Ольге. «Золотое детство» у Лёли или Люси, как её ещё иногда называли близкие, закончилось в 9 лет.

Наше детство с золотым не схоже —
Нам досталось «выжить», а не жить.
Наше детство незабвенно тоже,
Нам его в тома не уложить.

...Отголосок орудийных громов,
Тени отступающих солдат,
Рев толпы на площади за домом,
Грабящих разбитый винный склад...

¹⁷ Речь идёт о родной сестре отца Ольги — Екатерине Владимировне Утгоф (Скопиченко).

¹⁸ Дом находился по адресу: г. Варшава, ул. Св. Креста, 33.

¹⁹ Скопиченко О. Рассказы и стихи. — Сан-Франциско (США), 1994. — С. 188.

Так открылась первая страница
Золотого детства... а за ней
Потекли кровавой вереницей
Годы отступлений и смертей.

Ласку мамину мы тоже знали,
Жались к ней. Но сколько, сколько раз
Детскими сердцами отмечали
Слезы в глубине любимых глаз.

Были и у нас свои игрушки,
Свой мирок — немножечко другой
В те года, когда в окне теплушки
Степь сменялась темною тайгой...

У оставшихся иное детство было...
Сколько их прошло сквозь лагеря,
Сколько расстреляли, погубило
Грозное дыханье Октября.

Мир тогда был нем и равнодушен,
Отдыхал от горестей войны.
Сколько раз «Спасите наши души!»
Слышалось с Российской стороны.

С.О.С. На этот клич на море
Каждый пароход спешит помочь.
На десяток лет, на наше горе
Отвечала грозным мраком ночь.

Дни прошли... Охваченный пожаром,
Зараженный тою же чумой
Шквал пронесся над Европой старой
Беспощадной страшною войной.

Словно мир покинут Богом ныне,
Словно души потеряли мы...
Веет над безжизненной пустыней
Дуновенье страшное чумы.

Много, много громких слов слышали...
Стоит ли набор красивых слов,
Жизни тех людей, что погибали
В лагерях, в развалинах домов.

Жизни, что десятка лет короче...
Жизни, что познали только страх —
Жизни тех людей, чей список точный
Где-то там ведется, в небесах...

И теперь, как прежде, нет покоя
Грозен лик у будущего дня.
Золотое детство. Золотое —
От багровых отблесков огня²⁰.

*Три сестры. Стоят: Татьяна и Галя, сидит — Ольга.
Сбор пожертвований в пользу раненых и семей воинов. Фото 1914 г.*

²⁰ Скопиченко О. Рассказы и стихи. — Сан-Франциско (США), 1994. — С. 125–126.

Ольга Петровна Скопиченко с дочерьми и неизвестным офицером.

На оборотной стороне фотографии надпись:
«Снимались в 1915 г. 28 го апреля в г. Кузнецке. Во время прогулки»

Тяжёлые годы войны, которую в то время именовали Великой, служба отца, вновь призванного офицером в армию, революция, Гражданская война и эвакуация с частями Белой армии, начавшаяся 3 октября 1918 года и продолжавшаяся всю жизнь поэтессы.

«Какое трудное слово “эвакуироваться”, — вспоминала Ольга Скопиченко в своём очерке «Это было давно», опубликованном в 1988 году, — это значит сбросить в чемодан, в узлы то, что подвернется под руку, бросить дом, идти пешком, ехать на лошадях, на верблюдах, в теплушках. Вот тоже теплушки. Я ведь хорошо помнила, что в этих вагонах возили лошадей и коров, если мы ездили к дяде или в Москву к сестрам, вагоны были другие — такие красивые, нарядные и было очень приятно смотреть в окна и следить, как бегут от тебя дома, деревья, поля. Окна были большие и как-то я спустила новую книжку про Степку-растрепку между рам. Вот было горе. Книжку никак нельзя было достать, она просто исчезла в щели. Но это было давно, мне тогда было всего пять лет, а теперь я уже большая — мне совсем скоро восемь, я больше не плачу, я хорошо знаю, что плакать нельзя»²¹.

²¹ Скопиченко О. Рассказы и стихи. — Сан-Франциско (США), 1994. — С. 292.

Эвакуация... Сначала по железной дороге до города Троицка Оренбургской губернии, затем с отступающими частями Белой армии до города Чугучак²² в Китае.

Трагическую эпопею перехода семьи с частями отступающей Южной армии через безводную солончаковую степь Ольга описала в очерках «На спинах верблюдов», «Три друга» и в нескольких стихотворениях.

Степь... Сожженная солнцем трава,
Чуть скрипят у повозок колеса,
Дум неясных полна голова
И недетские мучат вопросы.

Почему мы покинули дом,
От кого и куда мы бежали,
Отчего столько горя кругом...
Злые люди нас с Волги прогнали.

Почему на мой детский вопрос
Мама ласково шепчет: «не знаю»,
И глаза ее, полные слёз,
Потемнели от скрытой печали.

Почему мой отец молодой
Белым стал и согнулся немного...
И когда мы вернемся домой,
И окончится ль эта дорога?

И не тянет меня поиграть —
В уголок я забила пугливо:
И мне хочется громко кричать
С затаенной недетской силой.

Степь молчит... Только слышно едва,
Как привычно трещат пулеметы.
Дум неясных полна голова
И на личике тень от заботы²³.

²² В настоящее время город Чугучак или Тачэн Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики.

²³ Скопиченко О. Рассказы и стихи. — Сан-Франциско (США), 1994. — С. 275.

Этот поход, по всей видимости, оказал сильное влияние на дальнейшую жизнь будущей поэтессы, её творчество, борьбу, характер.

Как известно, Южная армия, состоявшая почти исключительно из оренбургских казаков и находившаяся под командой генерал-майора П. А. Белова²⁴, к осени 1919 года оказалась отрезанной от остальных армий Сибирско-Уральского фронта и начала отступление в глубь областей Степного края Русского Туркестана²⁵. Генерал Белов планировал перейти через Иргиз-Тургай в район Атбасара-Кокчетав и выйти на соединение с другими армиями адмирала А. В. Колчака, отступавшими под натиском красных вдоль Сибирской железной дороги. Армии и сопровождавшим её беженцам предстояло пройти более 800 вёрст по безлюдным и бездорожным степям Тургайского края. Причём фактически без необходимых запасов продовольствия и фуража. Во время похода людям выдавалось только по два фунта сырой баранины; ни

²⁴ Белов Пётр Андреевич (Генрих Альфредович Виттенкопф), генерал-майор. Родился 22 апреля 1881 г. в Курляндской губернии Российской империи. Окончил частную классическую гимназию, Виленское юнкерское училище, Императорскую Николаевскую военную академию и Академию Генерального штаба. Участвовал в Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войнах. С конца марта по июнь 1919 г. командовал Южной группой войск Западной армии; с июня по октябрь 1919 г. — командующий Южной армией. После расформирования управления Южной армии 18 сентября 1919 г. был переведён в распоряжение Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака. С октября 1919 г. — помощник военного министра по мобилизационно-организационной части, 28 октября руководил эвакуацией города Омска. В 1920 г. попал в плен под Красноярском к красным и был расстрелян.

²⁵ Южная отдельная армия была сформирована приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака за № 138/1811/оп от 23 мая 1919 г. В состав армии вошли: 1-й Оренбургский казачий, 4-й Оренбургский, 5-й Стерлитамакский, 11-й Яицкий армейские корпуса, 5-я стрелковая, 9-я Стерлитамакская горных стрелков (бывш. сводная Оренбургская) дивизии, 21-я стрелковая Яицкая дивизия (в составе 81–84 стрелковых полков), 1-я Оренбургская казачья бригада. 18 сентября 1919 г. приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего и главнокомандующего Восточным фронтом № 1074 Южная армия была переименована в Оренбургскую армию, включённую в состав Восточного фронта. Командующим армией был назначен походный атаман всех казачьих войск и генерал-инспектор кавалерии Русской армии генерал-лейтенант А. И. Дутов. В конце сентября 1919 г. командование Восточного фронта попыталось реорганизовать армию. Однако осуществить задуманное не удалось, так как в боях под Орском и Актюбинском армия понесла большие потери и почти вся, кроме 4-го армейского корпуса, была отрезана от главных сил Восточного фронта. Её остатки частично отступили в район г. Уил, где присоединились к Уральской армии, частично отошли на восток к Тургаю на соединение с частями 4-го армейского корпуса.

хлеба, ни других продуктов не было. Вскоре из-за питания одним мясом начались массовые желудочные заболевания. Случались и солнечные удары со смертельным исходом. Не хватало питьевой воды. В первую же неделю пути пало много лошадей.

Очевидец вспоминал:

«Нередко можно было наблюдать, как около павшей лошади рыдала семья беженца, обреченная остаться в степи на голодную смерть. Кто им поможет в этой горе и к кому обратиться, когда каждый спасает себя, и, может быть, не сегодня-завтра сам окажется в таком же положении. Чувство сострадания исчезло у каждого. У дороги лежит умирающий человек, который умоляет о помощи, протягивает руки к проходящим, плачет, стонет, но никто не видит и не слышит. Такие картины становились обычными. Вот жена и дети оплакивают мужа и отца, а здесь кто-то бьется в предсмертной агонии, пораженный солнечным ударом. Никто ни на что не обращает внимания. Каждый исполнен только одним желанием: вперед, как можно скорее вперед, ибо каждая минута промедления грозит смертью...»²⁶.

Этот страшный переход Ольга Скопиченко описала в повести «На спинах верблюдов». Глава из этой повести была опубликована в сан-францисском сборнике «Рассказы и стихи». Приведём её рассказ полностью.

Высохшая, желтая трава, куда не бросишь взгляд, везде унылая, однообразная картина выжженной жестоким солнцем степной шири, только кое-где на желтом фоне голубеют огромные впадины солончаковых озер. У нас очень экономят воду; вот уже несколько дней даже нам дают пить только когда начинаешь настойчиво просить: «мама, у меня весь рот пересох, ну хоть капельку!». И мама бережно открывает большую бутылку и наливает маленький стаканчик, ее тонкие пальцы крепко держат стакан, бережно, точно какую-то драгоценность. Братишке перепадает больше, он ведь совсем маленький и еще ничего не понимает.

Помню, первый отказ мамы налить мне лишний стакан, вызвал у меня взрыв негодования и обиду до слез. Потом я как-то заметила, что сама мама не пьет совсем, только изредка смачивает губы. И где-то там, в детском наблюдательном сердце, что-то екнуло. Больше я не просила пить, подходила к заветной бутылки только тогда, когда мама сама наливала мне очередную порцию воды.

Как это странно: едем среди озер, тянутся они такие бесконечные и такие голубые, а воды нет.

Я помню, в первый же день, когда началась эта страшная безводная полоса, я решила попробовать сама. Не давало покою удивление, отчего

²⁶ Еловский И. Голодный поход Оренбургской армии: из воспоминаний участника похода. — Пекин, 1921. — С. 6–7.

это ни лошади, ни верблюды не стремятся поближе к озеру, не забираются далеко в воду, не пьют ее жадно, не купаются, как обычно во время привалов у реки после долгого пути. В первый же вечер, когда встал наш обоз на ночевку, побежала со своим верным другом, молодым и суматошным псом Пираткой, прямо к озеру. Сняла башмаки и вошла осторожно, оглядываясь, не заметит ли кто из взрослых мое исчезновение из лагеря. Захотелось пить. Я зачерпнула горсточку воды и хлебнула... До сих пор помню, как я плевалась, как жгло мне рот, какая отвратительная горько-соленая была эта вода! Мой верный Пиратка сидел на берегу и повизгивал. Он-то каким-то неведомым чутьем знал, что эту воду лакать нельзя, в ней нельзя прыгать и купаться, от нее надо подальше.

Никому, ни одной душе я не сказала о своем горьком опыте. Только большая бутылка с водой, которую так бережно хранила мама, стала для меня понятна.

Один мучительный, жаркий день по безводным степям. К вечеру, лошади едва волочили ноги, только наши верблюды шли) все так же размеренно, как будто не спеша, не показывая усталости, так же, как всегда, пережевывая свою неизменную жвачку, не ускоряя мерного шага, за которым лошади непременно надо бежать рысью, иначе не догнать.

Вечером на бивуаке ничего не варили; нам дали по куску лепешки и по стакану воды. Взрослые долго сидели у костра и о чем-то спорили. Нас уложили рано спать. Братишка заснул сразу же, а я ворочалась в душной повозке и, наконец, не выдержала, вылезла и тихонечко, крадучись, пошла к костру. Послышался знакомый мамин голос:

— А ты думаешь, это не много верст?

— Не знаю.

Папа задумался на минуту и потом заговорил ободряюще:

— Не думаю, вероятно, дня два, три. Жаль не знали, нужно было бы запастись водой гораздо больше. Да ведь не во что брать-то было. И так заполнили все бутылки, все ведра. Утром придется напоить коней из того бака.

— Что ты говоришь? Это же последний!

— Надо. Лошади не выдержат. И мы все погибнем!..

Замолкли. Я тихо, тихо пошла в поле туда, где стреноженный пасся мой черный Туманка. Он тихо, приветственно заржал мне навстречу. Гладила его милую умную голову, чесала за ушами и успокаивала, как могла:

— Ничего, Туманка, потерпи, завтра утром тебя напоят! И папа сказал, что это недолго, дня два-три.

Три дня. Да, это длилось три дня. Но каких ужасных, каких горьких... Я помню, когда к концу второго дня и у людей, и у животных была только одна мысль — «пить» — одно слово, одно желание. Я не плакала.

Я твердо знала — со слезами покончено. Можно было реветь там, где остался дом, моя няня, моя детская, все мое... Здесь плакать было нельзя — я стала сразу взрослая.

Обоз тянулся медленно, медленно. Степь вся такая же, без конца и края. Только все чаще и чаще попадались на нашем пути брошенные лошади. Худые скелеты лошадей, они шли, еле переступая сбитыми ногами, или стояли молча, либо печальными глазами провожая наш обоз. К концу второго дня их число увеличилось настолько, что мне казалось, что целые табуны несчастных, умирающих животных стоят на нашем пути, идут качаясь, по краю дороги. И эти лошадиные полные тоски и смертного ожидания глаза... Никогда, никогда не забуду этих глаз, глаз умиравших от голода и жажды животных! Вот одна закачалась и упала, силится встать на дрожащие, не повинующиеся ноги.

— Мама, мама, разве нельзя ей помочь! — срывается с губ почти криком.

— Их так много, детка...

— Только вот этой, мама, посмотри, какие у нее глаза... Мама, да ведь она плачет...

Никогда до той минуты я не видела, чтобы лошади плакали. Один из офицеров нашего обоза вышел из повозки и быстро подошел к лошади. Он погладил ее, прижал голову к себе, и вдруг... я видела издали — наш обоз уже проехал: лошадь упала и осталась лежать неподвижно. Это он ее убил... Я уже хорошо знала, что значит убить, что, если выстрелить в упор из ружья или из револьвера, то можно убить. Ехала и думала, совсем не по-детски: «Это очень хорошо, что он ее убил; умирать без воды очень мучительно!»

Как хочется пить. Попросить маму, в большой бутылке еще есть вода, немного, совсем немного, но... может быть, еще потерпеть. Вдруг мы доедем до речки до большой речки и можно будет побежать к берегу, нагнуться и пить, пить, без конца пить...

Я решительно отвернулась от мамы, чтобы ничем, ничем не показать, что я больше не могу, что мне хочется разреветься по-прежнему, как раньше, как вон ревет маленький братишка.

Смотрю в даль желтых, бесконечных степей, Степь, степь, — желтая, высохшая. Нигде ни деревца, ни кустарника — всюду желтая, сухая трава.

И вдруг... где-то там на горизонте, вон там, где сливается с землей край неба, я ясно увидела зелень деревьев, больших, высоких, ярко блеснула в лучах солнца вода в реке... вода. Я закричала так громко, так радостно, что мама, задремавшая с маленьким братом, прижавшимся к ней, вздрогнула и проснулась.

Вода! Там вода... настоящая, речная... Но видела не я одна. Видели люди, видели наши лошади, наши верблюды. Лошади словно набравшись

сил, пошли быстрой рысцой, верблюды ускорили свой размеренный шаг, почти всегда одинаковый шаг. Вода... Господи, какое счастье!..

— Мама, мама, там вода, смотри, смотри! Вот еще немного, еще несколько минут, и мы будем там, в этой радостной, зеленой роще, около реки... Но словно растаяли, скрылись в воздухе и роща и река...

Желтая, высохшая степь вдали...

— Мама, что это?

— Не дрожи, детка, это мираж!

Мираж! Так вон какой он, мираж, о котором я читала в книгах, о котором рассказывали в школе... Значит, воды нет. Рот сразу пересох еще больше, лошади шли понуро, устало, безнадежно. И только верблюды по-прежнему шагали своим размеренным шагом, равнодушные и привычные ко всему в этих бесконечных степях.

К концу третьего дня, когда воды не осталось ни капли, нельзя даже было смочить платок и приложить его к распаленным губам — к концу третьего дня усталые, полуумирающие лошади довели нас до заброшенного в степи, неизвестно кем и когда вырытому колодезю. Он был глубокий, глубокий. На длинной веревке туда спускали ведро, и оно наполнялось в полчаса, вода просачивалась откуда-то медленно, по каплям. Никогда, никогда в жизни я не пила ничего вкуснее, чем эта грязная, мутная, глинистая вода.

Стояли всю ночь, пили сами, поили лошадей и верблюдов, сделали как могли, запас воды. Мы, дети, заснули. А взрослые поочередно набивали колодезную воду.

Ночью я проснулась от страшного крика. Кто-то кричал нечеловеческим криком боли и отчаяния. Выскочила из повозки и побежала к костре. Немного поодаль от нашей повозки лежала на боку, билась в судорогах и отчаянно кричала наша одnogорбая верблюдица «Англичанка», как ее прозвали за ее сухопарость и рост. Пришлось пожертвовать уже набранным запасом воды и облить ее всю, потом она выпила целое ведро и успокоилась.

— Англичанка очень нервная! — сказал кто-то.

Мне стало смешно: верблюдица и, вдруг, нервная.

— Иди спать, нечего полуночничать. «Англичанка» уже поправилась.

Мой любимец, огромный двугорбый верблюд Васька, стоял и смотрел на всю эту сцену меланхолично пережевывая жвачку. И столько было ума и презрения в его маленьких глазах, что я не выдержала, подошла, обняла его за ногу и потерлась лицом о грубую верблюжью шерсть. Мы сидели притихшие в повозке, братишка то спал, то тревожно просыпался и жался к маме. Я, выплакавшись ночью, уже не жалась к ней, только изредка тревожно ловила взгляды отца и матери. Даже лошади, как-то сгорбившись, шли этим путем, даже верблюд

Ольга Скопиченко в возрасте 13 лет

Васька, всегда равнодушный ко всему, как-то особенно медленно передвигал свои большие лохматые ноги.

День тянулся бесконечно, а когда сумерки легли на землю, и где-то далеко за горизонтом в последний раз вспыхнули потухающие солнечные лучи — откуда-то из-за песчаных сопок послышался дробный, резкий топот коня. Все насторожились. Я видела, как папа отстегнул кобуру револьвера, как наш денщик вскинул винтовку. Из-за сопки показался скачущий во весь опор казак, он доскакал до передовых нашего обоза и, сгибаясь с седла, прокричал громко, громко:

— Слухи ложны! Путь свободен. Иргиз в руках генерала Белова!

Приостановился около нашей повозки, показал папе бумагу и снова вихрем умчался на своей взлохмаченной киргизке. Я помню, как радостно плакала мама, как смеялись сестры, как посыпались шутки и смех, как стали распрягать лошадей, останавливаясь на ночевку.

Как сразу оживился наш маленький обоз! Кубарем скатился с повозки братишка и побежал вместе с взрослыми разжигать костер. И только вразрез с общим оживлением и весельем в памяти навсегда остались слова отца, сказанные полушепотом, полные такой невыразимой горечи:

— Путь свободен... А сколько обозов свернуло с прямой дороги, в обход, на верную смерть в безводных степях!²⁷

²⁷ Скопиченко О. Рассказы и стихи. — Сан-Франциско, 1994. — С. 307–313.

*Харбин, район Пристань. Новогородняя улица. Открытие нач. XX века.
Архив А. Окорокова*

К концу 1919 года части Южной армии прибыли в город Сергиополь²⁸ Семиреченского края, откуда в марте 1920 года были эвакуированы в китайский город Чугучак.

В 1923 году семья Скопиченко поселилась в Харбине. Этот город, находящийся в Маньчжурии, был основан русскими в 1898 году как важный железнодорожный и торговый центр Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). С первых дней своего существования в нём проживало значительное количество русских поселенцев — строителей, железнодорожных служащих, чинов Охранной стражи. В Харбине действовало собственное, русское городское управление, православные приходы, российские торговые предприятия, средние и высшие учебные заведения. И когда в начале 1920-х годов в Харбин хлынули беженцы из Сибири и с Дальнего Востока, они психологически

²⁸ Сергиополь — населённый пункт, основанный в 1770 г. сибирскими казаками. Первоначальное название — станица Аягузская. После 1860 г. был сельским населённым пунктом и носил название Сергиополь, Сергиопольская станица Лепсинского уезда сначала Семипалатинской, потом Семиреченской области. В 1931 г. в связи со строительством Туркестано-Сибирской железной дороги рядом с селом возник пристанционный посёлок. В 1939 г. он получил статус города и название Аягуз, которое сохранял до 1991 г., а затем официально он был переименован в Аягоз (транслитерация казахского названия «Аяғөз»). Ныне на историческом месте Сергиополя располагается пригородное село, переименованное в Мамырсу.

*Русские жители Харбина. Открытка нач. XX века.
Архив А. Окорокова*

не оказались за границей, ибо Харбин был городом русских, хотя и находился на китайской земле. В городе все говорили по-русски, на русском были написаны названия улиц и вывески торговых предприятий, выходили русскоязычные журналы и ежедневные газеты, на русском издавались книги. Многие русские, жившие в Харбине и особенно родившиеся там, отождествляли себя с этим городом.

Харбин дал возможность русским беженцам после революционного апокалипсиса пожить иллюзией о «прежней России».

Ольга Скопиченко с теплотой вспоминала об этом городе:

«Все эти дни среди забот текущего дня, все время встает в памяти наш Харбин, Харбин прошлых лет, Харбин первых лет беженства, Харбин, где для многих из нас прошли наше детство и юность. И переверачивая страницы памяти, невольно возникает в душе благодарность к прошлому, к тому прошлому, которое навсегда осталось в душе светлым воспоминанием минувших дней. По воле Божией, мы покинули свою страну и попали в уголок прежней России, так как Харбин был истинным русским городом. И долгие годы мы жили не на чужбине, а дома, в городе, сохранившем русские обычаи, старую русскую жизнь. <...>

Жили мы по-русски. Словно ужасы пережитой революции остались за границей Маньчжурии, словно мы продолжали жить в родной стране. Было трудно многим и многим материально, но этот обиход русского города помогал жить. И когда, приехавшие из Европы, русские кичатся тем, что многие годы прожили в центрах культуры, в Париже, Лондоне,

Общий вид здания гимназии М. А. Оксаковской.
 Открытка нач. XX века

Берлине и пренебрежительно называют наш Харбин “глухой провинцией” (сколько раз я слышала эти фразы), мне вспоминаются наши: 18 православных храмов, политехникум, юридический факультет, институты, музыкальная и зубоврачебная школы, гимназии, городские училища, разные курсы, симфонический оркестр, опера, театры и кино, детские сады, приюты, скауты, сокола, мушкетеры, банки, больницы, бесплатные клиники, банки, фабрики и заводы, семь ежедневных газет, журналы, издательства книг и вся наша харбинская жизнь, вспоминая все это, мне становится жалко наших “европейцев”, не испытавших этой настоящей русской жизни за границей.

Нам вытало большое счастье прожить еще годы и годы после революции в настоящем русском городе, получить русское образование»²⁹.

В Харбине Ольга училась в русской гимназии М. А. Оксаковской и 25 мая 1925 года окончила семь классов. Затем поступила на Юридический факультет³⁰. Работала на табачной фабрике. В середине

²⁹ Скопиченко О. Рассказы и стихи. — Сан-Франциско (США), 1994. — С. 57.

³⁰ Юридический факультет в Харбине был открыт 1 марта 1920 г. как Высшие экономико-юридические курсы, которые 3 июля 1922 г. были переименованы в Юридический факультет. Факультет осуществлял свою деятельность на основании общего университетского Устава дореволюционной России 1884 г. с последующими изменениями. Профессорский и преподавательский состав факультета превышал 50 человек, а число студентов доходило до 1000. Первым деканом Юридического

Ольга Скопиченко (слева) и Марианна Колосова. Фото 1924 г.

1920-х годов начала печататься в русских газетах и журналах, в том числе в «Рубеже»³¹.

Ещё в начале 1920-х годов (примерно в 1924 г.) Ольга сблизилась с поэтессой Марианной Колосовой³², чьи стихи оказали на Скопиченко сильное влияние. Они были дружны и некоторое время жили вместе — в «сторожке», описанной в рассказе Скопиченко «Неожиданный завтрак»:

факультета (тогда ещё Высших экономико-юридических курсов) в Харбине был профессор Н. В. Устрялов. Позже эту должность занимали профессор Н. И. Миролюбов (с конца 1920 г.) и видный специалист в области гражданского права В. А. Рязановский (с осени 1924 г.). В 1929 г. факультет был преобразован в государственный «юридический факультет Особого района Восточных провинций» Китая. Последний выпуск факультета состоялся в конце 1937 г. Всего за годы своего существования факультет окончили 297 человек, из них по юридическому отделению — 170.

³¹ «Рубеж» — еженедельный литературно-художественный журнал, издававшийся с 20 августа 1926 г. по 10 августа 1945 г. в Харбине. Бессменным издателем (директором-распорядителем) журнала был журналист Е. С. Кауфман. «Рубеж» был наиболее известным изданием русской Маньчжурии, имел собственных корреспондентов в Европе, Америке и Австралии. В нём печатались не только местные авторы, но и писатели русской эмиграции из Европы.

³² Колосова Марианна (1903, Россия — 1964, Чили) — поэтесса русского зарубежья. Подруга Ольги Скопиченко. См. раздел «Родственники и друзья Ольги Скопиченко» в данной книге.

Марианна Колосова и Ольга Скопиченко (справа)

*«...Вспоминается юность, годы университета, заработки, полуго-
лодная жизнь, ибо денег никогда не хватало. Одно время жили мы в очень
небольшой бедной каморке, даже не каморке, а в сторожке. Это жильё
для сторожа располагалось во дворе одного дома. В сторожке у нас
была печь, стояли две кровати и два письменных стола. Была еще одна
пишущая машинка, на которой мы перепечатывали свои стихи и затем
относили их в редакцию. Работали мы обе в журнале “Рубеж”. Жила я
в сторожке с поэтессой Марианной Колосовой. В то время я уже начала
печататься. Писала стихи, коротенькие рассказы, в общем начинала
свою литературную жизнь. Жизнь была трудная. Часто, часто нам не
хватало денег даже на хлеб, мы голодали...»³³.*

Позже в сборнике стихов «Путь изгнанника» (1932 г.) Ольга Скопиченко посвятит Марианне Колосовой два стихотворения: «Далекому другу» и «Твои глаза».

Когда чем-нибудь ты озабочена,
У тебя голубеют глаза,
Вот такого же цвета точно
Отливает волны бирюза.

Да и вся ты на море похожа
Своей бурной и пестрой судьбой:
Каждый день у тебя тревожный,
Каждый день у тебя иной.

³³ Скопиченко О. Рассказы и стихи. — Сан-Франциско (США), 1994. — С. 16.

И тебе не чужды перемены —
Ты меняешься, словно зыбь.
Как морская белая пена,
Белоснежен души призыв.

Я тебя до конца не знаю,
Но, как море, тебя люблю,
Ведь недаром жизнь огневая
Заплелась случайно в мою...³⁴

Знакома Ольга была и с известными поэтами-«дальневосточниками» Арсением Несмеловым³⁵ и Всеволодом Ивановым³⁶. Их памяти

³⁴ Скопиченко О. Твои глаза // Путь изгнанника. — Харбин, 1932.

³⁵ Несмелов Арсений (8 (20) июня 1889, Москва — 6 декабря 1945; наст. имя и фамилия — Арсений Иванович Митропольский, псевдонимы: А. Н-ов, А. Н-лов, А. Арсеньев, Н. Арсеньев, Арсений Бибилов, Сеня Смелов, Николай Дозоров, Н. Рахманов, Анастигмат, Тётя Розга, Не-пыли) — русский поэт, прозаик, журналист. Учился во Втором Московском кадетском корпусе, из него перевёлся в Нижегородский Аракчеевский, который и окончил в 1908 г. Печататься начал в 1912 г. Участвовал в Первой мировой войне, был награждён четырьмя орденами. В начале ноября 1917 г. (по н. ст.) принимал участие в боях против большевиков в Москве. В период Гражданской войны — в частях Белой армии адмирала А. В. Колчака. Был адъютантом коменданта Омска. Поручик. Участник Великого Сибирского Ледяного похода. Эвакуировался в Маньчжурию. Жил в Харбине, активно сотрудничал с русскоязычными журналами и газетами, публиковал рассказы, стихи, обзоры, фельетоны, статьи о литературе. Некоторое время редактировал страницу «Юный читатель Рубежа» (приложение к газете «Рупор»). Был членом Всероссийской фашистской партии. В 1941 г. окончил вечерние курсы политической подготовки при разведывательной школе в Харбине. Служил в Японской военной миссии, работал на курсах пропагандистов. В августе 1945 г. был арестован и вывезен в СССР. Умер в пересыльной тюрьме в Гродекове (ныне посёлок Пограничный в Пограничном районе Приморского края).

³⁶ Иванов Всеволод Никанорович (7 (19) ноября (19 сентября) 1888 — 1971) — русский писатель, поэт, публицист, философ, историк, автор повестей и романов, представитель евразийского движения. Окончил историко-философский факультет Санкт-Петербургского университета (1912 г.). Во время учёбы в университете и после его окончания стажировался в Гейдельбергском и Фрайбургском университетах. Участвовал в Первой мировой войне, подпоручик. Был награждён орденом Святой Анны 3-й степени за отлично-ревностную службу. Участвовал в Гражданской войне. Работал редактором «Нашей газеты», издававшейся Русским бюро печати при правительстве адмирала А. В. Колчака. Открыл в Харбине газету «Заря», создал Дальневосточное информационное телеграфное агентство (ДИТА) и стал его директором. С 1921 г. был уполномоченным по печати (по информации)

она посвятила рассказ «Устрицы», написанный в 1982 году и повествующий о «роскошном ужине» в дорогом ресторане «Фантазия», куда компанию пригласил гурман Иванов.

...Зал Фантазии, за ранним временем еще полупустой, сиял огнями. Уютная ложа балкона, освещенная разноцветными фонариками, серебро и хрусталь стола, тихая музыка откуда-то издалека. Я невольно покосилась на художественно расписанное меню, но Всеволод пошептался с лакеем и, отстранив карту вин, коротко заказал:

— Устрицы и шампанское.

Завязался веселый разговор. Говорили о новых темах, о новых стихах. Арсений, лукаво прищурившись, спрашивал нас, какая лучше всего рифма на слово оранжевый... И так как ни я, ни Марианна ничего не ответили, тут же нараспев протянул:

— Оранжевый... Ах и дрянь же вы...

Он был великий мастер на рифмы и ассонансы. А я сокрушенно думала, ну, вот и никакого ужина... ни цыплят, ни даже простого бифштекса... а я такая голодная. Да еще устрицы, а как их едят?

За свою короткую, шестнадцатилетнюю беженскую жизнь я только слышала об устрицах. А вдруг они и на самом деле пишат, когда их глотаешь.

Шампанское было искристое и очень вкусное. Именно шампанское помогло мне на голодный желудок глотать этих скользких слизняков, которые были поданы в раковинах с изящными вилочками и ножичками. Глотала, внимательно наблюдая, как расправлялся с устрицами Иванов, боялась показать свое полное невежество в обращении с таким изысканным блюдом. Голова кружилась от шампанского, от стихов Арсения, от добродушных шуточек Иванова, и я старалась не замечать сочувственных взглядов, которые на меня кидала Марианна.

В полночь нас тем же порядком на извозчике доставили домой. Всеволод попрощался с нами на улице, Арсений пошел провожать до дверей нашей хибары. И тут Марианна на него накинулась:

— Тоже, гурманы! Тоже хороший тон! Дамам даже не предложили выбрать, что они хотят заказать. Устрицы... шампанское...

Приамурского «Меркуловского» правительства во Владивостоке, издавал «Вестник Приамурского Временного Правительства», «Русский край» и «Известия Временного Правительства». 22 октября 1922 г. эвакуировался из Владивостока в Мукден, а потом в Тяньцзинь. С 1922 по 1945 гг. жил в Китае, Корее, Маньчжурии. Активно публиковался в периодических изданиях. Сотрудничал с аппаратом исполкома Третьего Коммунистического интернационала, советской разведкой. В феврале 1945 г. возвратился в Советский Союз. Жил в Хабаровске, продолжал заниматься литературной деятельностью. Скончался 9 декабря 1971 г., похоронен на Центральном кладбище г. Хабаровска.

Арсений оправдывался:

— Но ведь это действительно шикарно и для Фантазии самое подходящее.

— Подходящее... Ольга два дня ничего, кроме корочки хлеба, не ела. В доме пусто. А вы...

Арсений растерялся:

— Так почему вы не сказали, что вы голодные. Я бы заказал цыплят.

— Да так вот и сказать, что мы хотим что-нибудь существенное. Так вот перед Савоськой³⁷ и сознаться, что мы голодающие поэтессы. Ты сам должен был догадаться.

Я молчала. У меня проходил угар шампанского, и я чувствовала, что устрицы стоят в горле комом.

— Я завтра утром забегу, — и Арсений, немного смущенный, пошел к калитке.

— Только смотри, ни слова Всеволоду, не позорь нас, — крикнула ему вслед Марианна.

Утром часов в десять Арсений был уже у нас, принес с собой сайку хлеба, лук и две коробки сардин, все что мог достать в маленькой лавочке, где ему еще не было отказано в кредите. Видимо, сам тоже был «на мели» в эти дни³⁸.

Сведений о жизни Ольги в Харбине сохранилось не так много. Известно, что в 1926 году она издала здесь свой первый сборник стихов — «Родные порывы».

Исследователи творчества Марианны Колосовой и Ольги Скопиченко писали, что обе поэтессы активно сотрудничали с литературным объединением «Молодая Чураевка», созданным в 1925 году в городе Харбине и ставшем вскоре центром эмигрантских интеллигентских кругов. Однако известная поэтесса Ю. Крузенштерн-Петерец³⁹ в статье «Чураевский питомник. О дальневосточных поэтах», впервые опубликованной в ежемесячном литературно-политическом журнале

³⁷ Так за глаза называли Всеволода Иванова.

³⁸ Скопиченко О. Рассказы и стихи. — Сан-Франциско (США), 1994. — С. 91–92.

³⁹ Крузенштерн-Петерец Юстина Владимировна (1903–1983). Писательница, журналист русского зарубежья. Из семьи кадрового офицера Русской императорской армии, погибшего в Первую мировую войну. После Гражданской войны вместе с матерью и братом оказалась в Харбине. Сотрудничала в харбинской газете «Гун-Бао» и журнале «Рубеж», а после переезда в Шанхай работала фельетонистом и политическим обозревателем газеты «Шанхайская Заря» (1931–1934). Из Китая выехала в Бразилию, а в начале 1960-х гг. эмигрировала в США, работала в русском отделе радиостанции «Голос Америки». Автор многих статей в «Новом русском слове» и других изданиях. Умерла в 1983 г. в Сан-Матео (США).

*Литературное общество. Харбин. 1930 г. Фото: архив Приморского государственного объединённого музея имени В. К. Арсеньева.
В первом ряду в центре — Ольга Скопиченко, во втором ряду, в центре сидит Павел Сухатин, справа от него — Марианна Колосова. В третьем ряду стоят: крайняя слева — Елена Недельская (предположительно), третий слева — Николай Светлов, вторая справа — Галя Скопиченко, крайний справа — Алексей Петров (Полишинель).
В верхнем ряду, в центре — Владимир Слободчиков*

«Возрождение» (La Renaissance)⁴⁰ в 1968 году, вспоминая о «Молодой Чураевке», замечает:

«Чураевцы, в большинстве еще почти дети, держались от Колосовой в стороне. Колосова выпестовала, и то лишь отчасти, одну только Ольгу Скопиченко...

Сама Скопиченко тоже держалась особняком. С чураевцами ей было не по дороге, у них были свои учителя: Ачаир, Арсений Несмелов, Леонид Ещин...»⁴¹.

В то же время Юстина Крузенштерн-Петерец отмечала, что в «недрах «Чураевки» зародилось фактически всё дальневосточное

⁴⁰ Возрождение (La Renaissance): ежемесячный литературно-политический журнал. — 1968. — Дек. (№ 204). — С. 45–70. (Ссылка по: Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Библиографический словарь. — Владивосток, 2000. — С. 173.)

⁴¹ Смятение расцвета. Еще раз о Чураевке // Литературная среда. Ныне. — URL: Русский Шанхай (russianshanghai.com) (дата обращения: 12.08.2023).

литературное движение»⁴². Не входившие в объединение Арсений Несмелов и Марианна Колосова были частыми гостями в кружке, их произведения читали, обсуждали, им подражали или спорили с ними. Сам принцип организации «Чураевки» предполагал воспитание молодого поколения, подготовки его к дальнейшей жизни в эмиграции на патриотических началах, роль кружка рассматривалась как символ «накопления творческих национальных молодых сил за границей»⁴³.

Ещё меньше известно об общественно-политической деятельности Ольги. В связи с этим большой интерес представляет стихотворение Марианны Колосовой «Письмо с фронта», датированное 20 февраля 1935 года и посвящённое Ольге Скопиченко.

Помнишь, — ты вошла тогда случайно...
За столом сидели партизаны,
Крепкие курили сигареты,
Обсуждая новые походы.
Ты остановилась на пороге
И, смутившись, вспыхнула как зорька.

А другая девушка, постарше,
Видевшая многое и многих,
Твой испуг с улыбкой наблюдала
И сказала: «Заходи, родная, —
Это наши русские герои»...
Ты вошла не в комнату, а в душу
Новой исторической России.

После ты, надув по-детски губы,
Занималась важными делами, —
Собирала деньги на отряды
Шила знамя, с тылом связь держала,
И не раз в подпольном полумраке
Головой кудрявой рисковала.

Милая, за девичью отвагу,
За мечту о подвиге и славе,
Искренно тебя мы полюбили...
Ты потом уехала далеко;
Мы тебя, как будто, потеряли,
Но душой по-прежнему ты с нами.

⁴² *Крузенштерн-Петерец Ю.* Воспоминания // Россияне в Азии. — 1998. — № 5. — С. 52.

⁴³ *Диао Шаохуа.* Харбинская «Чураевка» // Рубеж. — 2003. — № 4. — С. 219–229.

Изредка ты получаешь письма,
Почерком написанные женским
(На конвертах адрес по-английски),
Узнаешь о горестных утратах.
О друзьях, погибших за Россию,
О борьбе, о злобе, об измене...

Знаешь ли, что здесь, в глухом предместье,
Вечером вдруг стукнет дверь, и кто-то
Из дому выходит торопливо,
И стоит подолгу у калитки,
И тебя напрасно поджидает:
Это значит: мука нестерпима.

Может быть, придешь ты, как бывало?
Может быть, почувствуешь, что нынче
Кто-то разучился улыбаться,
Никому не верит. И не знает,
Что же дальше, что же дальше будет?
Горе окруженному врагами...⁴⁴

Борьба вполне соответствовала характеру Ольги Скопиченко.

«Российская эмиграция за два десятилетия своего бытия прошла через много психологических этапов, психологических типов, — писал в «Рассказе добровольца» Арсений Несмелов. — Но из всех этих типов — один неизменен: тип добровольца, поднявшего оружие против большевиков в 1918 году. Великой бодростью, самоотвержением и верою были заряжены эти люди! С песней шли они в бой, с песней били красных, с песней и погибали сами»⁴⁵.

Бойцовские и лидерские черты характера Ольги Скопиченко, проявившиеся ещё в детстве, хорошо иллюстрирует её небольшой рассказ-воспоминание «Утерянное мужество».

Яркий ослепительный июльский день. Чашка молока наспех выпита. Сорван на бегу фартучек и вот я в своем обычном костюме: коротенькие штанишки и широкая белая блузка. Белая потому, что еще только восемь утра. К двенадцати цвет блузы, несомненно, приблизится к черному, няня опять будет сетовать:

— Мальчишка-сорванец, а не благовоспитанная девица.

Длинные косы «благовоспитанной девицы» спрятаны под фуражку.

⁴⁴ Колосова М. «Вспомнить, нельзя забыть». — Барнаул : Алтайский дом печати, 2011. — С. 258–259.

⁴⁵ Луч Азии. — 1937. — № 7.

Выбегаю на лужайку и, заложив два пальца в рот (только что выученный способ), — свищу пронзительно на всю рощу.

Это боевой сигнал «шайки неустрашимых»; капитан которой я сама, несмотря на длинные косы и нарядные платища, в которые меня рядит мама в праздничные дни.

Нас десять человек. И, конечно, все мальчишки. Играть с плаксами девчонками — тоска. Даже на почетную должность сестры милосердия в нашем боевом лагере не прошла ни одна из сестренек воинов шайки. Вместо сестры милосердия у нас санитар. Я — другое дело.

Во-первых, я никогда не плачу, во-вторых, я капитан и организатор шайки и в-третьих... в-третьих, зовут меня совсем не Ольга, а Олег.

А косы — пустяки. У китайцев все мужчины носят косы — это нам достоверно известно из всемирного атласа. На сегодня назначено генеральное наступление. Крепость — заброшенный сарай. Снаряды — шампиньоны — целых три больших корзины набраны за три дня. Сабли наточены. Рогатки перетянуты. Мы в полной боевой готовности⁴⁶.

Такой характер, вероятно, остался у Ольги и в зрелом возрасте. На одной из фотографий из архива поэтессы с изображением миловидной девушки с аккуратной причёской и бантом, в строгой гимназической форме, читаем надпись: «Дорогой Скопке. Взбалмошной поэтессе от Г. Петровой. 2/II 1925». Да и рассказ «Пароходный заяц» говорит о многом. Он повествует о том, как восемнадцатилетняя студентка с одним долларом в кармане с забавными приключениями путешествовала сначала на поезде из Харбина до Дайрена, а затем «зайцем» на пароходе.

Очевидно, что дружба с Марианной Колосовой оказала большое влияние на взгляды Ольги Скопиченко, а не только на её творчество. Марианну Колосову называли «певцом Белого движения», «непримиримым борцом с большевизмом». Она была членом Братства Русской правды (БРП)⁴⁷ — боевой организации русской эмиграции и ряда других активных союзов и объединений, поддерживала отношения с генералом В. Д. Косьминим, возглавлявшим отделение БРП, А. Н. Покровским, ставшим позже её мужем, и другими видными политическими деятелями русской дальневосточной эмиграции. Как отмечала Г. В. Эфендиева: «Мятежный образ поэтессы и её творчество оказывали особенное воздействие на политически активную молодёжь: офицеры и юнкера, уходившие через границу на боевые задания в СССР, как молитву заучивали её пламенные строки»⁴⁸.

⁴⁶ Скопиченко О. Рассказы и стихи. — Сан-Франциско (США), 1994. — С. 175–176.

⁴⁷ В БРП Марианна Колосова была известна под псевдонимом Мирянин.

⁴⁸ Эфендиева Г. В. Художественное своеобразие женской лирики восточной ветви русской эмиграции : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. — М. 2006. — С. 5.

По всей видимости, и Ольга Скопиченко была членом Братства Русской правды.

Ольга Скопиченко (справа) и Марианна Колосова со своей собачкой по кличке Турандот

Турандот

На оборотной стороне надпись:
*«Я принцесса Турандот посылаю Алеши свой портрет.
Лапки у меня в грязи но это ничего. Прилагаю свою лапку. Она у меня
лохматая» (в правом углу фото — контур собачьей лапки)*

О духовной близости, несмотря на разницу в возрасте (Марианна Колосова была старше Ольги на 7 лет) начинающей поэтессы Ольги Скопиченко и уже известной в эмигрантских кругах поэтессы, свидетельствует стихотворение «Русской девушке» из сборника стихов Марианны Колосовой «Армия песен» (Харбин, 1928 г.).

Русской девушке

*Посвящаю моему другу
Ольге Скопиченко*

По кровавым и грязным дорогам
Я рассыпала жемчуг слез...
Уронила любовь у порога...
Ветер нежность мою унес...

И под наглый и дерзкий хохот
Непонятных, страшных и злых —
Было плохо мне, очень плохо!
И мой голос робко затих...

Я не знала плакать мне, петь ли?
Или просто от жизни уйти?
Призрак мертвой холодной петли
Мою шею уже скрутил.

Но должно быть Бог милосердный
Свою жалость явил ко мне.
Видно кто-то молитвой усердной
В небесах за меня пламенел.

Ты пришла! И солнечным светом
Озарилась черная мгла,
Ты меня не только поэтом,
Но и другом своим назвала!

Моя песня призыва и мести
С твоей юной и светлой слилась.
Мы теперь склоняемся вместе,
За родную Россию молясь.

И дороже прекрасных созвучий
И любимого краше лица,
Словно солнышко из-за тучи,
Светит Родина в наши сердца!

В 1928 году Ольга вместе с семьей переехала в Тяньцзинь, где её отец устроился на работу лесоводом⁴⁹.

Город Тяньцзинь располагался при соединении Великого канала (Юн-хэ) с рекой Бэй-хэ. Это был крупный портовый город с высокоразвитым железнодорожно-портовым узлом. В начале XX века он делился на две части: собственно китайскую и иностранную колонии. Последняя состояла из селтльментов (концессий): русского, британского, французского, германского, итальянского, австрийского, бельгийского и японского. Русская концессия имела городское самоуправление, полицию и ряд учреждений, в том числе почтовую контору, Русско-китайский банк (на территории британской концессии), Совет общественного управления русской концессии и несколько русских торговых фирм, занимавшихся закупкой чая и экспортом пушнины.

*Тяньцзинь. Улица Победы, британская концессия.
Открытка нач. XX века. Архив А. Огорокова*

⁴⁹ Лесовод — специалист, который выполняет подготовительные и вспомогательные работы по посадке лесных культур, закладке и сохранению плантаций, питомников, следит за состоянием лесных угодий, защищает их от разного рода болезней и вредителей.

*Тяньцзинь. Французская концессия. Открытка нач. XX века.
Архив А. Окорокова*

В Тяньцзине вышел второй сборник Ольги Скопиченко под названием «Будущему вождю» (1928 г.) — тематически наиболее близкий к стихам Марианны Колосовой⁵⁰. Здесь же произошло и важное событие в личной жизни поэтессы — она вышла замуж за Павла Сухатина. К тому времени его имя уже было довольно хорошо известно в кругах эмигрантской творческой интеллигенции. Бывший кадет Хабаровского графа Н. Н. Муравьёва-Амурского кадетского корпуса, поэт, писатель, артист, спортсмен, неоднократно завоевывавший кубки на турнирах по теннису, хороший организатор, душа молодёжной компании.

В 1929 году, ещё до оккупации Маньчжурии японскими войсками и образования марионеточного государства Маньчжоу-го, молодая супружеская пара переехала в Шанхай.

Шанхай сильно отличался от Харбина. Он был международным городом, стоящим на двух «китах» — Международном сеттльменте, находившимся под английским влиянием, и французской концессией, где господствовало влияние Франции.

До Второй мировой войны иностранные граждане Шанхая — англичане, французы, американцы, японцы и представители некоторых других национальностей — пользовались экстерриториальными правами. То есть иностранцы не были подсудны китайскому суду,

⁵⁰ Скопиченко О. Будущему вождю : Стихи. — Тяньцзинь, 1928.

Вероятно, свадебная фотография Ольги Скопиченко.

На оборотной стороне надпись:
*«Люблю тебя, потому что ты это ты;
[Верю] тебе, потому что верится
Иду за тобой, потому что так надо*

—
*Одному молимся,
За одно отдадим жизнь.
Ольга. 1928 г. 7/V Тяньзинь»*

а подчинялись только законам своих государств. Этот привилегированный статус поддерживался присутствием в Шанхае иностранных войск⁵¹. Однако эти экстерриториальные права не распространялись на русских эмигрантов. Поэтому им было трудно найти работу в городе, тем более без знания английского или французского языка. На улицах Шанхая можно было увидеть русских нищих, а некоторые русские женщины вынуждены были заниматься проституцией, чтобы прокормить себя и свои семьи. Тем не менее после оккупации японцами в 1932 году территории Маньчжурии и образования марионеточного государства Маньчжоу-го значительная часть русских

⁵¹ *Моравский Н.* Русская эмиграция в Китае: Харбин, Шанхай, Тубабао // *Восточный базар.* — № 3 (76), март 2005. — С. 86.

*Шанхай. В правом углу — здание русского,
а затем советского консульства. Фотооткрытка нач. XX века.
Архив А. Окорокова*

*Шанхай. Набережная. Фотооткрытка нач. XX века.
Архив А. Окорокова*

эмигрантов перебралась в Шанхай. Так, если в 1920 году во французской концессии проживало 210 русских граждан, то через десять лет их насчитывалось уже 3879 человек, а к 1947 году, по статистике, в Шанхае проживало около 20 000 русских эмигрантов⁵².

Шанхай находился в числе десяти крупнейших международных портов и был городом контрастов. Деловые здания, особняки, многоквартирные дома, универмаги с обилием импортных товаров, роскошные рестораны и фешенебельные гостиницы здесь соседствовали с бедными и грязными постройками китайской бедноты, опиумными притонами, преступностью и проституцией.

На 21-летнюю Ольгу Скопиченко Шанхай произвёл неприятное впечатление, которое она выразила в стихотворении «Шанхайское захоlustье», вошедшее в сборник «Путь изгнанника», опубликованный в 1932 году в Шанхае⁵³.

Я прошла, озираясь, по улице:
ряд лавчонок и грязных домов
пожелтевших и серых сутулятся
и толпятся у темных углов.

Китайчата босые раскосые
копошатся у лужи с водой,
а за ящиком грязным с отбросами
спит, раскинувшись, нищий больной.

Китайянки столпились у лавочки —
оживленный ведут разговор,
вместо ног у них тонкие палочки,
и в прическах прилизан пробор.

За прилавком купцы полуголые
бесконечно играют в маджан*, —
и у входа в харчевку грошовую
цедят пиво в немый стакан.

Окна рваной бумагой заклеены,
и лохмотья торчат из дверей.
Я пройду, озираясь рассеянно, —
сквозь толпу, пробираясь скорей.

* Правильно — маджонг или мацзян.

⁵² М. Хэ, С. Ли. Многоликость Шанхая в русской эмигрантской поэзии в Китае // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — 2018. — № 3 (34). — С. 119.

⁵³ Скопиченко О. Путь изгнанника. — Шанхай, 1932. — 160 с.

Пробирается к носу настойчивый
запах масла, жаровен, бобов.
На прилавке за стенкой решетчатой
позолота китайских богов.

Боги смотрят на шумную улицу
и на игры раскосых ребят,
на дома, что окошками хмурятся,
смотрят боги и вечно молчат.

У китайца, насквозь прокопченного,
что лениво следит за толпой,
истукана куплю золоченого
и пойду, направляясь домой.

В своей комнате, где перемешаны
Книги, кипы бумаг и стихи,
Я поставлю божка безутешного
На столе, где пролиты духи.

Только Будда невольно нахмурится:
Моя комната будет скучна —
Без шанхайской запущенной улицы,
Без узорной решетки окна⁵⁴.

Интересно отметить, что обращение поэтессы к образу Будды неслучайно. Китайцы верят, что он приносит им счастье. Героиня стихотворения, вероятно, надеялась, что китайский Будда благословит и её.

Это стихотворение было одним из немногих, посвящённых почти 20-летней жизни поэтессы в Шанхае. Она не писала и не вспоминала о нём, за исключением стихотворения «Город камня» из сборника «Путь изгнанника» (1932 г.) и рассказа «Перепутанные строки», вошедшего в книгу «Рассказы и стихи», опубликованную в Сан-Франциско в 1994 году. К слову сказать, стихотворение «Город камня» было впервые опубликовано в журнале «Рубеж» в 1929 году под названием «Каменному Шанхаю»⁵⁵, а позже включено в сборник «Путь изгнанника» с небольшими изменениями.

⁵⁴ Цит. по: Русская поэзия Китая: Антология / Сост. Крейд В. П., Бакич О. М. — М., 2001. — С. 507.

⁵⁵ Рубеж. — 1929. — № 51. — С. 3.

Каменному Шанхаю

Будь проклят, город камня и железа!
От века и до века проклят будь
За то, что душу мне ножом изрезал
И камнем придавил мне грудь.

Холодные, чужие исполины,
Вы сторожите бессердечность лет,
И задыхается на каменной чужбине
Задавленный громадами поэт.

Когда приходит мысль, — бессмертная
царица,

Вы давите ее ударом кирпича...
И в ваши ли сердца гранитные ломиться,
Сердца, которые, не слушая, молчат?

Бездушный великан, тебе чужды
стремнины

И пропасти душевных берегов:
Ты с равнодушной презрительной миной
Следишь за смертью небывалых слов.

Ты сдавливаешь жизнь пожатием вандала,
Ты зажимаешь молодость в тиски...
Хоть раз в твоих глазах улыбка пробежала?
Хоть раз заплакал ты от горя и тоски?!

Тебе знакомы только звон монеты
Да распродажа мыслей и идей...
Ты песней лебединою пропетой
Встречаешь обезумевших людей.

Ты — неживой, надменный и суровый!
Ты — памятник над склепом красоты!..
Тебя не разбудить ни верою, ни словом:
Ты мертвый истукан... Так будь же
проклят ты!⁵⁶

⁵⁶ Приводится по: Рубеж. — 1929. — № 51. — С. 3.

*Заведующий РША и радиовещатель П. А. Сухатин.
Вырезка из газеты 1935 г.*

В Шанхае Ольга работала на табачной фабрике, а также на радио в Русской Широковещательной Ассоциации (РША), которую создал и возглавил Павел Сухатин. Была секретарём РША. Эта Ассоциация была создана в конце 1932 года при радиостанции Х.Н.Н.В. В её программу входила трансляция классических русских произведений, например, Чайковского, Рахманинова, Римского-Корсакова и других русских композиторов; романсов Морфесси, песен Лещенко, арий Шаляпина; постановок и миниатюр Аверченко, Тэффи, Ильфа и Петрова и многих других авторов, а также молодых поэтов и писателей, входивших в литературные содружества Шанхая «Понедельник»⁵⁷ и «Шанхайская Чураевка».

⁵⁷ Литературно-художественное общество (содружество) «Понедельник» было создано в октябре 1929 г. по инициативе молодых русских писателей и поэтов: литератора В. С. Валя, поэта Л. В. Гроссе, драматурга П. А. Северного, художника и архитектора Н. К. Соколовского и поэта М. Ц. Спургота. Первым председателем «Понедельника» стал известный художник М. А. Кичигин. Активными деятелями Содружества были и другие художники, в частности А. А. Ярон и С. Г. Мосцепан. Поначалу участники объединения — художники, артисты и литераторы — собирались по понедельникам, чтобы интересно провести свободное время. Откуда и появилось название содружества — «Понедельник». С сентября 1930 г. содружество

Здесь стоит сделать небольшое отступление и чуть подробнее рассказать о литературно-художественном объединении (или Содружестве) «Шанхайская Чураевка» или «Пятница», активным членом которого была Ольга Сухатина-Скопиченко.

Содружество было образовано в 1933 году по типу харбинского, которое возглавил известный в эмигрантских кругах поэт Николай Светлов. Деятельное участие в организации Содружества приняли бывшие члены «Харбинской Чураевки», переехавшие в Шанхай: Ольга Скопиченко, Павел Сухатин, журналист Виктор Петров⁵⁸.

Поэтесса Юстина Крузенштерн под псевдонимом Merry Devil («Весёлый чертёнок») в газете «Шанхайская Заря» писала:

«Николая Светлова судьба занесла в Шанхай, и он с группой своих единомышленников организовал отделение Чураевки в Шанхае. Во главе ее стоят лица, хорошо знакомые для тех, кто посещал Чураевку в Харбине: поэт Н. Светлов, председатель инициативной группы, поэт Н. Петерец, руководитель Литературной студии, инж. Л. Д. Густов, председатель Чураевки и др. Нечего и говорить, что шанхайской Чураевке пока далеко до харбинской. В ней всего человек 10–12, которые прилагают все усилия к тому, чтобы сплотить всех местных поэтов и писателей и художников, создать по образцу Харбина нечто вроде клуба. Клуба, где можно было бы интересно и содержательно провести вечер, послушать произведения начинающих авторов, а тем, в свою очередь, выслушать мнения о себе, так как только беспристрастная, честная и дружелюбная критика дает людям возможность совершенствоваться в их работе»⁵⁹.

Идеологию «Шанхайской Чураевки» озвучил её инициатор Николай Светлов. В газете «Шанхайская Заря» он писал:

«Нас во многом интересуется Восток, мы не чувствуем себя здесь окончательно затерянными, но сердцем своим мы всегда со своей нацией. Мы следим за каждым культурным явлением современной России, мы изучаем и тщательно анализируем произведения подъяремных советских писателей. Мы с большим уважением относимся ко всем проявлениям

издавало «толстый» литературно-художественный журнал «Понедельник», в котором печатались русские литераторы из Шанхая и Харбина, а также авторы из других стран. В журнале имела рубрика «Художественная хроника», которая давала представление о культурной жизни русских жителей Шанхая, Тяньцзиня и, частично, Харбина. Публиковались репродукции живописных и графических произведений, в том числе высококачественные на отдельных вклейках. Последний сдвоенный номер 3/4 вышел в 1934 г. К 1935 г. общество прекратило своё существование.

⁵⁸ Слободчиков В. А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. — М. : ЗАО Центрполиграф, 2005. — С. 202.

⁵⁹ Merry Devil. Чураевка в Шанхае // Шанхайская Заря. — 3 сентября 1933 г. — С. 14.

западноевропейской эмигрантской мысли. Мы будим мысли и создаем движение здесь на Востоке. Мы считаем, что честно исполняем наш долг перед родиной, воспитывая для нее культурных работников, недостаток которых ею уже сейчас резко чувствуется»⁶⁰.

Вскоре Содружество объединило под своим «крылом» многих шанхайских поэтов и прозаиков. На заседаниях шанхайских чураевцев читались и обсуждались не только произведения молодых авторов, но разбирались серьезные общеэмигрантские и мировые литературные процессы.

«Мне пришлось уйти после двух чудесно проведенных часов среди русской молодежи, — писал участник творческого вечера, — пишущей, думающей и говорящей в космополитическом Шанхае, на нашем здесь не всегда и не всеми ценимом великом, замечательном, а главное — родном нашем — русском языке. В Чураевке все говорят чудесно по-русски, без дешевого пересыпания фраз шанхайскими словечками, в Чураевке искренне и трепетно любят русскую литературу и русскую поэзию, в Чураевке работают над языком, над словесным материалом. Среди чураевцев есть уже определенные таланты, о которых, наверное, еще заговорят со временем не только в Шанхае, но может быть, и в России. Эти строчки впечатлений написаны с целью поблагодарить чураевцев и пожелать им плодотворной работы на Пути служения в Шанхае русскому словесному искусству»⁶¹.

И ещё одна короткая цитата о деятельности «Шанхайской Чураевки» из мемуаров поэта Валерия Перелешина «Два полустанка», опубликованных в 1987 году в Амстердаме. Вспоминая о «пятничных вечерах», он отметил:

«На каждом пятничном собрании читались, прежде всего, стихи на недельную тему. Читались обязательно дважды (раз для общего впечатления, и снова для деталей), а потом написанное стихотворение переходило по кругу из рук в руки...»⁶².

С осени 1935 года «Шанхайская Чураевка» стала сближаться с единым ей по целям и задачам литературно-художественным объединением «Восток» (1933–1938 гг.). 14 октября 1935 года было принято решение о переходе всех членов «Чураевки» в это объединение. 1 ноября 1935 произошло официальное слияние «Чураевки» и «Востока»,

⁶⁰ Чураевка в Шанхае // Шанхайская Заря. — 30 сентября 1933 г. — С. 6.

⁶¹ Арнольдов Л. На докладе о Пастернаке // Шанхайская Заря. — 15 октября 1933 г. — С. 12.

⁶² Перелешин В. Два полустанка. Воспоминания свидетеля и участника литературной жизни Харбина и Шанхая // Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. The Memories of Valerij Perelesin / Edited in Russian and with an introduction by Jan Paul Hinrichs. — Amsterdam, 1987.

в результате которого было создано новое объединение под названием «Шатёр».

В ноябре 1935 года активные участники литературного объединения Н. Петерец, О. Скопиченко, Н. Щёголев, М. Волин, Н. Светлов, В. Померанцев, В. Янковская, Л. Хаиндрова с братом Леваном, В. Слободчиков и шанхайские журналисты Петров, Панченко, Батулин, Петрухин и Присяжников-Валь встречались с приехавшим из Америки в Шанхай знаменитым эмигрантским шансонье Александром Вертинским⁶³.

Возвращаясь к Русской Широковещательной Ассоциации, созданной Павлом Сухатиным, важно привести программу радиовещания, подготовленную к трёхлетнему юбилею РША (20.10.1935 г.). Она наглядно иллюстрирует культурную жизнь Шанхая начала 1930-х годов.

Начало программы в 5.30 вечера.

Передача музыки и пения смешанной популярной программы, составленной из излюбленных вещей наших слушателей и новых пластинок.

Так, например, в программу включены следующие вещи:

«Песня» — слова Некрасова, в исп. Н. В. Плевичкой.

«Письмо к матери» — слова С. Есенина, муз. Липатова в исп. А. Воскресенской.

Избранные отрывки из оперетты «Цыганский барон» муз. Штрауса.

Избранные отрывки из оперетты «Веселая вдова» муз. Легара.

Избранные попури из оперетты «Гейша» муз. Сиднея Джонс и много-много других.

1-Е ОТДЕЛЕНИЕ

П. А. Сухатин — Вступительное слово.

Ловцова — (сопрано) исполнит класс. романс «Желание», муз. Шопена и «Северная звезда». Урояля О. А. Остоя.

А. Т. Долгушкина — ученица П. П. Машина, исполнит «Молитву» из оперы «Госка», муз. Пуччини и «Колыбельную песню», муз. Гречанинова. Урояля Т. Ястребова.

Е. Хованс — популярный певец по радио (тенор) исполнит «О дай мне забвенья, родная», песнь к матери из оп. «Дубровский», муз. Направника и арию князя из оп. «Русалка», муз. Даргомыжского «Невольно к этим грустным берегам...». Урояля Т. Ястребова.

Л. В. Арнольдov прочтет «Несколько слов по радио — о радио».

О. Скопиченко — стихи из сборника «Путь изгнанника».

А. В. Петров-Полишинель — чтение по радио «Радио-Юмореска».

⁶³ Слободчиков В. А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. — М. : ЗАО Центрполиграф, 2005. — С. 203.

2-Е ОТДЕЛЕНИЕ

М. Г. Крылова — арт. оперы (быв. государст. Мариинской), ария Полины из оп. «Пиковая Дама», муз. Чайковского и классический романс «У моря», муз. Римского-Корсакова. Уроля Г. Зингер.

Е. Хованс — «Умчались годы», муз. Кашеварова. Уроля Г. Ястребова.

Р. М. Бершадская исполнит арию Антониды из оп. «Жизнь за Царя», муз. Глинки, «Не о том скорблю, подруженьки» и классический романс «Весенние воды», муз. Рахманинова. Уроля Г. Зингер.

Поэт В. Слободчиков — стихи.

3-Е ОТДЕЛЕНИЕ

Э. И. Элиров — радиопельетон в стихах.

Е. А. Клодницкая — изв. исполнительница цыганских романсов исполнит: «Всеми конец», Цыганский романс.

Фельетонист Шмель — радиопельетон в стихах «Фигаро здесь, Фигаро там».

С. Мальцев — исп. романс «Снился мне сад».

Поэт Н. Светлов — стихи.

Поэт Н. Щеголев — стихи.

Евгения Хованс — «Ой ты, Русь» — новая вещь на слова Есенина, только что переложенная на музыку Тимофеевым. Уроля Г. Ястребова.

Поэт В. Вайль — стихи.

Поэт Вл. Померанцев — стихи.

РША оставляет за собой право в случае необходимости изменить некоторые номера.

В программу включены следующие вещи:

«В Средней Азии», муз. Бородина, симф. оркестр Лондона;

«Этюд Паганини», муз. Листа в исп. Вл. Горовец (роля);

«Колыбельная песня» из оп. «Садко», муз. Римский-Корсаков, Н. Кошец;

«О, не буди меня», ария из оперы «Вертер», муз. Массне в исполнении Л. Собинова;

«Два гренадера», муз. Шумана в исп. Ф. Шаляпина;

«Меж горами ветер воет», ария из оперы «Гальяка» муз. Манюшко в исп. Л. Собинова.

И много других⁶⁴.

⁶⁴ Приводится по: Скопиченко О. А. Мы имя русское, как ладанку носили, мы Родину иконой пронесли... : избранное / Под ред. Виктора Суманосова. — Барнаул : Полиграфический комбинат ; Издательский Дом «Барнаул», 2013. — С. 12–14.

Параллельно с работой в РША Ольга продолжала писать и публиковаться в русских изданиях — газетах «Слово»⁶⁵, «Шанхайская заря»⁶⁶, харбинском альманахе «Рубеж», шанхайских журналах «Парус»⁶⁷, «Накануне»⁶⁸ «Прожектор»⁶⁹. В 1932 году в Шанхае был опубликован её третий сборник «Путь изгнанника». Один из авторских экземпляров Ольга подарила своему мужу — Павлу Сухатину.

На титульном листе первой части сборника вверху было написано:

«Павлу моему любимому

Ольга».

Ниже:

«Мечта, ночей моих тревожных

Душевных песен гобелен —

Чем ум несбыточно встревожен

Как было выразить возможно

Здесь — для тебя и о тебе...

Ольга Скопиченко

10/X 32 г.».

Однако в дальнейшем их семейная жизнь разрушилась, и они разошлись. В 1947 году Ольга Сухатина-Скопиченко вышла замуж за Бориса Михайловича Коновалова.

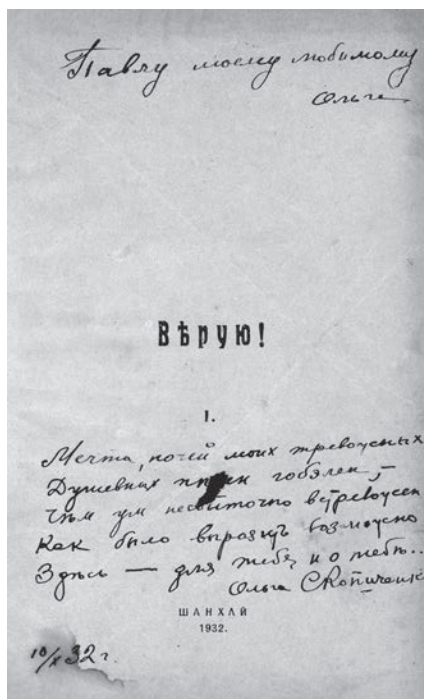
⁶⁵ «Слово» — ежедневная газета — «орган независимой русской национальной мысли». Издавалась в Шанхае с 1929 г. Выходила тиражом 5000 экземпляров. Главный редактор П. И. Зайцев.

⁶⁶ «Шанхайская заря» — газета, основанная М. С. Лембичем в 1925 г. Непрерывно выходила в течение более 20 лет на 8–12 полосах большого формата. Главным редактором был известный китаевед и журналист Л. В. Арнольдов. По статистике 1936 г. тираж «Шанхайской зари» занимал третье место среди других иностранных газет в Шанхае.

⁶⁷ «Парус» — один из ведущих журналов русской эмиграции в Шанхае. Создан в 1929 г. Главным редактором журнала был Д. И. Густов. В работе редакции принимали участие О. Скопиченко, А. А. Иваницкая, Н. Ф. Светлов, Н. Н. Иваницкий и другие русские интеллигенты-эмигранты. Журнал освещал проблемы литературы, искусства и политики. Каждый номер выходил на 40 страниц.

⁶⁸ «Накануне» — ежемесячный журнал, издававшийся в Шанхае с 25 апреля 1943 г. Каждый номер выходил на 60 страницах с иллюстрациями. Главным редактором был Б. Ф. Игнатенко, авторами журнала — Н. Н. Гровин, Я. Левич, В. В. Муханов, З. В. Пиняева, Х. В. Попов, А. А. Пурин, И. А. Путяге, П. А. Савинцев, О. Скопиченко, Е. М. Хованс, А. Н. Шляпин и другие.

⁶⁹ «Прожектор» — еженедельный литературно-художественный журнал. Издавался в Шанхае с 1928 по 1937 г. Главный редактор — В. С. Валь. Издатель — А. И. Мелик-Вартаньянц. Ольга Скопиченко принимала участие в работе редакции.

*Обложка и титульный лист первой части сборника с посвящением.
Экземпляр находится в библиотеке Дома русского зарубежья
имени Александра Солженицына*

Вероятно, Ольга познакомилась с Борисом в дружеской компании ещё в Шанхае. Борис был знаком и с Павлом Сухатиным, причём ещё с юности. Во всяком случае они были одногодки и в одно время учились в Хабаровском Н. Н. Муравьёва-Амурского кадетском корпусе, оба были выпущены из корпуса (XVIII выпуск), а в октябре 1922 года вместе с другими кадетами эвакуировались из Владивостока в Шанхай.

Можно предположить, что Ольга, Павел и Борис, несмотря на жизненные перипетии, остались друзьями. Во всяком случае, в конце 1950-х или начале 1960-х годов Павел Сухатин, обосновавшийся после отъезда из коммунистического Китая в Австралии, приезжал в США и вместе с Ольгой и Борисом любовался красотами исторического парка маяка Пиджин-Пойнт («Почтовый голубь»), построенного в 1871 году и располагавшегося между городами Санта-Круз и Сан-Франциско (штат Калифорния).

В 1942 году у Ольги Скопиченко в Шанхае вышла ещё одна небольшая книжка — сказки для детей младшего возраста под названием «Про зайца, лису и ежа»⁷⁰. В рецензии поэтессы и писательницы

⁷⁰ Скопиченко О. Про зайца, лису и ежа : Сказки. — Шанхай, 1942.

Н. С. Резниковой⁷¹, опубликованной на странице «Книжных новинок» журнала «Рубеж», были отмечены достоинства книги: её иллюстративность и то, что она написана «свободным легким стихом, образным русским языком». Подчёркивалось и воспитательное значение произведений: *«Поэтесса очень хорошо понимает черномазого шаловливого котенка, и кошку Марыську, и бездомную белую кошечку, она знает, что чувствует заяц, пойманный хитрой лисой, и о чём мечтает колючий ежик в зеленых зарослях леса. В этом понимании животных и любви к ним — воспитательное достоинство сказок Ольги Скопиченко»*⁷².

С установлением коммунистической власти в Шанхае Ольга Скопиченко с потоком беженцев в 1948 году вновь эвакуировалась, на этот раз на остров Тубабао на юге Филиппин, где прожила два года в специальном лагере для русских беженцев.

Мы терпеливо выносили
Судьбу скитальческих невзгод.
С молитвой о своей России,
Мы меряли за годом год.

И в наше новое скитанье
Мы взяли, что могли сберечь,
Терпенье наше, наши знания
И русскую родную речь⁷³.

Тубабао был маленьким островком Филиппинского архипелага. На нём не было ни дорог, ни домов, ни источника питьевой воды, ни туалетов. Это были джунгли, в которых русским беженцам пришлось

⁷¹ Резникова Наталия Семёновна (в первом замужестве — Тарблю, во втором — Дерюжинская; 07.07.1911, Иркутск, Россия — 08.01.1994, Нью-Йорк, США) — русская поэтесса и писательница первой волны эмиграции. В 1921 г. вместе с семьёй эмигрировала в Харбин. Окончила русскую гимназию (1928 г.) и Харбинский юридический факультет (1932 г.). Работала в редакции журнала «Рубеж», вела отдел библиографии. Участвовала в кружке «Молодая Чураевка», печаталась в коллективных сборниках и журнале «Рубеж». В 1930-е гг. были опубликованы её романы «Измена» и «Побеждённая», книга рассказов «Раба Афродиты», в 1938 г. — первая книга стихов «Песни земли». С оккупацией Маньчжурии японцами переехала в Шанхай, работала в газете «Шанхайская Заря». Опубликовала второй сборник стихов «Ты» (1942 г.) и книгу «Пушкин и Собаньская». В 1943 г. вышла замуж за капитана Хельге Тарблю, датчанина по происхождению. После кончины супруга с 1948 по 1951 г. жила в Копенгагене и Лондоне. В 1951 г. переехала в Нью-Йорк (США), где продолжала свою литературную деятельность.

⁷² Н. Р. [Н. Резникова] Книжные новинки // Рубеж. — 1942. — № 18. — С. 24.

⁷³ Стихотворение О. Скопиченко «Из Китая на острова».

расчищать и выравнивать площадки для установки брезентовых палаток, сооружать общие кухни и «кипяtilки», устраивать церкви, больницу и самостоятельно бороться с мириадами комаров, змеями, сколопендрами, скорпионами и тропическими болезнями⁷⁴. Всё пришлось делать с нуля.

Лагерь русских беженцев на Тубабао⁷⁵

«Но мы, ведь, были русские беженцы, — вспоминала позже Ольга Скопиченко, — приспособленные ко всему в жизни, среди нас были перво-классные инженеры, электрики, строители, механики, и поэтому работа в лагере закипела сразу же.

Через пару месяцев у нас был проведен водопровод по всем районам, а потом вспыхнули и электрические лампочки не только в бараках, но и в палатках. Мы стали обосновываться прочно со всеми возможными “тропическими” удобствами»⁷⁶.

Стараниями православного духовенства и верующих были устроены три церкви — две в палатках и одна в помещении бывшей американской церкви на территории заброшенной после окончания Второй мировой войны военной базы.

⁷⁴ Всего морским и воздушным путём было вывезено из Шанхая на Тубабао около пяти с половиной тысяч человек — мужчин, женщин и детей, преимущественно русских.

⁷⁵ Фото с сайта. — URL: Тубабао остров (bangkokbook.ru) (дата обращения: 12.09.2023).

⁷⁶ Скопиченко О. Рассказы и стихи. — Сан-Франциско, 1994. — С. 249.

*Жилые палатки русских беженцев.
Фото из личного архива Н. Сабельник⁷⁷*

Со временем были открыты начальная школа, театральная студия, образованы музыкальные коллективы. Нередко устраивались концерты. В связи со 150-летием со дня рождения А. С. Пушкина в лагере состоялся большой вечер.

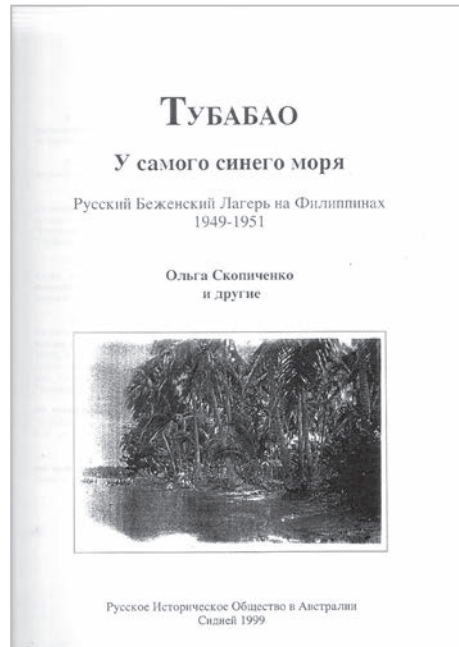
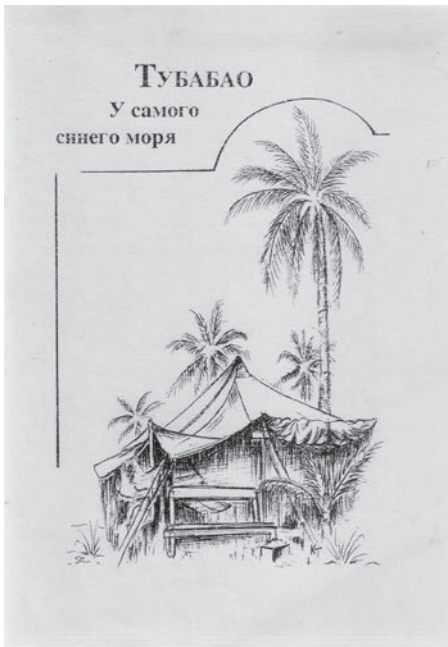
Плодотворно работали и художники.

«Остров наш был зеленый, заросший пальмами и другими тропическими растениями, и для художников настоящий клад. И наши художники — Пикулевич, Карамзин, Щетинин, Дасманов, Скальковский писали эскизы и картины, очарованные красотой тропических видов и непередаваемых закатов», — рассказывала поэтесса.

И не только писали, но и организовывали художественные выставки.

Так, на выставке-продаже, открытой 4 апреля 1950 года, было выставлено 400 произведений «тубабаокских художников». Больше всего картин выставил А. А. Карамзин — бывший кавалерийский офицер. Почти все его полотна были посвящены России. Привлекали внимание пейзажи и портреты кисти В. Н. Осипова. Особенно популярными были акварели Н. А. Пикулевича, которые многие покупали на память о пребывании на острове.

⁷⁷ Фото с сайта информационного портала Фонда «Русский мир». — URL: Русский дом на Тубабао (russskiymir.ru) (дата обращения: 12.09.2023).

Обложки сборников О. Скопиченко, посвящённых жизни на острове Тубабао

На Тубабао Ольга Коновалова-Скопиченко работала в Эмигрантской Ассоциации, в Санитарном отделе одного из районов беженского лагеря (всего в лагере было 14 районов), ведала выдачей детского питания и продолжала заниматься литературной деятельностью. Выпустила несколько маленьких поэтических книжек, отпечатанных на гектографе, принимала активное участие в создании и работе театральной студии, в которой играли как классику, так и пьесы местных авторов (в том числе и О. Скопиченко), занималась с детьми⁷⁸.

В ноябре 1950 года Ольга и Борис Коноваловы переехали в Сан-Франциско.

Своё впечатление об американском городе поэтесса выразила в стихотворении «Сан-Франциско», написанном в 1951 году⁷⁹.

⁷⁸ Хисамутдинов А. А. Русские на Филиппинах. [Электронный ресурс] — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2015. — С. 28. — URL: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/>; Таболина Т. В. Русский дом на Тубабао. — М.: ДАРЪ, 2016. — 192 с.

⁷⁹ Скопиченко О. Неугасимое. — Сан-Франциско, 1954. (Приводится по: Скопиченко О. А. Мы имя русское, как ладанку носили, мы Родину иконой пронесли... : избранное / Под ред. Виктора Суманосова. — Барнаул: Полиграфический комбинат; Издательский дом «Барнаул», 2013. — С. 367–368.)

*Участники театральной студии на Тубабао.
В нижнем ряду в центре — О. Коновалова-Скопиченко⁸⁰.*

*Ольга Коновалова (Скопиченко). Сан-Франциско.
Начало 1950-х гг.*

⁸⁰ Фото из книги: Таболина Т. В. Русский дом на Тубабао. — М. : ДАРЬ, 2016.

На зеленых холмах бесконечные зданья
Небоскребов, стремящихся в звездную высь,
Монастырских таинственных стен очертанья,
Где дороги и тропки узором сплелись.

Словно белые домики в зелени сада
Разбежались к волне океана дома,
И белеют старинных домов балюстрады...
Город шума и блеска, видений и сна.

Там, где были ранчо, где таинственной далью
Любовались пришельцы чужих городов,
Грозно высятся здания, кованой сталью
Разрезают волну миллионы судов.

А на скалах, как символ промчавшейся лени,
Где шумит океан, где рокочет прибой,
Выползают на солнце погреться тюлени,
Невзирая на грохот и шум городской.

Вечерами огни городов бесконечных,
Словно звездный узор отраженных небес,
И, как символ покоя, ушедшего в вечность,
Бесконечного парка задумчивый лес.

Словно сказочной дымкой город овеян.
Словно брошена с неба жемчужная шаль...
А мосты... — золотые огромные змеи,
Прочертившие водную темную даль.

Ранним утром окутанный дымкой тумана,
Весь в дрожащих неясных огнях золотых,
Город кажется сказкой у скал океана,
Словно старых преданий загадочный миф.

А растает туман... — суетливый, кипящий,
В стрекотаньи пропеллеров, в шуме гудков.
Край становится страшной машиной, летящей
По мостам и туннелям своих городов.

А на скалах, по-прежнему, склонные к лени,
Прижимаясь друг к другу плечо о плечо.
Выползают на солнце погреться тюлени,
Словно рядом не город, а просто ранчо.

Словно волею к жизни не скованы скалы,
И одни только чайки скользят над водой.
Словно слышно гуденье девятого вала,
А не грохот машин и не шум городской.

И по-прежнему чайки кружатся над морем,
И по-прежнему тает туман у земли,
Как в далекие годы, когда над волною
Показались впервые вдали корабли.

Берега были тихо пустынно и сонны,
Золотились холмы, зеленели поля,
И шумел океан синевою бездонной,
И проснувшейся сказкой дышала земля.

Для отважных строителей тесны пределы...
И повисли мосты над седой глубиной,
И в труде неустанном века пролетели,
Нарушая полей золотистый покой.

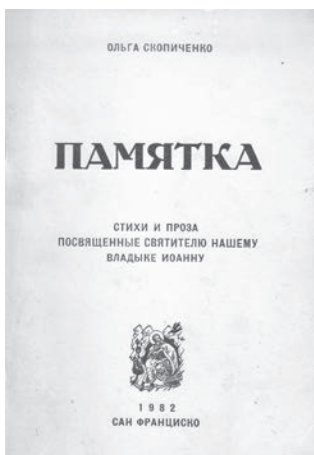
Вырос город над глубиью седой океана.
Словно витязь, закутанный в плащ из огней,
В синем небе — пропеллеры аэропланов,
В синем море — бесчисленный бег кораблей.

Разрезают прожекторы дымку тумана.
Там, где бьется в утес, набегаая, волна.
Слышно, как заглушая напев океана,
Исполинским дыханием дышит страна.

В Сан-Франциско Ольга Алексеевна прожила до самой своей кончины. Она работала на фабрике, сотрудничала в газете «Русская жизнь»⁸¹. Изредка печаталась в других изданиях («Грани», «Возрождение», «У Золотых Ворот»). Активно участвовала в работе кружка поэтов и писателей «Литературные встречи», была редактором первого альманаха «Литературные встречи», изданного в Сан-Франциско в 1971 году, и одним из редакторов альманаха № 2, увидевшим свет в 1973 году. С 3 мая 1987 года она входила в состав редакционной коллегии газеты «Русская жизнь». Опубликовала сборники стихов: «Неугасимое» (США, 1954; на обложке — 1953),

⁸¹ «Русская жизнь» — русская газета в США. Издаётся с 1921 г. в Сан-Франциско. Вначале выходила как еженедельник, с 20 декабря 1941 г. — ежедневно.

«Памятка» (Сан-Франциско, 1960-е гг.), «Стихотворения». Выступала со своими стихами на разных эмигрантских мероприятиях, в частности, 22 ноября 1969 года на 39-м Инвалидном балу, организованном Комитетом помощи русским военным инвалидам в Сан-Франциско. Была председателем благотворительной организации русско-американских женщин.

Обложки сборников стихов и рассказов Ольги Скопиченко, опубликованных в США

Ольга Коновалова (Скопиченко). Фото 1961 г.

В 1990 году поэтесса потеряла зрение. В 1994 году (на титульном листе — 1993 г.) вышла её итоговая книга «Рассказы и стихи», включившая 43 рассказа и стихотворения разных лет.

*О. А. Коновалова (Скопиченко) и Б. М. Коновалов. 30.10.1993 г.
Фото А. А. Хисамутдинова*

Мы знаем, что слезы и боль не помогут,
Без Родины юные годы прошли,
Великие таинства, данные Богом,
Истрачены нами для чуждой земли.

И вот мы не падаем. Просто, без стона
Пытаемся в жизни бодрее идти.
И наша страна, чудотворной иконой,
Мерещится нам на тяжелом пути.

И, если на Родину выведут тропы
Бесчисленных наших потерь и побед.
Мы ей отдадим, как последнее, опыт
Скитальческих темных и трепетных лет.

У родины нашей попросим немного:
За наши печали, за боли, за страх —
Попросим смиренные, именем Бога,
Земли для могилы в родимых полях.

Скончалась Ольга Алексеевна Коновалова (Скопиченко) 12 мая 1997 года и была похоронена на Сербском кладбище Сан-Франциско, могила SF№27 11 536.

*Могила О. А. Коноваловой (Скопиченко) и её мужа Б. М. Коновалова.
Фото А. А. Хисамутдинова*

В заключение очерка хотелось бы отметить, что русская эмиграция в Китае уже стала историческим явлением. Вклад, который русские писатели и поэты внесли в духовное достояние человечества, навсегда останется непревзойдённым и ни с чем несопоставимым явлением национальной и мировой культуры.

И об этом надо помнить.

ФОТОГРАФИИ ИЗ АРХИВА ОЛЬГИ СКОПИЧЕНКО

*Слева направо: Ольга Скопиченко, Павел Сухатин, Евгения Скопиченко
и неустановленное лицо*

Сёстры Ольга и Евгения Скопиченко

Ольга Скопиченко.

На оборотной стороне правой фотографии надпись:
«Стриженная Капуста»

Ольга Скопиченко с подругой

*Крайняя слева — Ольга Скопиченко,
в центре — Евгения Скопиченко (?)*

*Ольга Скопиченко (справа)
с подругой*

*Ольга Скопиченко.
Фото из архива А. А. Хисамутдинова*

Ольга Скопиченко в разные годы

Ольга Скопиченко

Ольга Скопиченко с племянником «Котом» — сыном сестры Евгении

Ольга Скопиченко

*Ольга Скопиченко (справа), крайняя слева — поэтесса Лариса Андерсен
(предположительно), рядом с ней — Павел Сухатин*

*Ольга Скопиченко в форме военнослужащего
Русского Шанхайского корпуса*

Ольга Скопиченко с друзьями

Ольга Скопиченко (вторая справа) с друзьями

Ольга Скопиченко (слева) с друзьями

Ольга Скопиченко (слева) с подругой

Ольга Скопиченко.

На оборотной стороне надпись:

*«Люся наверно
Пригорюнилась
призадумалась
Пекин...»*

Ольга Скопиченко с братом (?)

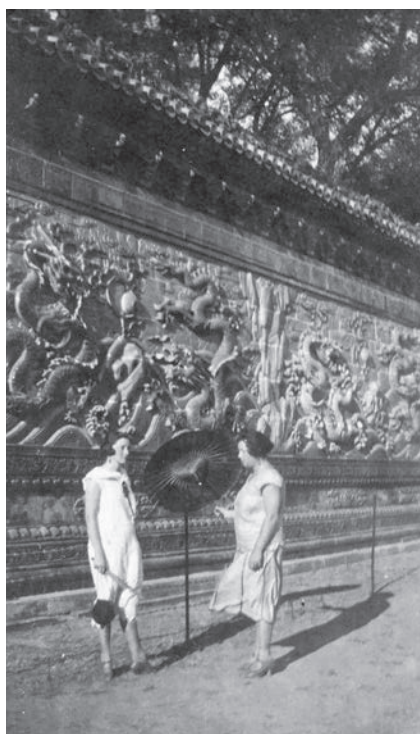

Ольга Скопиченко в Пекине.

На оборотной стороне надпись: «Я и моя мама О. П. Скопиченко. 1928 г.»

В Пекине. Конец 1920-х гг. На переднем плане сидит Георгий Скопиченко

Ольга Скопиченко (справа) с сестрой.

На оборотной стороне надпись:
«1926 г. Пекин»

*На катке. Крайний слева — А. В. Петров (псевдоним — Полишинель)
(предположительно)*

Отдых на природе с друзьями

*Отдых с друзьями.
В левой части полулежит Ольга Скопиченко*

Павел Сухатин (слева)

Ольга Скопиченко

*Ольга Скопиченко (слева)
с подругами*

Ольга и Павел Сухатин

Ольга Скопиченко с подругами во время отдыха

Ольга Скопиченко

Павел Сухатин со своей второй женой (предположительно)

Ольга Скопиченко (во втором ряду, в шляпке) и Павел Сухатин (стоит слева) с друзьями

Ольга Скопиченко (крайняя справа, в берете), Борис Коновалов (сидит справа), Константин Данилевский (сидит слева), Галя Скопиченко (?) (стоит в центре)

Ольга Скопиченко (крайняя справа, в берете), Константин Данилевский (сидит в центре), Галя Скопиченко (?) (стоит в центре)

Ольга Скопиченко (сидит крайняя справа), Константин Данилевский (стоит в центре), Павел Сухатин, Галя Скопиченко (предположительно) (сидит слева), Ольга Алексева (предположительно) (стоит)

*Борис Коновалов и Ольга Скопиченко — во втором ряду.
Константин Данилевский сидит*

*Борис Коновалов лежит, Ольга Скопиченко сидит на земле,
Константин Данилевский сидит на скамейке*

Маяк Пиджин-Пойнт

Борис Коновалов (слева) и Павел Сухатин

*Борис Коновалов, неустановленное
лицо, Павел Сухатин
в историческом парке маяка
Пиджин-Пойнт*

*Неустановленное лицо,
Ольга Скопиченко и Борис
Коновалов в историческом парке
маяка Пиджин-Пойнт*

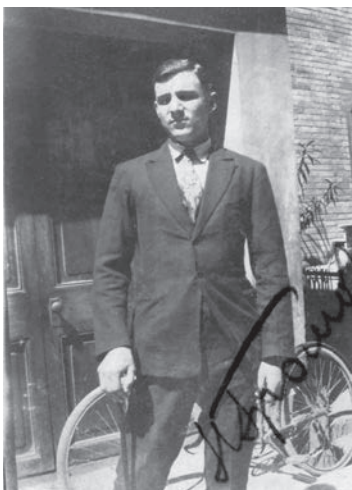
ФОТО ДРУЗЕЙ ОЛЬГИ СКОПИЧЕНКО

На лицевой стороне надпись:
*«Друг не только в радостях но
и друг во всякой беде»
/неразборчивая подпись/*

На лицевой стороне надпись:
«Shamil Akberdin».
На оборотной стороне:
*«1927 г. 2 ... [в верхней части,
карандашом]
Тот с кем ты
Скитался в Банкоке»*

На лицевой стороне надпись:
«Н. Громов»⁸².

На оборотной стороне надпись: ...
*«В минуту жизни
Трудной не
Падай духом
... что»*

⁸² На фото изображён Николай Иванович Громов (предположительно). Он родился в 1909 г. в Забайкальской области. Учился в сельской школе. В 1925 г. из Забайкалья прибыл в Маньчжурию. Работал чернорабочим.

На оборотной стороне надпись:
*«Дорогой Скопке.
Взбалмошной поэтессе
От Г. Петровой 1925. 2.И.»*

На оборотной стороне надпись:
*«Люсе на добрую память
Вадим. Харбин 1.VII.28»*

На оборотной стороне надпись:
*«Милой хохотушке Люси
от Нины Щ. 1927 г.»*

В. С. Валь-Присяжников (предположительно)⁸³.

На оборотной стороне надпись:

«На память славной Люсе ...

В...

*Вспоминайте хотя изредка своего соседа и лето 1924 г.
1924 28/VII Хайлар»*

⁸³ Валь Валентин Сергеевич (наст. фам. Присяжников; 1903–1970) — литератор, журналист. Жил в Шанхае, где издал три сборника стихов и рассказов. Работал в газетах «Шанхайская заря», «Слово» и журнале «Прожектор» (1937–1941). Был арестован, затем освобождён японскими властями. После 1945 г. — один из руководящих сотрудников отделения ТАСС в Шанхае. В 1947 г. уехал в СССР, где был арестован и отправлен в лагерь.

На оборотной стороне надпись:
*«Милой, талантливой девушке от старой безталанной девы —
Эрны Карловны А.»*

На оборотной стороне надпись на английском языке:
*«Мой дорогой старый друг не забывай меня никогда возможно когда-нибудь
мы встретимся на жизненном пути дорогой друг в лучшие времена
когда Россия станет великой.
Твой верный друг
Леонид Дическул.
Харбин 11 августа 1923 г.
Моей ... на память о [днях] тяжелых, проведенных вместе.
9 августа 19...» /подпись/*

Актриса Ольга Ивановна Алексеева⁸⁴ (предположительно).

На лицевой стороне надпись:

«На добрую память
Павлику и Оличке
19 18/VII 37»

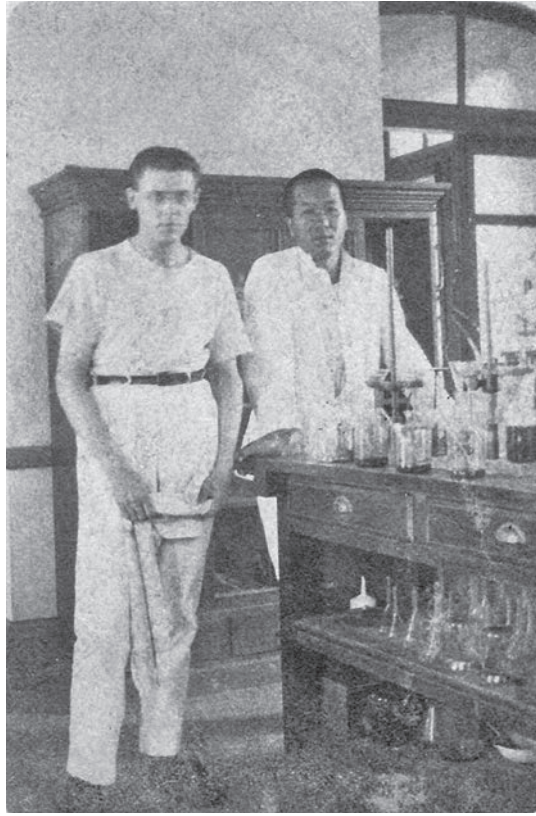
Актриса Ольга Ивановна Алексеева (предположительно)

⁸⁴ Алексеева Ольга Ивановна — драматическая актриса и режиссёр. Окончила Харбинскую гимназию имени М. А. Оксаковской. В Шанхае основала театр «Палочка-Стукалочка». Выступала с гастрольями в Тяньцзине и Харбине.

Журналист Петров Алексей Владимирович (псевдоним — Полишинель)⁸⁵

⁸⁵ Петров Алексей Владимирович (псевд. — Полишинель) — журналист, художник. Родился 17.03.1896 г. в Санкт-Петербурге. Участвовал в Первой мировой войне. Штабс-капитан. Во время Гражданской войны работал в газетах Приморья и Маньчжурии. Писал картины. Жил в Пекине, Харбине, затем с 1930 г. в Шанхае. Был редактором харбинской газеты «Восток», помощником редактора, затем редактором газеты «Вечерняя заря», редактором-издателем юмористического журнала «Пересмешник», работал и в других изданиях. Как журналист выступал под псевдонимом Полишинель. В 1946 г. принял советское гражданство и вернулся в СССР.

РОДСТВЕННИКИ И ДРУЗЬЯ ОЛЬГИ СКОПИЧЕНКО

Алексей Владимирович Скопиченко — отец Ольги

Алексей Владимирович родился 17 марта 1869 года в городе Кельце (Kielce) Келецкой губернии Российской империи (в настоящее время — город в Свентокшиском воеводстве, Польша) в семье штабс-ротмистра⁸⁶, уроженца Гродненской губернии⁸⁷. Имел двух сестёр: Екатерину (в замужестве Утгоф) и Марию и пятерых братьев: Ивана, Александра⁸⁸, Владимира, Евгения и Анатолия.

Начальное образование получил в Псковском кадетском корпусе, после окончания которого вступил в службу во 2-м Военном Константиновском (Константиновском Артиллерийском) училище юнкером рядового звания (31.08.1886 г.). 29 августа 1888 года был произведён в унтер-офицеры, а по окончании курса училища по 1-му разряду (ВП № 36 от 9 августа 1888 г.) — в подпоручики со старшинством 07.08.1887 года. Числился в 23-м пехотном Низовском полку. За учёбу в училище отслужил срочную службу в Новогеоргиевской крепостной артиллерии.

1 февраля 1891 года Алексей Владимирович был командирован в Санкт-Петербург в переменный состав воздухоплавательного полка, в котором состоял до 7 августа 1891 года. 30 октября 1892 года был направлен на экзамен на курсы восточных языков. 19 апреля 1896 года поручик Алексей Владимирович Скопиченко обвенчался в Сергиевском всей артиллерии соборе Санкт-Петербурга с дочерью действительного

⁸⁶ По другим данным — майора (на 1902 г.).

⁸⁷ РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 226. Л. 111–121.

⁸⁸ Скопиченко Александр Владимирович родился 9 ноября 1871 г. Общее образование получил в 4-м Московском кадетском корпусе, специальное — в 3-м военном Александровском училище по 1-му разряду. В службу вступил 1 сентября 1890 г. из кадет юнкером рядового звания. С 1 октября 1891 г. — унтер-офицер. 4 мая 1892 г. был произведён в подпоручики с назначением в Свеаборгскую крепостную артиллерию, а 2 августа 1895 г. был переведён в Финляндский артиллерийский полк. С 28 июля 1896 г. — поручик, с 27 июля 1899 г. — штабс-капитан. Владел французским и шведским языками. В 1901 г. подал прошение о переводе в Корпус Жандармов, но в 1908 г. от перевода отказался. На январь 1902 г. был женат на Марии Владимировне Волковой — дочери подполковника. Имел детей: Ольгу (р. 01.07.1896), Ию (р. 11.04.1898), Александра (р. 09.01.1898).

статского советника Петра Амвросиевича Завадовского Ольгой⁸⁹, а спустя почти полтора месяца (2 июня) был переведён в Финляндский 1-й артиллерийский полк. 28 июля того же года был произведён в штабс-капитаны. На 15 августа 1897 года — временный командующий 4 батальоном 1-го артиллерийского полка, а на 13 мая 1898 года — заведующий строевой командой в штабе полка.

12 июля 1899 года вышел в отставку с переходом в статскую службу. Коллежский асессор. Служил в Главном Управлении Уделов Министерства Императорского Двора.

*Собор во имя Преподобного Сергия Радонежского
(Сергиевский всей артиллерии собор)*

1 ноября 1899 года приказом по Удельному ведомству № 17 был назначен управляющим удельным имением 1-го разряда (12 Сенгилевским) Симбирского Удельного округа. С 23 мая 1900 года по 15 июля 1903 года заведовал также 13 Новодевическим удельным имением. С 10 мая 1905 года — надворный советник, на 29 июля 1905 года — делопроизводитель Симбирского Удельного округа, на 5 мая 1906 года — управляющий Удельным имением 7 класса (15 Софьинским) Симбирского Удельного округа. 7 декабря 1907 года вышел в отставку по семейным обстоятельствам с назначением пенсии (19.01.1908 г.) в 500 рублей с дополнительной суммой в 460 рублей в год.

⁸⁹ ЦГИА. Ф. 19. Оп. 128. Д. 365. С. 64.

В 1909–1913 годах служил в сызранском лесничестве Самарской губернии. 14 ноября 1913 года был призван на службу и назначен на должность помощника начальника Канцелярии помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части⁹⁰.

Штабс-капитан А. В. Скопиченко. Фото: конец 1890-х гг.

В 1915 году после оккупации Варшавы германскими войсками и эвакуации из города русских служб Алексей Владимирович с семьёй вернулся в Самару, откуда 30 января 1916 года был призван штабс-капитаном в 687-ю пешую Симбирскую дружину Государственного ополчения. Был начальником лагеря военнопленных, располагавшегося около города Симбирска, в чине капитана.

За время службы был награждён орденами Святой Анны 2-й и 3-й степени, Святого Станислава 2-й и 3-й степени, медалью в память Александра III и серебряным знаком об окончании курса обучения в воздухоплавательном парке.

3 октября 1918 года, во время начавшейся Гражданской войны, Алексей Владимирович был эвакуирован вместе с семьёй вагонами 2-го класса для семей офицеров Сызранской дивизии в Троицк Челябинской губернии. Участвовал в Гражданской войне в составе Южной армии генерал-майора Г. А. Белова, а затем — в Отдельной Оренбургской армии атамана А. И. Дутова. По некоторым сведениям, заведовал артиллерийскими складами. В марте 1920 года после

⁹⁰ Начальник канцелярии — генерал-майор Д. В. Волков. В 1916 г. начальник канцелярии — подполковник А. Ф. Палькевич.

Начальствующий состав лагеря военнопленных с семьями. В верхнем ряду крайний справа — капитан А. В. Скопиченко, перед ним дочь Галя, держащая на руках Ольгу, и Женя. В центре (вверху) — О. П. Скопиченко, внизу, крайняя справа — дочь Татьяна.

На оборотной стороне надпись:
*«Снимались в 1916 г. 11-го июня ... именины..... после войны
Лагерь военнопленных
За р. Волгой около
Симбирска»*

поражения белых частей эвакуировался через Сергиополь⁹¹ в Китай, в город Чугучак. Затем вместе с семьёй перебрался в город Харбин. В 1928 году переехал в Тяньцзинь.

⁹¹ Сергиополь — населённый пункт, располагавшийся на востоке современного Казахстана, на берегу реки Аягоз. Впервые упоминается в XVI–XVII вв. Как город основан в 1831 г. В 1831–1860 гг. назывался Аякоз. В 1860–1939 гг. носил название Сергиополь (Сергиопольская станица Семиреченской области Лепсинского уезда). Одно время был уездным городом сначала Семипалатинской, а затем Семиреченской области. Современное название — Аягоз (Аягез).

Алексей Владимирович Скопиченко. Харбин, конец 1920-х гг.

Скончался в Тяньцзине не ранее 1932 года.

Имел детей: Татьяну (р. 12.01.1897); Галю (р. 28.02.1898); Евгению (р. 15.02.1901); Ольгу (р. 15(25) 05.1908) и Георгия (р. 1913).

Ольга Петровна Скопиченко
(в девичестве — Завадовская) — мать Ольги

Ольга Петровна родилась в 1873 году в семье действительного статского советника, делопроизводителя канцелярии по принятию прошений Петра Амвросиевича Завадовского и Марии Константиновны Завадовской (в девичестве — Оболенской⁹²). 19 апреля 1896 года вышла замуж за поручика Новогеоргиевской крепостной артиллерии Алексея Владимировича Скопиченко. Жила с семьёй в Сызрани и Самаре. В период Гражданской войны эвакуировалась в Семиреченский край, а оттуда в Китай. Проживала в городах Чугучак, Харбин, Тяньцзинь. Занималась домашним хозяйством. Скончалась в 1935 году в Тяньцзине.

⁹² Завадовская Мария Константиновна (в девичестве — Оболенская). Родилась около 1850 г. Была супругой действительного статского советника Петра Амвросиевича Завадовского. Имела двоих детей — Евгения и Ольгу. На 1870 г. проживала в Санкт-Петербурге. Скончалась около 1889 г. в городе Харькове Российской империи.

Ольга Петровна Скопиченко

Памяти своей мамы Ольга Скопиченко посвятила стихотворение, вошедшее в сборник «Рассказы и стихи» (1993 г.).

Памяти О. П. Скопиченко (маме)

О прошедшей нашей весне
Суждено нам вечно вздыхать.
Ты во сне приходишь ко мне.
Так же поступь твоя тиха.

Так же ласков голос родной,
Так же нежны твои глаза,
Но тебе в этот час ночной
Ничего не могу сказать...

И зачем говорить о том,
Что, как рана, в душе моей.
Что была ты светлым лучом
С колыбели до юных дней.

Для меня священны часы,
Когда ты приходишь во сне,
Чтобы горе мое гасить,
Улыбнуться ласково мне.

Полусонная слышу звук
Шелестящих твоих шагов,
Ласка милых маминых рук
Успокоит сердце без слов.

И когда улыбчаты сны,
И когда хорошо во сне,
Знаю — это смеешься ты,
Ты из рая киваешь мне⁹³.

Алексей Владимирович и Ольга Петровна Скопиченко.

На оборотной стороне надпись:
«Моей курчавочке любящих
.....
“Козий Хуторок” Октябрь 1932 г.»

⁹³ Скопиченко О. Рассказы и стихи. — Сан-Франциско, 1993. — С. 99.

Ольга Петровна Скопиченко.
На оборотной стороне надпись:
«Козий хуторок»....
1931»

*Ольга Петровна и Алексей
Владимирович Скопиченко. Начало
1930-х гг.*

На оборотной стороне надпись:

*«....
День Ангела
11-го Июля 1929 года»*

Ольга Петровна Скопиченко

*В первом ряду сидят слева направо: Ольга Петровна, сын Евгении, Галя.
Во втором ряду: Ольга, неустановленное лицо,
Алексей Владимирович Скопиченко*

*Слева направо: Георгий, Алексей Владимирович, сын Евгении
и Ольга Петровна Скопиченко. Конец 1920-х гг.*

**Татьяна Алексеевна Скопиченко — старшая сестра Ольги
(в замужестве — Рубцова)**

Татьяна родилась 12 января 1897 года в Сызрани. В годы Гражданской войны она была сестрой милосердия в военно-санитарном поезде. В 1920 году после поражения Белой армии вместе с семьёй эмигрировала в Китай, затем переехала в США. Скончалась в Сан-Франциско 16 марта 1964 года после продолжительной болезни.

Памяти «любимой сестры Татьяны А. Рубцовой» поэтесса посвятила очерк «Вагон 6878».

Год прошел, пролетели дни и недели и как-то странно было думать, что вот уже ровно год, как тебя нет на свете.

Можно тысячи раз проезжать по знакомой улице — в том твоём окне я никогда не увижу тебя, как видела изо дня в день. Прикованная болезнью к дому, ты часами просиживала у своего окна, спасаясь от монотонности болезни, стараясь найти выход из своего ежедневного одиночества в шуме улицы, в движении людей и автомобилей.

Нет, я не хочу и не буду вспоминать эти последние годы твоей болезни, твоих безвыходных дум, твоих таких частых слез. Я уйду памятью в далекое прошлое. Вот, закрою глаза... и сразу вспомню тебя такой, как ты помнилась мне с моего детства, высокой, полной, красивой чисто русской, румяной, здоровой красотой.

Помню тебя, когда уезжала ты с санитарным поездом на передовые позиции в те годы, когда «приблизилась граница, чужими рельсами

Татьяна Скопиченко

загрохотал вагон». Ты стояла на пороге детской и ласково говорила, как ты поедешь на фронт, как ты будешь помогать раненым, что мы скоро встретимся, что война и революция кончатся, скоро, вот только...

Ты была такая красивая, тебе так шла белая косынка с небольшим крестиком, косынка крестовой сестры. Ты была полна энергии, самоотверженности и стремления к подвигу...⁹⁴.

Татьяна Скопиченко.

На оборотной стороне надпись:
«Милой сестренке Люсе от Таты
1927 6 го сентября»

Сёстры Татьяна и Галя

⁹⁴ Скопиченко О. Рассказы и стихи. — Сан-Франциско, 1993. — С. 303.

Могила Татьяны Рубцовой (Скопиченко)

Галя Алексеевна Скопиченко — родная сестра Ольги

Родилась 28 февраля 1898 года. На 20 декабря 1917 года — временно вольнонаёмная служащая Сызранского отделения Государственного банка российского правительства⁹⁵. Вместе с родителями эвакуировалась в Китай.

Автор не знает, занималась ли Галя литературным творчеством. Тем не менее она находилась в группе членов харбинского «Литературного общества», изображённых на фотографии 1930 года из собрания Музея имени В. К. Арсеньева (г. Владивосток).

Галя Скопиченко

⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р143. Оп. 1. Д. 77 // ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНК РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. Омск. Оп. 1. Дела постоянного хранения. 1918–1919 гг.

Галя Скопиченко.

На оборотной стороне надпись:
«Буйной головушке от сестры 1/X
25 г. Харбин»

Галя Скопиченко с мужем

Галя Скопиченко с мужем.

На оборотной стороне надпись:

«....
Лене
Гали
1929»

Галя Скопиченко (слева), с мужем (в центре) и друзьями

Галя Скопиченко

Евгения Алексеевна Скопиченко – родная сестра Ольги

Родилась 15 февраля 1901 года. Как и другие члены семьи Скопиченко, Евгения проделала скорбный путь из России в Китай. Жила вместе с родителями, вышла замуж. На фотографиях разных лет из архива Института Наследия Евгения встречается довольно часто, что говорит о том, что она поддерживала тесные отношения с сестрой Ольгой на протяжении всей жизни.

Женя Скопиченко.

На оборотной стороне надпись:

*«На память
Люсюле от
Меня*

*Харбин после урока
Ромочки солнца ...7-8 кл.
Марта 30 .../III. 25 г.»*

Евгения Скопиченко.

На оборотной стороне надпись:

*«Моим милым Павлукам чтобы
не забывали
1934. 4/4 Tientsin»*

Евгения Скопиченко.

На лицевой стороне надпись:
«Дорогим Павлюкам от Жуни
Tientsin 23 июля 1936»

Евгения Скопиченко.

На лицевой стороне надпись:
«Моим дорогим Павлюкам
Евгения»

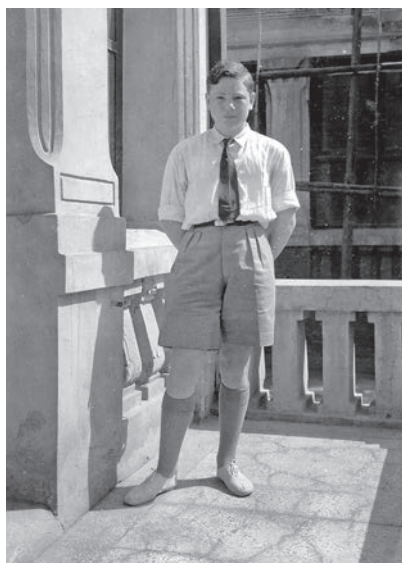
Евгения Скопиченко с мужем

Евгения Скопиченко

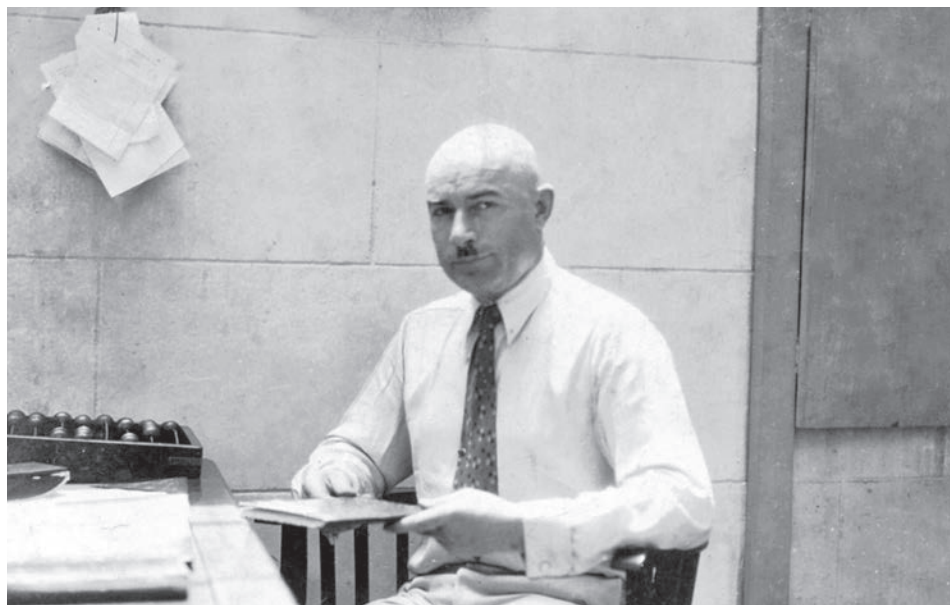

Муж Евгении Скопиченко с сыном

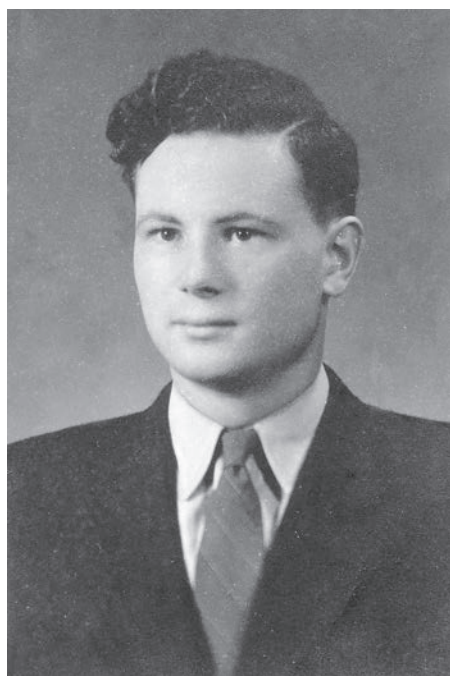

Сын Евгении Скопиченко.

На оборотной стороне надпись:
«Тете Люсе и дяде Павлуше от
Кота. 1937. VII.
15 лет»

Муж Евгении Скопиченко

Сын Евгении Скопиченко — «Кот»

Евгения Скопиченко

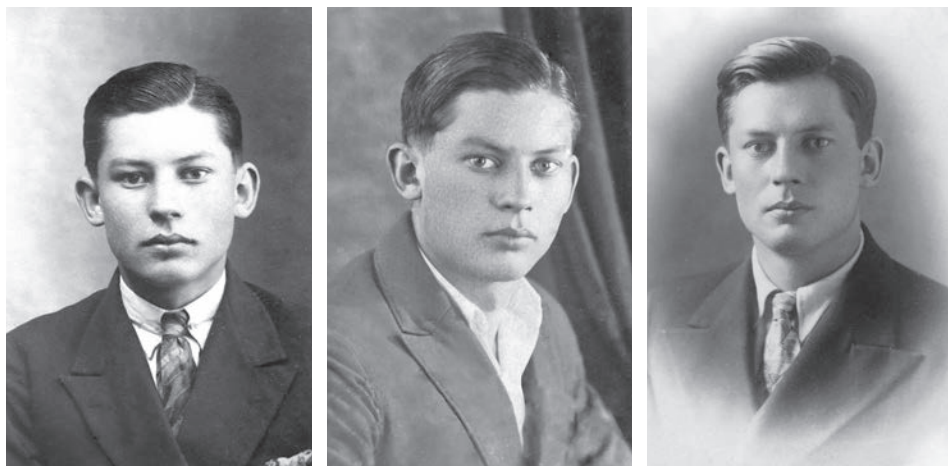
Три мушкетёра. Крайняя справа — Евгения Скопиченко

Евгения Скопиченко

Георгий Алексеевич Скопиченко — младший брат Ольги

Родился в 1913 году в городе Сызрани Самарской губернии. Вместе с семьёй эмигрировал в Китай, а затем переехал в США. Был женат на Ольге Германовне Поповой (1913–1996). Скончался в 1985 году в Сан-Франциско (США) и был похоронен на Сербском кладбище.

Георгий Скопиченко.

На оборотной стороне надпись:
«1930 год. Дорогим Люсе и Павлику на память от Г. Скопиченко»

Могила Георгия Скопиченко

***Екатерина Владимировна Скопиченко (в замужестве Утгоф) —
родная тётя Ольги (сестра Алексея Владимировича)***

Родилась в 1860 году. Вышла замуж за Льва Карловича Утгофа. Согласно Памятной книжке Варшавской губернии 1908–1915 гг., была членом Правления Русского благотворительного общества в Царстве Польском, попечительницей Мариинского имени Государыни Императрицы Марии Фёдоровны вдовьего дома, Варшавской Елизаветинской общины сестёр милосердия Красного Креста.

*Семья Утгоф. Верхний ряд. Слева направо: Августа Карловна Утгоф,
Дмитрий Львович Утгоф, Владимир Александрович Утгоф (?),
Владимир Карлович Утгоф, Ольга Карловна Утгоф (Винницкая).
Средний ряд: Роман Львович Утгоф (?), неустановленное лицо, Мария
Елизавета Роза, Лев Карлович Утгоф, Екатерина Владимировна Утгоф
(Скопиченко). На переднем плане: неустановленное лицо,
Надежда Винницкая, Вера Винницкая*

Екатерина Владимировна участвовала в Первой мировой войне в составе Автомобильного отряда имени г. Петрограда 2-й армии Северо-Западного фронта и Питательно-перевязочного пункта при Петроградском вокзале в г. Варшаве Западного фронта. Была награждена Георгиевской медалью IV-й степени «За храбрость» (Приказ № 497

от 27.07.1915 г.) и Золотой медалью «За усердие» на Аннинской ленте (Приказ № 2396 от 20.11.1915 г.)⁹⁶.

Имела троих сыновей: Романа, Дмитрия и Владимира.

Скончалась 21 февраля 1936 года в Польше и была похоронена на Оранчицком кладбище.

Лев Карлович Утгоф — муж Екатерины Владимировны Скопиченко

Родился 24 ноября 1852 года в Санкт-Петербургской губернии в семье подполковника в отставке немецко-датского происхождения. Общее образование получил в лютеранском реальном училище (по другим данным — в Санкт-Петербургском реформаторском реальном училище). 3 августа 1872 года вступил в службу унтер-офицером в 111-й пехотный Донской полк. После окончания Рижского пехотного юнкерского училища по 1-му разряду был произведён в прапорщики со старшинством 09.11.1875 года, затем в подпоручики (ст. 26.06.1877 г.) и поручики (ст. 09.04.1878 г.). 29 декабря 1879 года был прикомандирован к штабу Отдельного корпуса жандармов для испытания и перевода впоследствии. Был переведён в Отдельный корпус жандармов 12 февраля 1880 года. 8 апреля 1884 года был произведён в штабс-капитаны (ст. 08.04.1884 г.). С 24 июня 1880 года — адъютант Тверского губернского жандармского управления, затем Эстляндского губернского жандармского управления (с 15.09.1881 г.), Воронежского губернского жандармского управления (с 22.01.1883 г.). С 20 июня 1884 года — помощник начальника Сосновицкого отделения Варшавского жандармского полицейского управления на железной дороге, с 26 августа 1886 года — Новопрагского отделения Варшавского губернского жандармского полицейского управления. 20 ноября 1884 года был переименован в штабс-ротмистры, а 1 ноября 1886 года был произведён в ротмистры (ст. 01.11.1886 г.; на вакансию). С 18 ноября 1889 года — начальник жандармского управления Ново-Александрийского и Любартовского уездов, с 16 ноября 1890 года — Люблинского и Яновского уездов, исполняющий должность начальника Жандармского управления Варшавского, Новоминского и Радиминского уездов (с 25.08.1893 г.). 26 февраля 1894 года был произведён в подполковники (ст. 26.02.1894 г.; на вакансию) с утверждением в должности. Начальник Петроковского губернского жандармского управления (с 09.02.1899 г.). Полковник (пр. 1899 г.; ст. 15.03.1899 г.; за отличие). Затем с 31 октября 1905 года занимал

⁹⁶ URL:https://gwar.mil.ru/heroes/?last_name=%D1%83%D1%82%D0%B3%D0%BE%D1%8 (дата обращения: 12.05.2023).

должность начальника Варшавского губернского жандармского управления. В 1906 году был произведён в генерал-майоры (ст. 22.04.1907 г.; за отличие), а в 1909 году — в генерал-лейтенанты (ст. 08.10.1909 г.; за отличие), помощник Варшавского генерал-губернатора по полицейской части (с 25.09.1906 г.).

Полковник Лев Карлович Утгоф

2 декабря 1914 года был произведён в генералы от инфантерии с увольнением за болезнью от службы, с мундиром и пенсией. Умер в Киеве 2 августа 1918 года. За время службы был награждён орденами: Святого Станислава 3-й ст. (24.03.1880 г.); Святой Анны 3-й ст. (1893 г.); Святого Станислава 2-й ст. (13.04.1897 г.); Святой Анны 2-й ст. (06.04.1903 г.); Святого Владимира 3-й ст. (06.12.1905 г.); Святого Станислава 1-й ст. (06.12.1907 г.); Святой Анны 1-й ст. (04.11.1912 г.).

По злой иронии судьбы младший сын Льва Карловича и Екатерины Владимировны Владимир Львович Утгоф (1886–1937) был видным революционером, членом партии эсеров (партийный псевдоним — Пётр Петрович Дерюжинский). В 1917 году — член Петроградского Совета. Делегат I и II Всероссийских съездов Советов рабочих и солдатских депутатов. Делегат III и IV съездов партии эсеров, председатель Петроградской военной организации партии эсеров. В конце 1917 года был избран во Всероссийское учредительное собрание в избирательном округе Северного фронта по списку № 3 (эсеры и Совет крестьянских депутатов). В 1918 году — член Комитета Учредительного собрания.

В январе 1918 года был задержан большевиками, но бежал из-под ареста. В 1921 году был вновь арестован и в 1922 году на процессе по делу эсеров осуждён на 5 лет. После отбытия наказания находился в ссылке в Тобольске и Камне-на-Оби.

12 февраля 1937 года был вновь арестован, приговорён к высшей мере наказания и 12 октября 1937 года расстрелян.

***Павел Адрианович Сухатин — первый муж
Ольги Скопиченко***

Павел Сухатин родился в 1902 году в городе Севастополе. Окончил Хабаровский графа Н. Н. Муравьёва-Амурского кадетский корпус (XVIII выпуск). В конце Гражданской войны эвакуировался из Владивостока в Китай. Жил в Харбине, Тяньцзине, затем в 1929 году вместе с женой — Ольгой Скопиченко — переехал в Шанхай. Был хорошим спортсменом, играл в настольный и большой теннис, неоднократно завоёвывал призовые кубки. В 1930 году создал в Шанхае Русскую широковещательную ассоциацию. Писал стихи, рассказы, скетчи для радиопередач. Был членом литературно-художественного содружества «Пятница», членом Союза бывших кадет Хабаровского графа Н. Н. Муравьёва кадетского корпуса (Союз кадет-хабаровцев).

Предположительно в эти годы он написал стихотворение «Чёрный погон», посвящённое Хабаровскому кадетскому корпусу.

Чёрный погон, на нем буквы: Х.К.
Тронута выпушка молью слегка,
Выцвели краски, потерлось сукно —
Память поймала мгновенье одно...

Чёрная линия стройных кадет,
Каждый подчеркнуто лихо одет.
Талия тонкая. Грудью вперед.
Первая рота пример подает.

К старшим равняются все малыши —
Третья в первой не чаёт души.
«День необычный», — решает кадет:
«Ротный в походную нынче одет».

«Смирно», — команда рванула весь строй...
(Будто растерянный ротный седой...
Чётко винтовка взята «на-краул»,
Где-то из города слышится гул.

И непривычно директора бас
Странно и страшно дрожит в этот раз:
Как-то невнятно читает старик,
Вот он запнулся, замялся на миг,

Хрипло откашлялся и продолжал —
Голос по-прежнему странно дрожал:
«Мы отречение за благо сочли», —
Губы дрожащие глухо прочли.

Кто-то давнулся ненужным — «ура»...
Кажется, дать бы команду пора: —
«Первая, слушай. Кадеты, кругом...
«Быстро, по классам, вся рота, бегом».

Нет, не командует... Что-то он ждет...
Из-за угла показался народ.
Красные флаги: огонь кумача...
Ленты в аршин от плеча до плеча...

Банты... Розетки... Знамена, как кровь...
Это какая-то страшная новь.
Катится с ревом толпа за толпой —
«...жертвою пали в борьбе роковой...»

В сумрачном пенье плывут голоса...
Страшно блестит генерала слеза...
«...Под козырек» — так неверна рука
И воспитатель согнулся слегка...

Выступил с речью какой-то студент —
Странные выкрики... странный акцент —
Это не Русский поносит Царя —
Юношей этих построили зря.

«Сбросили иго... Кровавый режим...»
Видимо, манией он одержим:
Жестикулирует, как заводной,
Машет руками... это больной.

Выдохся... смолк... и на смену ему,
Кто-то истошно кричит про тюрьму
И призывает немедля толпой,
Разом навеки покончить с тюрьмой...

Мрачный стоит Первой роты кадет —
В горле першит, а рыдания нет...
Жутко стоять здесь и всем малышам —
Мертвые только не имут тот срам.

В этой свободе фальшивое все —
Сердце и мозг не приемлют ее.
Это ликует совсем не народ —
«Улица» страшно открыла свой рот...

Оба стареем мы: я и погон —
Часто мы видим мучительный сон:
Видим мы день, как погасла заря —
В день тот прочли отречение Царя⁹⁷.

Вероятно, фотографии матери Павла Сухатина.

На оборотной стороне надпись:
*«Сыночке Павлику от Мамы.
Храни тебя Господь.
Сентябрь — 25 г. Шанхай»*

⁹⁷ Машинопись, архив редакции «Париж и Франция». Приводится по: URL: <https://paris1814.com/habarovsk-kadet-korpus> (дата обращения: 12.09.2023).

В 1949 году Павел Сухатин перебрался вместе со второй женой в Австралию, в Сидней, где продолжал активно заниматься общественной и литературной деятельностью. В 1952 году он вместе с поэтом Михаилом Волиным основал русское литературное общество «На пятом материке». П. А. Сухатину удалось объединить вокруг себя почти все литературные силы «русского Сиднея» и быть бессменным руководителем общества в течение его 20-летнего существования. Одновременно он печатался во многих зарубежных изданиях. Издал два сборника стихов: «Контрасты» (1964 г.), «Замкнутый круг» (1965 г.) и сатирическую поэму «Даешь свободу!» (1966 г.). В 1964 году издавал литературно-художественный журнал «Крылья», был лауреатом 1-го фестиваля русских поэтов в Австралии и членом Сиднейского Отдела Обще-Кадетского Объединения.

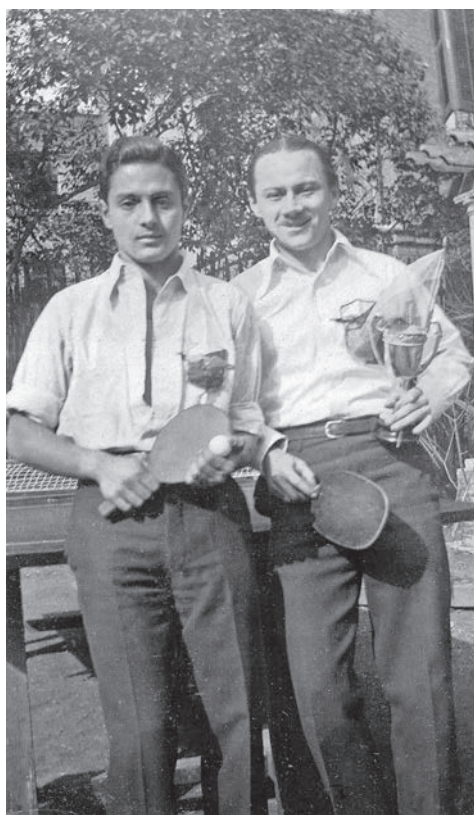
Умер Павел Адрианович Сухатин в Сиднее в 1978 году и был похоронен на 4-м участке русской секции кладбища Руквуд под Сиднеем.

Павел Адрианович Сухатин в разные годы

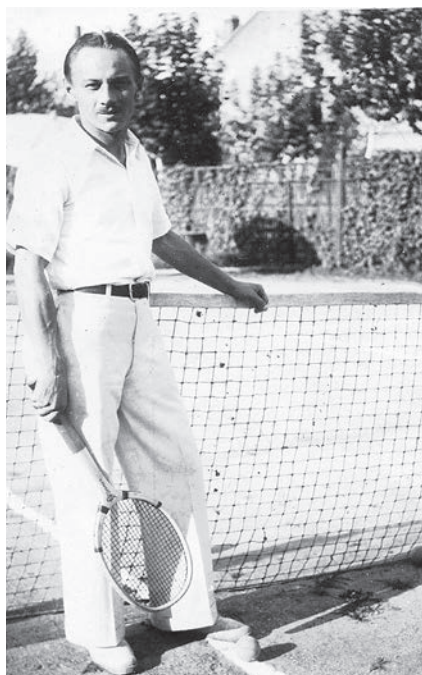
Павел Сухатин

Павел Сухатин (справа)

Павел Сухатин (слева) на теннисном корте

Павел Сухатин

Павел Сухатин. На стене в верхнем левом углу висит копия погона кадета-хабаровца. На рубашке нашивка — эмблема общества «Русский сокол»

Павел Сухатин

Павел Сухатин — стоит крайний справа

Павел Адрианович Сухатин

Могила Павла Сухатина в Сиднее

***Борис Михайлович Коновалов — второй муж
Ольги Скопиченко***

Родился в ноябре 1902 года в Ляояне в семье офицера Михаила Александровича Коновалова⁹⁸. После смерти мужа, погибшего в 1905 году при защите Порт-Артура, мать Бориса Мария Леонидовна эвакуировалась с детьми через Маньчжурию в город Козиницу Российской империи (ныне — город в Польше), откуда была родом. Затем переехала в Иркутск, а вскоре вернулась в Маньчжурию. Вышла замуж за офицера 4-го Восточно-Сибирского стрелкового полка фон Геммельмана Алексея Карловича⁹⁹. Всего она родила пятерых сыновей. От первого брака: Георгия, Всеволода, Бориса, и от

⁹⁸ На 9 сентября 1900 г. — поручик 25-го пехотного Смоленского полка. На период Русско-японской войны — штабс-ротмистр.

⁹⁹ Алексей Карлович фон Геммельман. Родился 22.01.1879 г. в семье генерал-лейтенанта. Из потомственных дворян Таврической губернии. Начальное образование получил в Сибирском, а затем в Нижегородском графа Аракчеева кадетских корпусах. В 1902 г. окончил Павловское военное училище. 02.09.1905 г. был произведён в поручики. Участвовал в Русско-японской войне в составе 4-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, был ранен. 11.03.1907 г. переведён во 2-й Заамурский железнодорожный батальон, расквартированный в г. Харбине. Участвовал в Первой мировой войне, капитан. В годы Гражданской войны находился в белых войсках Восточного фронта, подполковник. В эмиграции в Китае, служил в войсках Чжан Цзо-лина. В 1927 г. — в составе 7-го особого полка (капитан). Умер в 1940 г.

второго брака: Дмитрия и Алексея¹⁰⁰. Работала на КВЖД, скончалась в Шанхае.

Начальное образование Борис получил в Алексеевской школе для детей Заамурского военного округа при Коммерческом училище в Харбине. Затем учился в Иркутском кадетском корпусе. В декабре 1919 — январе 1920 года принимал участие в уличных боях во время восстания в г. Иркутске, затем был эвакуирован на остров Русский во Владивостоке, где продолжил обучение в Хабаровском графа Н. Н. Муравьёва-Амурского кадетском корпусе. Окончил его в 1922 году (XVIII выпуск). Эвакуировался вместе с корпусом в Шанхай. В 1926–1927 годах учился в Шаньдунском военном училище Русской группы войск¹⁰¹. Работал телохранителем у богатого китайца. В 1947 году женился на Ольге Алексеевне Сухатиной (Скопиченко). В 1949 году вместе с женой в числе других русских эмигрантов переехал на остров Тубабао (Филиппины), а затем — в 1950 году — в США. Жил в Сан-Франциско. Скончался 18 октября 2004 года в Сан-Франциско, не дожив один месяц до своего 102-летия. Похоронен на Сербском кладбище в одной могиле с женой (могила SFN№27 11 536).

¹⁰⁰ Георгий Михайлович Коновалов. Начальное образование получил в Полтавском кадетском корпусе. Окончил Павловское военное училище. По словам Б. М. Коновалова, Георгий участвовал в Русско-турецкой войне (вероятно, речь идёт о Кавказском фронте Первой мировой войны (1914–1918 гг.), боевые действия на котором иногда называют Русско-турецкой войной. — А. О.). Был ранен. При попытке вернуться в Россию был взят в плен немецкими военными властями и вывезен в Чехословакию, где и скончался около 1927 года. Всеволод Михайлович Коновалов окончил Воронежский кадетский корпус. После Гражданской войны остался в Советской России. В годы Великой Отечественной войны, по некоторым сведениям, работал корреспондентом в газете «Комсомольская правда».

Их сводный брат Алексей Алексеевич Геммельман (22.10.1910 — 31.10.1988) окончил Хабаровский графа Муравьёва-Амурского кадетский корпус. В эмиграции жил и работал в Китае, на Филиппинах, в Таиланде. Скончался в США и был похоронен на Сербском кладбище близ Сан-Франциско. Сведений о Дмитрие Алексеевиче Геммельмане (род. в 1912 г. — ?) найти не удалось.

¹⁰¹ Русское военное училище (официальное название — Шаньдунский офицерский инструкторский отряд) было создано в начале 1926 г. в г. Цинанфу. Первоначально курс обучения был рассчитан на полгода, затем на год и, наконец, преобразован в двухгодичный по программе военных училищ мирного времени. Преподавателями и строевыми офицерами были генералы, штаб- и обер-офицеры русской армии. Всего через училище прошло 500 человек русской молодёжи, 60 из них получили офицерский чин. В 1928 г. училище было расформировано.

Борис Михайлович Коновалов

Свидетельство № 14 от 2 апреля 1927 года, выданное юнкеру Коновалову Борису Михайловичу в том, что он прослушал 18-месячный курс Шандунского офицерского инструкторского отряда и сдал офицерские экзамены. Из частной коллекции

Своему мужу — Борису Коновалову — Ольга Коновалова-Скопиченко посвятила два стихотворения (под заголовком «Борису К.»), которые вошли в сборник «Рассказы и стихи».

Борису К.

На первый день Пасхи, ты в дверь постучишь,
Я буду тебя ждать...
Сейчас ты упорно не пишешь — молчишь,
Всего только месяц, а кажется, пять.

Войдешь и улыбкой подаришь, как Крез...
И я посмотрю в глаза...
И радостно скажешь: «Христос Воскрес!»
Не буду я знать, что сказать.

И я по обычью губами прижмусь
Три раза к любимым губам,
Я встречу и жду, и хочу, и боюсь,
Но встречу другим не отдам.

На Пасху случается чудо чудес
И чудом ты будешь моим.
Слова первой встречи «Христос Воскрес!»
С тобой на всю жизнь сохраним.

Борису К.

Нет, не любовь, как в юности слепая,
Порывистая, смутная порой,
Такой любви я больше не желаю,
Она прошла, как туча грозовая

Над опаленной молнией душой.
Оплаканы, зачеркнуты, забыты
Миражные, обманные слова
Их победили тихие молитвы,

Душа очнулась от тоски изжитой,
От бури огненной, где выжила едва,
С чужой душой я больше не колдую

И, если только хочешь правду знать,
Я отдам тебе не ласку поцелуя,
Быть может, не любовь, а бережность такую
Сердечную, где слов не подобрать.

ФОТО ИЗ АРХИВА БОРИСА КОНОВАЛОВА

Мария Леонидовна Коновалова

Михаил Александрович Коновалов (предположительно)

Борис Коновалов

*Кадет Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса
фон Геммельман Алексей Карлович*

Кадет Полоцкого кадетского корпуса Георгий Коновалов

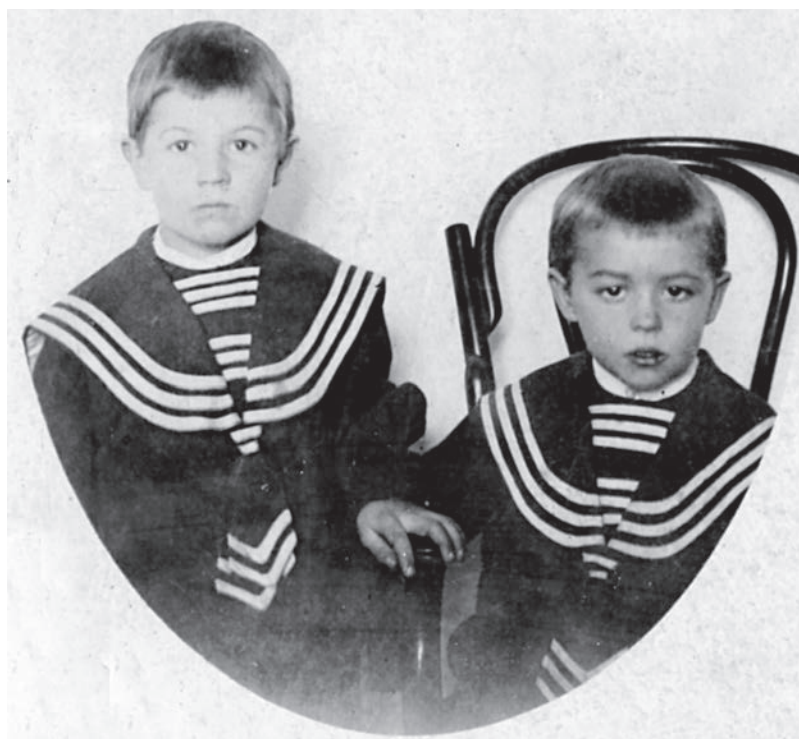
*Георгий Михайлович Коновалов
(предположительно)*

Боря Коновалов (справа) с братом

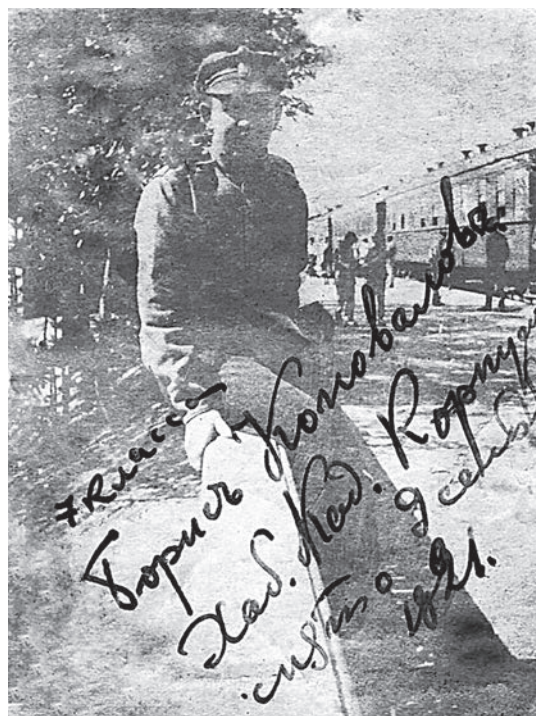
Три брата: Георгий, Всеволод и Борис Коноваловы

Борис Коновалов (справа) с братом Всеволодом

*Нижний ряд. Сидит второй слева — Борис Коновалов.
Третий ряд, второй справа — сын генерала И. Ф. Шильникова*

Кадет Хабаровского кадетского корпуса Борис Коновалов. 1921 г.

Борис Коновалов (справа).
На оборотной стороне надпись:
«Я и Н. Я. Кортилов»

Борис Коновалов.
На оборотной стороне надпись
карандашом:
«Эго
28/VIII 23 Харбин»

Борис Коновалов в разные годы.
На оборотной стороне левой фотографии дата «1926»

Борис Коновалов. Фото 1961 г.

*Могила Ольги Алексеевны Коноваловой (Скопиченко)
и Бориса Михайловича Коновалова*

НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННЫЕ ФОТО ИЗ АРХИВА БОРИСА КОНОВАЛОВА

На оборотной стороне
фотографии надпись:

*«Милому Боричке
на память от Ляли»*

На оборотной стороне надпись:
*«Моему дорогому мальчику от Гали
 На...
 Владивосток»*

На лицевой стороне надпись:
*«Милому Боричке от его друга.
 1 сент. 1923 г.»*

На лицевой стороне надпись:
*«Милому Боричке от его друга.
 1 сент. 1923 г.»*

На оборотной стороне надпись:
*«На добрую и долгую память
 славному Боре
 Вавы
 В. Б.
 Харбин 1922.31.VI.
 “Мы счастливы лишь только там
 где любят нас, где верят нам”»*

Марианна Колосова
(настоящее имя — Римма Ивановна Виноградова),
подруга и наставник Ольги Скопиченко

Римма Виноградова родилась 14 июня 1901 года в селе Ново-Обинском (ныне — Новообинка) на Алтае в семье псаломщика Пророко-Ильинской церкви Ивана Михайловича Виноградова и его жены Раисы Яковлевны. Окончила 7-й педагогический класс Томского Епархиального Женского Училища и с июня 1919 года по август 1920 года служила в Бийском Уездном Комитете Всеобщей Трудовой Повинности. 4 сентября 1920 года поступила в Томский университет на юридический факультет. Затем уехала во Владивосток. Некоторое время находилась в партизанских частях под командованием генерал-майора Б. В. Анненкова. После разгрома белых она навсегда покинула Россию, перебравшись вместе с анненковцами сначала в Джунгарию (Северный Синьцзян), а затем в 1922 году — в Маньчжурию, в город Харбин.

Марианна Колосова и генерал-майор В. Д. Космин

Начала писать стихи в 1925 году, а в 1926 году молодая поэтесса стала публиковаться в журнале «Рубеж», харбинской газете «Русский голос» и других эмигрантских журналах и газетах. Печаталась под псевдонимами Джунгар, Елена Инсарова, Н. Юртин, Марианна Колосова.

В 1928 году в Харбине была опубликована первая книга стихов Марианны Колосовой — «Армия песен». В дальнейшем в Харбине увидели свет её книги стихов: «Стихи!» (ошибочно называемая «Господи, спаси Россию», 1930 г.), «Не покорюсь!» (1932 г.), «На звон мечей» (1934 г.).

Творчество Марианны Колосовой высоко ценили русские поэты Харбина А. Несмелов, А. Ачаир, В. Перелешин и многие другие. Современники называли ее «бардом Белой армии» и харбинской Мариной Цветаевой.

В Харбине Марианна Колосова познакомилась с Александром Николаевичем Покровским, по некоторым данным, офицером Белой армии, и вскоре вышла за него замуж (по другим данным, жила с ним в гражданском браке).

В начале января 1936 года Марианна вместе с мужем переехала в Шанхай, где её стихи были опубликованы в журнале «Парус» и где вышли две её последние книги: «На боевом посту» и «Медный гул» (1937 г.)¹⁰².

В 1945 году Марианна Колосова получила советское гражданство, однако после начавшейся в СССР критики писателя Михаила Зощенко и поэтессы Анны Ахматовой она публично отказалась от советского паспорта.

В 1949 году Китай стал коммунистическим, и семья Покровских уехала на филиппинский остров Тубабао. В беженском лагере Марианна отказалась получить разрешение на въезд в США¹⁰³ и эмигрировала в Бразилию, а затем в конце 1950-х годов — в Чили.

Скончалась Марианна Колосова 6 октября 1964 года в Сантьяго и была похоронена на кладбище в Пуэнте-Альто в пригороде Сантьяго. На табличке, прикреплённой к её могильному кресту, была сделана надпись: «*Русская национальная поэтесса*».

Муж Марианны Колосовой Александр Покровский пережил жену на 15 лет.

В 1964 году Ольга Скопиченко в газете «Русская жизнь» опубликовала очерк под названием «О героике прошлых дней: Памяти поэтессы Марианны Колосовой». В нём она, в частности, писала:

¹⁰² По другим данным, М. Колосову в 1934 г. выселили из Харбина японцы, и она вынуждена была уехать в Шанхай.

¹⁰³ По другим данным, во въезде в США им было отказано из-за неблагонадёжности.

«Эмиграция, рассеянная после второй мировой войны, отошла от прежней борьбы, выцвела, стала обывательской, и забылись яркие песни большой национальной поэтессы. Редко-редко сейчас встретить ссылку на её стихи, строчку из её стихотворений на календарном листке. Но книги её доживут до тех времен, когда кто-нибудь внимательно и бережно перелистает страницы нашего зарубежного творчества. И на полку книг, оставшихся от изгнания, на первом месте встанут не отточенные, выдержанные, вымеренные стихи наших знаменитых поэтов, а тоненькие томики «Армии Песен» Марианны Колосовой, потому что горело её творчество ярким огнем призыва, и было оно выразителем наших чаяний, надежд и нашей эпохи»¹⁰⁴.

Подруге и наставнику Ольга Скопиченко посвятила несколько стихотворений, в том числе: «Далекому другу», «Твои глаза» (в сборнике «Путь изгнанника»), «Раздумье» (в сборнике «Рассказы и стихи»), «Русской» (в сборнике «Будущему вождю»).

Раздумье

Поэтессе Марианне Колосовой

А молодость ушла, оставив за собою
Несбывшихся надежд былую мишуру...
И я по-прежнему в привычную игру
Играю с присмиревшею душою...

И веря, и надеясь, и любя,
Все, Муза, слушаю внимательно тебя.

Но ты — не та, и речь твоя другая...
Спокойны и размеренны стихи,
Как будто и огонь вдохновенья стих,
И обжигает он, не согревая.

Не уловить победных ноток тех,
Что в молодости к битвам призывали,
И гимнами прекрасными звучали,
И в каждом дне пророчили успех.

¹⁰⁴ Скопиченко О. О героизме прошлых дней: Памяти поэтессы Марианны Колосовой // Русская жизнь. — 1964. — 24 декабря. (Цит. по: Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке : Библиографический словарь. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. — С. 162.)

У Музы у моей — давно седые кудри,
И взгляд ее по-старчески глубок;
Как плеск волны на золотой песок,
Звучат ее слова — размеренны и мудры.

И новой ворожке покорная опять,
Как в молодости, безотчетно, смело,
Душа идет к иным, назначенным пределам,
Где надо не надеяться, а знать...

И я по-прежнему, и веря, и любя,
Все, Муза, слушаю внимательно тебя¹⁰⁵.

**Николай Афанасьевич Пикулевич —
известный эмигрантский художник и иконописец**

В архиве Скопиченко и Коновалова, поступившем в Институт Наследия, сохранились несколько чёрно-белых фотографий его картин.

Николай Пикулевич родился 20 августа 1883 года. Художественное образование получил в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Эмигрировал в Китай. Жил в Пекине и Шанхае. Принимал участие в выставках русских художников. В том числе в декабре 1928 года — первой выставке, организованной в Шанхае, в которой участвовали, помимо Н. А. Пикулевича, художники М. А. Кичигин, В. С. Подгурский и Л. Н. Пашков. В начале 1930-х годов Николай Афанасьевич жил постоянно в Циндао.

В конце декабря 1931 года Н. А. Пикулевич участвовал в совместной с художниками В. С. Подгурским, П. И. Сафоновым, М. А. Кичигиным и Я. Л. Лихоносом выставке, на которой представил ряд пейзажей и этюдов, написанных маслом и акварелью. По свидетельству очевидцев, его пейзажи «После дождя», «Туман» были наполнены мрачной мглой, а «Джонка», наоборот, прозрачным светом и синевой моря. Такими же солнечными были «Переулочек» и «Китайская деревня». Критик шанхайской газеты «Слово» Л. К. Льдовский писал о художнике: «*Н. И. Пикулевич — глубокий китаевед и этнограф, читал лекции на китайском языке по истории искусства в Шаньдунской академии художеств и был главным ее руководителем. Как выдающийся акварелист, он в этой области, бесспорно, занимает первое место. Его работы полны очарования. Большая чуткость, сочность и глубина красок непередаваемы*»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Скопиченко О. Рассказы и стихи. — Сан-Франциско, 1994. — С. 167.

¹⁰⁶ Льдовский Л. К предстоящей выставке // Слово. Воскрес. иллюстр. прил. — 1931. — 13 дек. — С. 17.

Николай
Афанасьевич
Пикуневич. РКГУ

Николай Афанасьевич Пикуневич¹⁰⁷

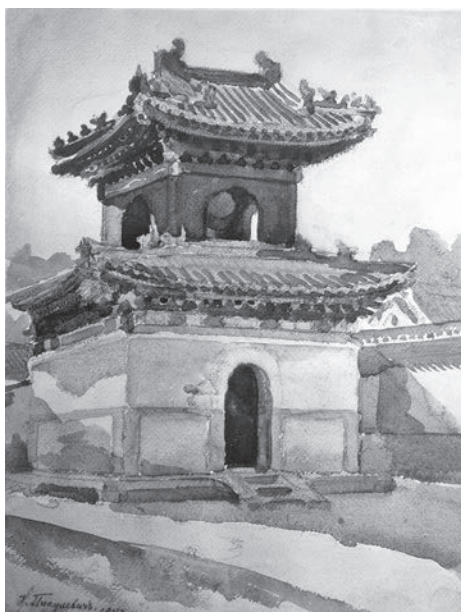
Помимо занятий живописью, Н. И. Пикуневич выполнял росписи в храмах, писал иконы.

В 1949 году в числе многих белых эмигрантов Пикуневич эвакуировался на остров Тубабао Филиппинского архипелага. Участвовал в выставке-продаже русских художников в апреле 1950 года. Затем переехал в США. Жил и продолжал заниматься творчеством в Сан-Франциско. Скончался Николай Афанасьевич 28 апреля 1965 года и был похоронен на Сербском кладбище в г. Колма близ Сан-Франциско.

4 июня 1970 года в газете «Русская жизнь» была опубликована статья Ольги Коноваловой-Скопиченко «О художнике Н. Пикуневиче: Письмо к друзьям», а 20 декабря того же года — «Освящение памятника на могиле художника Пикуневича».

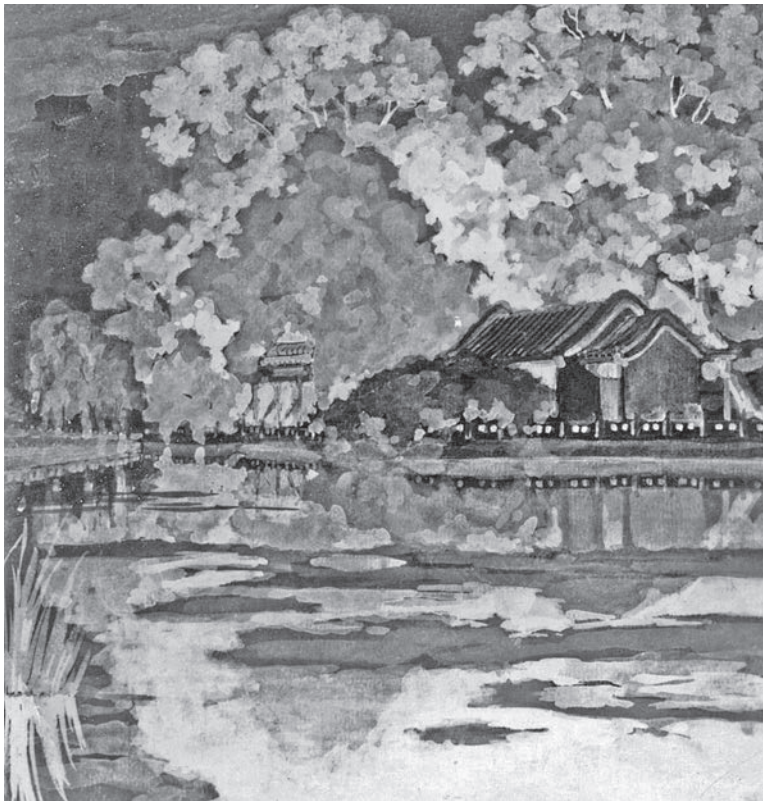
¹⁰⁷ Фото из книги: Хисамутдинов А. А. Русские волны на Пасифике: из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет. — Пекин ; Владивосток : Изд-во «Рубеж», 2013. — С. 485.

ФОТОРЕПРОДУКЦИИ КАРТИН Н. А. ПИКУЛЕВИЧА

**Константин Павлович Данилевский —
художник-дизайнер, друг Бориса Коновалова**

Родился 24 июля 1904 года в Уссурийске. О его семье известно немного. При рождении он носил фамилию своего родного отца — Сычѳв, но в какое-то время его родители расстались, и его мама, Мария Васильевна, вышла замуж за Сергея Ивановича Данилевского¹⁰⁸. В то время семья жила в Харбине, где С. И. Данилевский работал членом правления, а позже, в середине 1920-х годов, товарищем (заместителем) председателя Советско-китайского правления КВЖД в период совместного управления дорогой (с 1924 г.).

В конце 1923 года Константин выехал в США, где окончил Пенсильванскую академию художеств. В 1928 году выставлял свои работы на выставке независимых художников (The Society of Independent Artists) в Филадельфии и Нью-Йорке. Некоторое время стажировался во Франции и Италии. В 1929 году вернулся в Шанхай, работал заведующим художественным отделом американской фирмы Cloud Neon Light Co.¹⁰⁹ Как руководитель рекламного отдела К. П. Данилевский занимался разработкой дизайна и монтажом рекламных неоновых вывесок. В числе его работ самая большая в мире на то время неоновая реклама ВВ Beehive, установленная на углу улиц Yu Ya Ching Road и Avenue Edward VII в Шанхае; вывеска Луна-парка и другие.

В 1930 году Константин Данилевский участвовал в первой международной выставке Арт-клуба в Шанхае. На ней были представлены работы русских мастеров изобразительного искусства В. С. Подгурского, Б. К. Хренова, Н. К. Соколовского, Н. И. Адамовича, К. Н. Малиновского, и других художников¹¹⁰.

На той выставке Константин Павлович представил серию плакатов, выполненных в импрессионистической манере, чем привлек и заинтересовал публику. Кроме плакатов, на выставке находился

¹⁰⁸ Данилевский Сергей Иванович (1871—?). Окончил Санкт-Петербургский институт путей сообщения. Член комиссии Временного правительства на Дальнем Востоке (Харбин, с 1917 г.). Начальник технического отдела КВЖД (с 1918 г.). В 1929 г. во время конфликта на КВЖД подал в отставку и уехал в Дальний, затем вернулся в Харбин. В середине 1930-х гг. переехал в Шанхай. С 6 марта 1937 г. — президент Советского клуба.

¹⁰⁹ Во время Второй мировой войны, после оккупации Шанхая японцами, К. П. Данилевский некоторое время был главой компании.

¹¹⁰ *Жиганов В. Д.* Русские в Шанхае. — Шанхай, 1936. — С. 143; *Шаронова В. Г.* История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. — М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2015. — С. 355.

и написанный художником женский портрет «Татьяна», за который автор запросил одну тысячу долларов — цену по тем временам огромную. Вместе с другими художниками — А. А. Яроном, В. А. Засыпкиным, П. П. Густом и С. М. Мосцепаном — К. П. Данилевский иллюстрировал первый номер (сентябрь 1930 г.) «толстого» литературно-художественного журнала «Понедельник» (Шанхай).

Константин Данилевский.

На оборотной стороне надпись:

«Борису от Кости

1923.24.IX. перед отъездом»

Круг общения К. П. Данилевского в Шанхае был достаточно разнообразен. Кроме художников, он был знаком с Александром Вертинским, Олегом Лундстремом, встречался с Н. К. Рерихом. В 1947 году К. П. Данилевский вместе с женой Натальей Сергеевной и сыном Михаилом репатриировался в СССР и обосновался в Перми¹¹¹. Вместе с ним в Перми поселились его сестра Галина и мать Мария Васильевна.

В СССР К. П. Данилевский больше не занимался художественным творчеством, поскольку его свидетельство об окончании Пенсильванской академии художеств не было принято в качестве документа о художественном образовании. Некоторое время он работал художником-оформителем в местном краеведческом музее,

¹¹¹ Не стали возвращаться в СССР его младшие брат и сестра, которые уехали из Китая в Австралию.

затем переводчиком с английского и французского языков на заводе «Пермнефтеоргсинтез», давал частные уроки английского языка. Умер Константин Павлович 13 сентября 1978 года в Перми.

В 2001 году на Арт-салоне, который проводился в г. Перми выставочным центром «Пермская Ярмарка», были показаны работа Данилевского «Татьяна» и цикл графических работ художника «На задворках Парижа»¹¹².

Константин Данилевский.

На оборотной стороне надпись:
«Около академии»

¹¹² Биографическая справка о К. П. Данилевском составлена на основе информации, полученной от его внука, — Андрея Михайловича Данилевского.

Константин Данилевский.
На оборотной стороне надпись:
«Я»

Константин Данилевский.
На оборотной стороне надпись:
«Я за рулем мотора»

Галина Данилевская.

На лицевой стороне надпись:
«Г. Данилевская 1925 й 5 го декабря».

На оборотной стороне:

«Не забывайте меня, хотя я знаю что все карточки имеют свой предел — это сорный ящик. Для Вас я злючка и пускай ей останусь. Но не все же добрые остаются в памяти есть место и для злых. Желаю Вам Боря счастливого пути в дороге, а так же в жизни.

Галя Данилевская-Сычева»

Константин Данилевский.

На оборотной стороне надпись:

«Я сижу и думаю о прелестных женщинах, которых я оставил на время в Харбине.

Между прочим здесь я снят с усами. Одно время я носил их»

Константин Данилевский.

На оборотной стороне надпись:

*«Дорогому Бобке от друга
Константина
Phila.Pa. U.S.A.*

Снято в «Stone Harbor» N.J.»

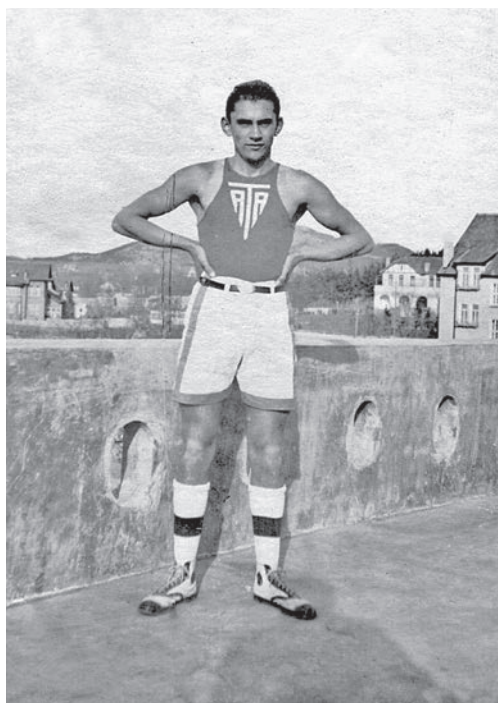
На оборотной стороне надпись:

*«Дорогому Борису, от всегда
желающему ему счастья в жизни,
Константина.*

*Помни и не забывай
Phila.Pa. U.S.A. 1925»*

*Константин Данилевский.
На оборотной стороне надпись:
«Дорогому Бобке от Константина Данилевского. U.S.A. 1925»*

*Константин Данилевский в спортивной форме.
На майке аббревиатура АТА — Американская теннисная ассоциация*

*Михаил Волин (настоящее имя —
Михаил Николаевич Володченко) — поэт и прозаик*

Михаил Володченко и его брат-близнец Николай родились 12 августа 1914 года на станции КВЖД Имяньпо в дворянской семье. Отец близнецов служил секретарём посольства Российской империи в Монголии. В Китай родители будущего поэта переселились ещё в конце XIX века. Дед Михаила — прославленный военачальник, генерал-лейтенант Николай Герасимович Володченко (1862–1945), участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. В 1905–1914 годах был начальником штаба Заамурского военного округа, а в 1917 году командовал Юго-Западным фронтом¹¹³.

Михаил окончил гимназию Христианского союза молодых людей (ХСМЛ)¹¹⁴ в Харбине, непродолжительное время служил в китайской армии, работал корреспондентом в газете «Заря». Был хорошим спортсменом, а также с юношеских лет пробовал свои силы в литературе.

В начале 1930-х годов Михаил Волин вступил в литературный кружок «Молодая Чураевка» в городе Харбине.

Первые стихи Михаила были опубликованы в харбинском журнале «Рубеж» и в газете «Чураевка».

В 19 лет Михаил Волин женился, но через два года жена простудилась и умерла. Переживая смерть супруги, Михаил отправился в длительное путешествие через весь Китай в Тибет. Во время путешествия он знакомится с буддийскими монахами и в течение года живёт в монастыре, изучая искусство йоги. В 1937 году Михаил Волин переехал в Шанхай, где открыл школу гимнастики и йоги, а в конце 1930-х годов

¹¹³ 24 августа 1945 г. генерал Н. Г. Володченко был арестован органами СМЕРШ в Харбине по обвинению в антисоветской деятельности и в конце года скончался во время следствия. В 1999 г. был посмертно реабилитирован.

¹¹⁴ Христианский Союз молодых людей (ХСМЛ — YMCA — ИМКА) был основан Джорджем Вильямсом в 1844 г. в Великобритании с целью развития нравственных принципов у молодёжи. Очень скоро аналогичные общества были открыты в Канаде, США, Франции и в других странах. С начала 1920-х гг. важной целью Союза стала помощь русским беженцам, в том числе и в Китае. Благодаря финансовой поддержке ХСМЛ были открыты школы для подготовки шофёров-механиков, воспитателей дошкольников и т. д., созданы различные общественные организации, в том числе спортивные, библиотеки, а также различные курсы и учебные заведения. В то же время Русская православная церковь и большинство монархических и национальных организаций рассматривали ХСМЛ как масонскую организацию, подрывающую своей идеологией основы православия. Более того, бытовало мнение, которое подтверждалось свидетельством эмигрантов, что в некоторых структурах ХСМЛ работали военные специалисты, занимавшиеся сбором разведывательных данных.

присоединился к знаменитому учителю йоги Индре Деви¹¹⁵ в первой школе в Китае и после её отъезда в США стал директором школы.

Поэт Владимир Слободчиков в своих воспоминаниях приводит такую характеристику своему другу Мише Волину:

«Самым примечательным гостем мадам Жаспар¹¹⁶ был Миша Волин — это удивительное создание природы, на которое она не поспешила выдать все лучшие черты, хранящиеся в ее тайниках. Он был на редкость привлекателен. Как выдающийся спортсмен, владел совершенной фигурой и осознанной ритмикой в движениях.

Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока

Хранить молчанье в важном споре...
Но в чем он истинный был гений,
Что знал он тверже всех наук,
Была наука страсти нежной...

¹¹⁵ Индра Деви (Евгения Васильевна Лубанская-Петерсон, 1899–2002). Родилась в Риге в семье Василия Петерсона, банковского служащего шведского происхождения, и русской дворянки Александры Лабунской, известной в дореволюционной России актрисы оперетты. В 1920 г. Евгения вместе с матерью эмигрировала из Латвии в Германию. Играла в Дягилевском Русском театре. Увлечлась йогой и переехала в Индию. В 1930 г. вышла замуж за дипломата Яна Стракаты. В конце 1930-х — начале 1940-х гг. жила с мужем в Шанхае. В феврале 1930 г. открыла в городе студию йоги. Была единственной женщиной, которой был присвоен статус йога. После Второй мировой войны переехала в США, где создала школу йоги. Прожила 103 года.

¹¹⁶ Жаспар Таисия Павловна (в девичестве — Филиппович) родилась 8 октября 1912 года в городе Тобольске. После поражения Белой армии вместе с родителями эвакуировалась в Китай. Проживала в Харбине, где получила художественное образование. В начале 1930-х годов обратилась к советскому консулу в Харбине за разрешением вернуться в СССР. По некоторым сведениям, в этом ей было отказано с формулировкой «возвращение на Родину нужно заслужить». Переехала в Шанхай, принимала участие в художественных выставках. Особой популярностью пользовались её портреты. В 1936 году Таисия познакомилась с Андрэ Жаспаром — консулом Шанхайской французской концессии и кузеном героя Франции Шарля де Голля — и через год вышла за него замуж. В 1943 году Андрэ Жаспар вернулся в Париж, а Таисия осталась в Шанхае, где продолжала занятия живописью. Одновременно она устраивала выставки и литературные вечера у себя в доме. В 1952 году мадам Жаспар вернулась в СССР, продолжала работать как портретист. Жила в Киеве. Скончалась Таисия Жаспар в 1986 году. В 1993 году в Киеве прошла выставка её работ. По некоторым сведениям, сотрудничала с французской и советской разведками.

Да простит мне Пушкин эти цитаты, но они поистине и кстати отражают подлинное лицо очаровательного Миши, одного из моих лучших друзей.

На вечерах у Таисии Павловны он читал мягким, но мужским голосом свои красивые стихи и вызывал симпатии всех присутствующих, в особенности дам. Не удивительно, что художник и тонкая натура, Таисия Павловна сделала Мишу своим избранником. Она писала его портреты в разных поворотах лица и фигуры, готова была просто любоваться им и, видимо, искать взаимного чувства...»¹¹⁷.

В начале 1950-х после прихода к власти в Китае коммунистов Михаил Волин с братом и матерью через лагерь для перемещённых лиц на филиппинском острове Тубабао эмигрировал в Австралию.

Михаил Волин.

На оборотной стороне фотографии надпись:
«Ольге Скопе от рыцаря без страха но с упреком. Волин М.»

¹¹⁷ Слободчиков В. А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. — М. : ЗАО Центрполиграф, 2005. — С. 247–248.

В Австралии он продолжал заниматься йогой, основал первую школу в Сиднее и йога-центры в других частях Австралии и Новой Зеландии. Совершенствовался в искусстве йоги в Индии и за свои успехи получил право носить имя Swami Karmananda, что означает на хинди: «тот, кто благословен через свою работу». Писал книги по йоге, многие из которых были очень популярны и в Европе.

С 1970 по 1981 год Михаил Волин жил в США, где работал гувернёром и наставником детей у знакомого богатого китайского промышленника, а затем вернулся в Австралию. Занимался преподавательской деятельностью, читал лекции в США, Канаде и Европе на тему «Исследования процессов старения и методов задержки и противодействия им». Продолжал заниматься литературной деятельностью. В конце 1980-х годов стал лауреатом Второго фестиваля русских поэтов в Австралии.

Печатался в эмигрантской периодике: в журналах «Грани» (Франкфурт-на-Майне), «Новый журнал» (Париж), «Континент» (Мюнхен) и газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк). По воспоминаниям современников, Михаил Николаевич был талантлив как литератор.

В 1987 году в Аделаиде (Австралия) вышел его сборник стихов «Путём строк», в 1988 году был издан на русском и на английском языках сборник М. Волина «Избранные стихи».

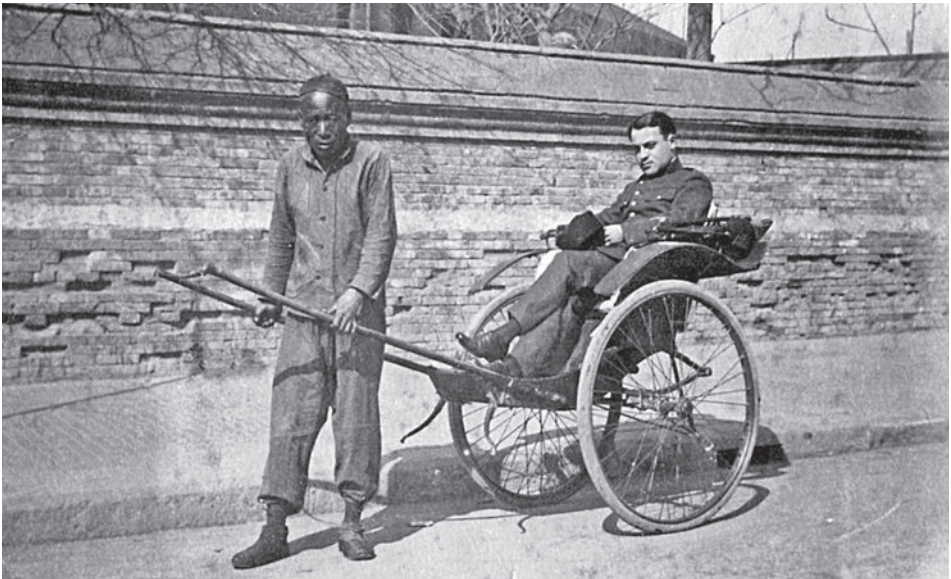
Кроме стихов и художественных произведений, Михаил Николаевич написал 8 книг по хатха-йоге в соавторстве с Нанси Фелон, в том числе «Йога за сорок», «Йога и секс», «Преодоление многих лет» и другие. Книга «Йога для женщин» была переиздана 11 раз.

Скончался Михаил (Майкл) Николаевич Волин (Володченко) 17 мая 1997 года в городе Аделаиде (Австралия).

В 1997 году в «Новом журнале» (№ 209) посмертно были опубликованы его воспоминания.

**НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННЫЕ ФОТО
ИЗ АРХИВА ОЛЬГИ СКОПИЧЕНКО
И БОРИСА КОНОВАЛОВА**

СБОРНИКИ СТИХОВ ОЛЬГИ СКОПИЧЕНКО, ИЗДАННЫЕ В МАНЬЧЖУРИИ И КИТАЕ

РОДНЫЕ ПОРЫВЫ

СТИХИ

ДА СВЯТИТСЯ ЖЕ, РОДИНА,
ИМЯ ТВОЕ!..

Харбин, 1926 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вам, русские, заброшенные в самые отдаленные уголки мира, оторванные от Великой России, посвящаю эту книжку стихов о Родине.

Ведь я знаю, с весной в души Ваши
Проникает тоска и печаль
По тем странам, где солнышко краше,
По тем рекам, где призрачна даль.

Ольга Скопиченко

МЕЧ

Мы отвыкли давно от преданий родных,
Я ж старинных обрядов не кину,
Не начать ли мне снова на прежний мотив
И не спеть ли старинки былину.

Оседлаю коня и помчусь я в ту даль,
Где в былые года жарко бились,
Где Алеша Попович с Микулою встарь,
Перед битвой восходу молились.

Я доеду до места, где тропы сошлись,
И направлюсь дорогою правой,

И внимать будет топоту яркая высь,
Да старик-лес с верхушкой кудрявой.

И миную я много широких степей,
Доберусь и до камня седого,
Что весь мохом оброс, на груди же своей
Затаил богатырское слово.

Я сорву мох седой, пыль столетий сотру,
Разберу те слова, прочитаю...
И тогда я ответы на думу найду,
Как помочь мне родимому краю.

Как спасти Русь Святую от рати лихой,
Не татарской, хотя не крещеной,
И поеду от камня забытой тропой,
По дороге, веками мощеной.

И тропа приведет меня в лес. В старину
В нем охотилась князя дружина.
И я дуб там подгнивший, столетний найду,
От корней его землю откину.

И найду под землей, глубоко меж корней
Меч — свидетель славянской победы.
И расскажет мне он, как от южных степей
Бились лихо с татарами деды.

И как старый Илья проезжал по полям,
Как он меч свой зарыл после битвы,
Чтобы в трудные дни древнерусским князьям
Помогал он своею молитвой.

Я прочту на мече богатырский завет:
«Люби родину, веру святую».
В тех словах отыщу я желанный ответ
На великую думу людскую.

А потом я с мечом тем поеду косить
По России измену с безверьем,
Беспощадно я буду предателей бить,
Так, как деды татар, по поверьям.

И удастся мне, верю я, дело мое,
Мне помогут в нем гимны родные.
Да святится же, родина, имя твоё —
Имя славной, великой России...

ДУМЫ ЗАВЕТНЫЕ

Я вернулась к тебе, моя родина-мать,
Так согрей же меня своей лаской.
Дай мне сладость отчизны впервые узнать,
Дай мне мирные песни твои услышать,

Зачаруй меня ласковой сказкой.
Пусть пред мной, как во сне,
Встанут вдруг в полумгле
Твоих прежних столетий преданья.

Я увижу русалок на тихом Днепре,
На зеленой поляне при нежной луне
Вспыхнут ярко былые сказанья.
Зашумит старый лес, как, бывало, шумел,

И споет мне про бой под Москвою,
И про то, как он песни победные пел,
И как русский платить за обиды умел,
Как мы бились с лихою бедою.

А потом я умчусь в мглу промчавшихся лет,
Когда правил Владимир над нами.
Когда лешими, ведьмами полон был свет,
И когда все могли дать желанный ответ:

«Мы за родину бились веками!»
И когда Русь была, словно птица, вольна
И сильна, как орел поднебесный —
О деяньях ее нам шептала волна,

А о подвигах сказки слагали леса;
Русским людям тогда не казалась она
Для идей своих клеткою тесной.
Здравствуй, родина! Здесь, на чужбине, вдали

От твоих одиноких селений
Я нашла тебя в сердце своем. Говори
О победах далеких мгновений!
Говори! Я слова твои всем передам,

Я из них свои песни сложила.
За тебя, моя родина, — душу отдам,
Я зову на борьбу и прошедшим годам
Вторит песнь моя с новою силой.

ДАР РОДИНЕ

Коли крылья бы мне! Пуще ветра летать
За Урал, по России далекой,
В город Сызрань. А там бы на Волгу смотреть,
На утесы по речке широкой.

Кабы силу мне. Как Бова богатырь,
Я б на грозных врагов налетела,
И от страха о битве шептался ковыль,
Да осока о подвигах пела.

Коль талант бы иметь, я бы стала писать,
И слова мои громом промчались.
Я пером бы Россию заставила встать.
С моим гимном за веру б сражались.

Но теперь... Время сказок прошло — силы нет,
Нету крыльев стремительной птицы,
Я не грозный боец, я не жрец, не поэт —
Нет стихов, что сильны, как зарницы.

Что ж могу я? Лишь плакать, да Бога молить
За отчизну свою дорогую,
А еще я могу ее крепко любить,
Как страдальицу чтить, как святую.

Я и плачу... а горькие слезы свои
В тайный ларчик давно собираю;
И из них нижу тихие песни любви
И России я их посвящаю.

В этих песнях я Господа Бога прошу
О спасеньи родимого края,
Я всю жизнь свою в жертву ему приношу,
А в молитвы — всю душу влагаю.

ЗАРЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Час наступил. Реакция настала.
Россия подошла к величью бытия.
Творцов и гениев нам в мире не хватало.
Они придут, их породит земля.

И дни борьбы охватят, как пожаром,
Всю родину. Погибнут от огня
Обломки старые. И вдохновенным даром
Поднимут из земли великого царя.

Но человек-то будет порожденье
Греховных чар. Не сын земных страстей.
Идея будет-то, идея возрожденья,
Идея нации воспрянувших людей.

Борцы, поборники идей своей отчизны
Пойдут с победным кличем дикаря.
И над пожарищем обломков коммунизма
Взойдет заря — прекрасная заря.

Не будет то восход идеи деспотизма,
Заря лишь отблеск царственных идей,
Величьем сказочным прошедшего царизма
Охватит полымем проснувшихся людей.

Заря идет... Вы видите потоки
Тонов и отблесков на небе голубом.
И палевым огнем охвачен на востоке
Свод выси, тонущей под огненным лучом.

РУССКОЕ ПОЛЕ

*Я не могу безумно не рыдать
На кладбище твоём, моя Россия.
(Булыгин)*

Горькие годы промчались —
Смерть утомилась косить;
Вороны ратью собрались,
Начали волки бродить.

Воют, идут вереницей
Мимо сгоревших полей,
Ночь, словно черная птица,
Давит грудь мглою своей.

Сумрак... Поляны родные
Злая метель замела,
Вороны хищные, злые,
Мертвые ищут тела.

Русь! Неужели умчалась
Слава деяний твоих?
Ты как невеста скончалась,
Стихла и гимн твой затих.

Смолкли железные звуки...
Боже, кругом тишина.
Сердце изныло от муки.
Сумрак... Тоска... Полумгла...

Волки толпою большою
Воют, по полю бредут,
Русскую славу хоронят,
Вечную память поют.

СНЕГОВЫЕ ТЕНИ СТОРОНЫ ДАЛЕКОЙ

Лес, осыпанный снегом хрустящим,
Звезды яркие в тьме небосвода...
Колокольчики песни звенящие,
Тройки топот... дороги уклоны.

Ночь... Ночь темная, зимняя снежная,
Тишина... Великаны могучие —
Сосны, ели; дороги таежные,
Да тоскливые песни певучие.

То былого картины далекие...
Русь-царевна — снегурка ковровая,
Стужа, ветер, да ели высокие —
Моей родины стража суровая.

Рождество. Дивы русских гаданий.
Звезды яркие — веры восходы.
Нити снежных, далеких преданий,
Годы светлые, прежние годы.

Пусть же встретим мы праздник рождения
Бога светлого там, в тех лесах
Моей родины. Год возрождения
Пусть разгонит изгнания страх.

Пусть, как прежде, лесною дорогою
Колокольчик вдали зазвенит.
И над родиной бедной, убогою
Гимн, торжественный гимн зазвучит.

РОССИИ

Бесшабашная удаль, красивый порыв
Смесь бесчинства с раскаяньем смелым...
И мучительный, сильный, тяжелый надрыв,
И стремленье к великому делу.

Это смелые взмахи славянской души,
Это облик России любимой,
Эти яркие отблески так хороши,
Как от прошлого отзвук хранимый...

И теперь ты в несчастье своем велика,
Ты, Россия, красива в позоре,
И во гневе неволью немеет рука,
Мстить нельзя за великое горе.

И упрёка, упрёка тяжелый надрыв,
Мне не бросить родимому краю,
Горечь сердца смягчит красный радостный звон,
Да российская песнь удаляя.

Мечь и злоба — тяжелые дети годин,
Дети рабства, изгнания, чужбины —
Умирают за взгляд твой, Россия, один,
За улыбку — любовью томимы.

РУСАЛКИ

*Там русский дух...
Там Русью пахнет!*
А. Пушкин

Мы русалки... Живем там, где плещет волна,
Шелестят водяные цветы...
И из них только лилия нежно бледна,
И грустна, как о прошлом мечты.

Мы русалки... Наш яркий, загадочный грот,
Наш дворец в камышах меж ветвей,
Там живем далеко от мира забот,
Далеко от шумливых людей.

Там сидим мы весь день на душистом ковре
И жемчужные нити плетем,
А под вечер к загадочной, полной луне
Выплываем и песни поем.

В этих песнях мы хвалим наш грот голубой,
Мир далекий, мир дивных чудес,
И внимает той песне, качая листвою,
Старый, темный, таинственный лес.

Мы русалки... Созданье фантазии сна;
Рождены из серебристых лучей.
Свои нежные ласки дарит нам луна
В тишь Ивановских темных ночей.

Каждый день, выплывая с подводного дна,
Мы ждем юношу — принца к себе;
Пусть одежда его и стара, и бедна,
И не принц он на жалкой земле,

Только б синим огнем были очи полны,
Только кудри бы были до плеч,
Да внимал бы он тихому пенью волны,
Не боялся неганных встреч.

Мы его завлечем... зацелуем любя,
Защекочем при блеске денниц,
Он забудет про путь свой, и лаской горя,
Весь отдастся мечте небылиц.

Мы его осторожно в лес темный внесем,
Там положим под дуб в стороне
И невинные лилии в кудри вплетем,
И оставим в живительном сне.

А наутро... Проснувшись, пусть встретит он вновь
Ужас тяжких и долгих дорог,
Но их скрасит ему к снам заветным любовь,
Он в мечте не заметит тревог.

Мы русалки... Русалки промчавшихся лет,
Тех времен древнерусской земли,
Когда лешими, ведьмами полон был свет,
Когда русские верить могли.

Жизнь русалок прошла. И теперь лишь поэт
В своих звучных, певучих стихах
Наши песни поет, посылая привет
Нам, наядам, живущим в лесах.

СТРАНИЧКА МОЛОДЕЖИ

Отчего я пишу об одном, об одном?
Моя песнь отчего льется вольным ручьем
И журчит, и трепещет, и льется в слезах,
Отзываясь в моих детски-слабых стихах?
Отчего в моих детски-слабых стихах?
Отчего не могу я писать про цветы,
Про ручьи, про любовь и мечты?
Отчего в моих строфах лишь горе звучит
И с тоской неотвязную думу твердит?

Отчего предо мной вечный образ застыл?
Он безумно мне, как-то загадочно, мил —
Это образ России... С поднятым мечом,
Вся залитая солнечным, ярким лучом —
Она гордая, сильная бодро стоит,
Ярким светочем знания горит ее щит.
Этот образ давно уж мне в душу вошел
И с тобой неотступную думу привел:
Разве Родина сильная... Разве она
«Славы, разума, веры и силы полна?»
Нет! Заснула она... Сон тяжелый глубок,
Щит упал у нее на зыбучий песок.
Я хочу ее песней своей разбудить
И угасшую веру в душе воскресить!

БЛИКИ РОССИИ

Ты двуликая родина-мать:
В каждом жесте своем ты иная.
Где же искать тебя нам, как узнать?
Как понять твою волю, родная?

То ты с бешеным гиком летишь
По полям, разгоняя прохожих;
То молитвенно в храме стоишь,
На угодников Божьих походишь;

То ты в пьяном хмелю вазы бьешь,
Рвешь картины, музеи сжигаешь,
То ты гениев нам создаешь,
Храм искусства, шутя, созидаеть.

То ты плясешь в дурмане вина,
Неподобную песнь напевая;
То танцуешь, вся негой полна,
Белой лебедью вдруг выплывая;

То ты, словно «Бова Великан»,
Не боишься со «Змеем» сразиться;
То, заметив в хозяйстве изъян,
К иноземцам пытаешься скрыться.

Где ж искать тебя? В пьяном хмелю,
Иль в поэзии? В шумной ли пляске,
В церкви ль старой, иль в слове «люблю»,
Или в ласковой няниной сказке?

Кто ты? Пьяный разгульный мужик.
Иль святая угодница Бога?
Русь! Ищу я тебя!.. Хоть на миг
Покажись! Не найти мне дорогу

К твоим селам, к родным позабытым церквам,
К Волге-Матушке, Волге широкой.
Не найти мне дорогу к усталым сердцам
Русских братьев в изгнании далеко.

Я ищу тебя, Матушка-Русь!
Но в безверьи найти не желаю,
Я к тебе всей душою стремлюсь.
Ты, ты Вера Христова — святая!

ЦВЕТЫ

Прелестные цветы... Бледнее незабудки,
И чуть темнее их свод неба голубой.
Где ты сорвала их, возле дорожной будки,
Иль там, где солнышко уходит на покой?
Где родина цветка. Здесь на полях Манчжурии.
Или их беженцы с собою привезли.
Быть может, предки их росли в горах Даурии,
Иль родились они в полях другой страны.
Но что-то нежное, с чуть слышным ароматом
Пахнуло мне в лицо с их бледных лепестков,
Пахнуло прелестью травы перед закатом,
Дремотной свежестью заветных полуснов.
И чем-то старым, трепетным и милым
Запахли нежные красивые цветы —
Воспоминания с таинственной силой
Меня перенесли в прекрасный миг мечты:
Я вспомнила наш сад — там в уголке, в канавке
Пучками расцвели небесные глаза,
Они невинные синели среди травки,

На них дрожала трепетно роса.
Я им шептала детские преданья,
Плененная их кротостью немой,
Им поверяла юные мечтанья,
Навеянные летней тишиной.
Прошли года... Бледнее незабудки,
Красивей утренней, поблекнувшей звезды —
Вы милые, изящные малютки,
Вы здесь со мной опять, мои цветы...
Вдали от родины, здесь в сумрачной Манчжурьи
Воскресли старые предания полей.
Не все ли равно, что вы здесь с холмов Даурьи —
Вы мне напомнили о родине моей.

РЫЦАРИ

В жизни нету сказок, нет. Миражи-грезы
Нас напрасно манят призраком любви.
Сорваны без счастья лепестки мимозы —
Тянутся, как горе, ожиданья дни.

В жизни нет забвенья. Ненависть и мщенье
За обман доверья, за весны обман.
В жизни нет прощенья, в жизни нет прощенья —
Местью опоенный век двадцатый пьян.

В жизни нет забвенья. Исступленья крики,
Боль души, надломы и большой надрыв...
В воздухе стоят бессмысленные лики —
Я смеюсь над счастьем... Я клянусь порыв.

Что ж, ищите счастье. Может, и найдете
Средь туманной грезы яркие тона.
И миражем этим жизнь вы проживете,
Наслажденья чару выпьете до дна.

Только перед смертью, словно покрывало,
Снимет жизнь, тоскуя, сказочный туман,
И откроет сразу, что века скрывала,
И вам будет ясно, что любовь — обман.

Мы не слепы, нет, мы видим все удары.
Мы стоим с забралом, поднятым для битв —
Нас сломают жизнь и нас сожгут пожары,
Не спасут напевы сумрачных молитв.

Но в мгновенья смерти мы не пожалеем
Жизнь с ее узором сказочных измен...
Мы умрем без стога за идею смело,
Мы не снимем вечно наш избитый шлем.

Мы борцы за веру, за свою Россию —
Пусть другие ищут счастья на земле,
Песни о нас сложат, и века иные
Вспомнят о погибших на чужой стране.

«Рыцари идеи жалости достойны», —
Так сейчас смеется глупая толпа.
Мы на все насмешки рыцарски спокойны —
Пусть вам неизвестны наши имена.

Создадим Россию. Выкуем девизы.
«Нация и вера» будет на щите.
Пусть пока мы грезим сказочным эскизом,
Прошлым, пережитым, как в забытом сне.

Мы борцы за веру. Счастье не для жизни —
Счастье в достиженьи, в радости борьбы.
Мы клянемся свято в верности отчизне...
Мы погибнем смело, родине верны!

БУДУЩЕМУ ВОЖДЮ

Тяньцзинь, 1928 г.

Тебе, Будущий Вождь Великого Русского Похода

Всю грусть о Родине, всю силу,
И пыл бойца, и месть, и зло,
Все, чем надеялся, любил я,
И что к изгнанию привело;

Всю ненависть к врагам проклятым,
Любовь к родимым городам,
Все яркие, как небо, клятвы,
Я положу к твоим ногам.

И молчаливыми глазами,
Уставшими от частой лжи,
И неподвижными губами
Просить я буду: «прикажи!»

И молчаливый, и покорный,
С улыбкой радостною глаз
Пойду навстречу злобе черной,
Чтобы исполнить твой приказ.

И смерть мне будет жизни краше,
И благодатной будет боль...
У двери рая злобу нашу
Я прошепчу там, как пароль.

И знаю я, откроют двери,
И Бог простит мне злобу глаз,
За то, что я безумно верил
И шел исполнить Твой приказ.

ВСЕ В ЖЕРТВУ РОДИНЕ...

*И я у знамени клянусь
Отдать и жизнь, и честь за Русь.*

Все в жертву Родине

Все в жертву Родине: и радости, и смех,
И юных дней возможные забавы,
И все слова, и все стихи для тех,
Кто умер за Нее, за честь Ее и славу.

Все в жертву Родине: любимого, друзей,
И жизнь свою — ненужную игрушку,
Пусть я одна среди пустых ночей
Кусаю всю от слез намокшую подушку...

Все в жертву Родине. Но все, что я отдам,
Все это будет мало и ничтожно.
К Ее подножию, в Ее великий храм
Я приношу, что на земле возможно.

К Ее подножию...

Не разбудит нас песня страстная,
И «люблю» не скажем в ответ:
Вся-то жизнь у нас опоясана
Черно-желтой лентой побед.

Не украсят волос маки алые:
Все терновники да кусты.
В жизни радости не искала я,
И не ищешь радости ты.

А в твои завитки белокурые
Так бы ярко вплелся василек.
Папиросами жизнь прокурена,
Вместо счастья — сизый дымок.

И тропинками в гору всходим мы,
И сжимаешь руку мне ты.

Мы к подножью любимой Родины
Положили свои цветы.

Но без счастья тропинки опасные,
Мы смеемся: «неправда, нет!»
Пусть уж лучше вся жизнь опоясана
Черно-желтою лентой побед.

Еще один

Ввожу тебя в высокий храм.
«Встань на колени, воин!»
Ты повинешься словам
И внешне ты спокоен.

«Зажги пред образом свечу
И повторяй молитву!»
Твой меч слезами освящу,
Твой меч в боях избитый.

И он клянется жизнь и честь
Отдать своей России.
Звенит и бьется слово «мечь»
Ударами стальными.

И я молчу, и я смотрю,
И в храме жутко тихо...
И клятву слушают твою
Лишь я, да Бог Великий.

И меч дрожит в твоей руке,
И свет свечи дрожащий
На рукоятке, на клинке
Блестит. И громче, чаще

Дробятся звучные слова,
О купол клятва бьется.
И храм молчит, и тишина,
Как шелк старинный, рвется.

Святослав

Уезжал он далеко в таежную даль,
Молчаливо свой ранец сложил,
И мне не было больно и не было жаль,
Удержать не хватило бы сил.

Знала я, только месть в его сердце была
И, как я, он живет для борьбы —
Ведь словами призыва я душу зажгла...
Знала я, обреченные мы.

Он — мужчина, сумел свою силу сберечь
И отдаст ее только в бою.
Святославу — коня, поле битвы и меч,
Ольге громкую песню мою.

Я сказала, прощаясь: «Возьми и меня,
Я измучилась ждать столько лет,
Не боюсь я ни смерти, и пуль, ни огня!..»
Он ответил решительно: «Нет».

Серый взгляд его резко сказал «не возьму!»
Он приказом сковал мне мечты.
Негодующе бросила я: «почему?»
И жестокое: — «женщина ты».

ЧУЖБИНА

*Я в детстве мечтала о солнечном мире,
О славе, о деле любимом...
И детские грезы, смеясь, подарили
Изгнанье... нужду... и чужбину...*

Мне ли подвиги...

Средь пустого сумрачного зала
В детстве я о рыцарях мечтала
И, бывало, грезилися мне
Поле битвы, города в огне...

Звон мечей мне чудился повсюду,
Думала, что я бесстрашной буду...
Убегала я в заглохший парк
И себе казалась Жанной д'Арк.

Годы шли... нет маленькой девчонки,
Что тогда смеялась звонко, звонко...
Выросла... и черной полосой
Жизнь моя ложится предо мной.

Годы юности от страха почернели...
Помню рыцарей в изорванных шинелях,
Их сердца огни войны спалили —
Гибли они... милые... родные...

Помню степи, городок военный...
Революция... предательство... измена...
На всю жизнь в сознание прогремел
Чей-то голос громкий: «на расстрел!»

Тучи черные далекого изгнания,
Но все так же сердце битвы манят.
Только далеко родимый парк,
Не мечтаю я стать Жанной д'Арк.

И себя не назову бесстрашной,
Подвиг детской грезой не прикрашен.
Подвиги я видела сама:
Подвиг — это голод и тюрьма.

В жизни много рыцарей встречала —
Это тот, кто может без забрала
Посмотреть пред смертью до конца
В тусклую усмешку подлца.

Годы юности от страха почернели,
Помню жуткие слова: «убит... расстрелян...»
Мне ли девочке, любившей старый парк,
Стать для Родины Великой Жанной д'Арк?

Будем

*Будем в клубе старых коммунистов
Вспоминать о пережитых днях...*

А. Жаров

Пройдут года, и мы с тобой, быть может,
Перед камином будем вспоминать
Об этих днях тоскливых и тревожных,
Когда умели плакать и мечтать.

Мы вспомним комнатку с поломанной кушеткой
И крышу, протекавшую в дожди,
Где смех звучал так громко и не редко,
Где проводили радостные дни.

И жидкий чай, и булки полубелой
Приятный хруст на молодых зубах...
В каморке беженской роились мысли смело,
Казался нам смешным и недостойным страх.

Мы вспомним друга — нашу собачонку,
Бежавшую ласкаться к нам на свист,
Ее мы заставляли лаять звонко,
Сказав с угрозой: «Турка, коммунист!»

Мы вспомним беготню за маленькой работой
И радости от каждого рубля,
И вспомним, может быть, еще кого-то,
Кого любили обе — ты и я.

Своих поэм порой наивных фразы,
И купленные томики стихов,
И наши хулиганские проказы,
И наших эпиграмм забавный слог.

И прокламации, и споры о восстанье,
И увлечение кем-нибудь на час,
И беготню на тайные свиданья
К поэтам, очень занимавшим нас.

Мы будем вспоминать на Родине, в России,
О юных днях в далеком Харбине,

И нам покажутся, наверно, дорогими
Поломанный наш стул и дырки на стене.

Мы будем вспоминать далекие скитанья,
И бедствия, и холод, и нужду,
Покажутся они в дыму воспоминаний,
Как чудный сон на чуждом берегу.

Из прошлого...

Тянулся вагон за вагоном,
И было мучительно жаль
Полей уползавших уклоны,
Леса, убежавшие вдаль.

И беженский поезд сурово,
Под стук равнодушных колес,
Для жизни неведомой, новой
Меня от Отчизны увез.

Была еще глупой девчонкой,
Не знала, зачем и куда,
Но жалость иголкой тонкой
Колола мне сердце тогда.

И годы прошли на чужбине,
Но крепла на сердце печаль
О русской бескрайной равнине,
О Волге, умчавшейся вдаль.

То, что нельзя забыть

Степь... Сожженная солнцем трава,
Чуть скрипят у повозок колеса,
Дум неясных полна голова
И недетские мучат вопросы.

Почему мы покинули дом?
От кого и куда мы бежали?
Отчего столько горя кругом?
Злые люди нас с Волги прогнали.

Почему на мой детский вопрос
Мама ласково шепчет «не знаю».
И глаза ее, полные слез,
Потемнели от скрытой печали.

Почему мой отец молодой
Белым стал и согнулся немного?
И когда мы вернемся домой?
И окончится ль эта дорога?

И не тянет меня поиграть,
В уголок я забилась пугливо.
И мне хочется громко кричать
С затаенной недетскою силой.

Степь молчит... только слышно едва,
Как привычно трещат пулеметы.
Дум неясных полна голова
И на личике тень от заботы.

Около часовни

В часовенке русской под ветхою крышей
Взвивается русский орел.
И голову низко в поклоне склонивши,
Я мимо часовни прошел.

Поруганный герб позабытой России,
Последний двуглавый орел.
Мне вспомнились реки, поля золотые,
Избенки разбросанных сел.

Мне вспомнились белые чудо-громады
Старинных, родных городов...
А здесь, вместо птиц, затянули цикады
Трескучую песню без слов.

Стою и молчу... а часовенке снится
Вся жизнь, убежавшая в даль...
И камушек каждый — родная страница,
Великой России печаль.

Двуглавый орел под «разбитой» короной,
И дерево, словно наш дуб...
И слово «Россия» срывается стоном
С закушенных до крови губ.

На панихиде

Панихида по братьям убитым...
Полон русскими старый собор;
Десять лет на чужбине изжитых
Тяготят, как столетний позор.

Хор звенит... Разбиваясь о купол,
Похоронное пенье звучит,
Подчиняясь решительным звукам,
Затаенная злоба томит.

И в душе вырастает и бьется
Месть к убийцам России родной,
И напевом возмездья несется
Песня грустная «Вечный Покой».

Помогите нам, рати святые,
Пусть последний тоскливый обряд
Мы свершаем для тех, кто в России
За великое дело распят!

Пусть наступит возмездие скоро
В справедливых Господних руках!
Пусть порвется страница террора
Наяву, а не в белых мечтах!

Русской

/ другу Марианне К /

Ты в этот день мне стала ближе,
И в этот день сознала я,
Как беспредельно ненавижу
Врагов, плюющих на тебя.

Я помню, было очень скверно
Тебе в проклятый этот день,
И на лице, вдруг ставшем серым,
Легла мучительная тень.

Ты плакала у церкви старой,
А я шла молча за тобой..
И в сердце жалость догорала,
Темнела ненависть грозой.

Вошли мы в церковь. Пред иконой
Ты опустилась и дрожал
Твой голос, прозвучавший стоном,
Мне душу навсегда сковал.

И клятва верности России
Стихала в куполе сквозном,
И наши головы «больные»
Священник осенил крестом.

И вечер тот, на сон похожий,
Благословляю я всегда,
Ты стала мне всего дороже,
Моя любимая звезда.

Погибшим

/ убитым воинам Русской Группы /

На далекой китайской равнине
Смерть свой замок построила.
На кресте не написано имя,
И писать имена их не стоило.

Просто «русские». Но разве мало
Говорить это имя сердцам?
Это имя война написала,
Проезжая по этим полям.

Сколько здесь их... высоких и низких,
Черноглазых и молодых.

Подвиг каждого кровью написан
На равнинах и сопках чужих.

И для каждого наша Россия
Чем-то ярким и светлым была,
И остались такие пустые
Об убитых в газете слова.

Мои слезы все тише и тише:
Ведь слезами тоску не сказать,
Ведь в стихах никогда не опишешь,
Как погибло их сто двадцать пять.

Мне погибнуть хотелось бы с ними
И свою жизнь отдать за них стоило...
Там в пустынной китайской равнине
Смерть свой замок построила.

Если пути обманут...

Белые лебеди мысли мои были,
Черными галками стали теперь...
Тогда я любила, меня любили,
А сейчас каждый человек — зверь.

Я никому не верю: ни другу, ни мужчине —
Друг может выдать, мужчина солжет.
Когда-то свод неба казался синим,
Теперь такой серый мутный налет.

Белые лебеди в детстве улетели,
Черные галки — мысли мои.
Я иду все к той же солнечной цели,
Но не верю дружбе, не ищу любви...

И, если пути меня также обманут,
Без солнца мне будет еще темней...
И мысли мои тогда змеями станут
В болоте души моей.

НАВСТРЕЧУ СМЕРТИ

Навстречу смерти

*Вам, молодежь, погибшая
в Белое Движение, Вам,
витязи Русской Правды...*

За Родину они пошли на бой,
Походкой медленной шла смерть навстречу.
И Революция спокойною рукой
Их посылала под огонь картечи.

Отважные кадеты, юнкера
Сомкнулись в партизанские отряды.
И стонами звучало их «ура»,
И молчаливо смерть шагала рядом.

Они погибли... Но на смену им
Пришли другие, с той же злобой в лицах.
Судьба спокойным почерком своим
Исписывает новую страницу.

Смерть стережет упорно каждый шаг
И молчаливая шагает рядом.
Решительный неуловимый враг
Следит за ними беспощадным взглядом.

Идут навстречу злобе и врагу
Еще решительней, отважней и смелее.
Я память о погибших сберегу,
Но никогда о них не пожалею.

На черном знамени победное «Вперед».
Им только Родина тоску залечит...
И смерть их притаившаяся ждет,
И молчаливо ей идут навстречу.

Где искать Тебя?

Где искать Тебя? В шуме снарядов,
Или в келии вечных молитв,
Иль в дремоте заглохшего сада
Образ Твой меж деревьями скрыть?

Где искать Тебя, Родина?

Погибших за Волю народа не жаль мне,
Звенят кандалы и пылится дорога.
Они ошибались, их было немного...
В их песнях звенящих, в их песнях печальных
Твой голос не слышен. Погибших не жаль мне.

Где искать Тебя, Родина?

Развевалась дымом «Народная Воля»,
Немного пошло их на зов Ровашоля.
Погибла за сказки Твоя молодежь,
Героев Твоих среди них не найдешь.

Где искать Тебя, Родина?

Смешался грубый смех со стоном,
Шумела матушка — Москва...
Гремели грозные слова:
«Вставай, проклятьем заклейменный!»

Вставай. И встала Ты, бушуя,
Как первый дождь, как ветра свист,
Но образ милый не найду я
Под новым словом — «коммунист».

Знамена яркие, как зори,
Твой искаженный лик не скроют.

Где искать Тебя, Родина?

В пыли трехцветные знамена,
Фронт поредел, Колчак убит...
Смятенье... бегство... слезы — стоном
От Волги до реки Оби.

Героям память вечная, святая..
Но Ты была ли с ними? Я не знаю.

Где искать Тебя, Родина?

Всюду встречаю русские лица:
Тот за прилавком, тот в кабаре.
Русский писатель, артист, певица..
Каждый мечтает о Новой Заре.

Степи жемчужные чуждой Канады,
Узкие улицы в Харбине.
Каждый с отчаяньем «значит, надо».
Каждый душою в родной стране.

Каждый тоску о России не скроет,
В каждом что-то такое родное.

Здесь ли на скучной холодной чужбине,
Здесь ли искать мне любимое Имя?

Где искать Тебя, Родина?

Черные рубашки... витязи страны..
Каждый бросает с вызовом: «Мы».

Каждый стремится в радостный бой..
Молит Тебя... плачет с Тобой...

Бог, Нация, Вера и Труд.
Там, у Тебя это поймут?

В этих словах Ты ли живешь,
Или за сказкой идет молодежь?

Верю и я. С верою жду.
В этом году... в этом году...

Ты ли это, Родина?

В далекой России скрываетесь вы,
Вы гибнете в пытках далекой тюрьмы.

Вы выстрелом грозным тревожите даль,
Вас больно и радостно жаль.

В тревожные, темные, злые года
На подвиг решился Борис Коверда.

Не образ ли Родины в сердце живет?
А Братство все крепнет, а Братство растет.

Где вы? Это знает лишь ветер степной,
Носящийся с гулом над русской землей.

И вам я и душу, и жизнь отдаю...
В вас верю. И сердцем, и волей люблю.

Это Ты, Родина!

На распутье...

Пытался тоску оттолкнуть я
И не мог.
Я стоял на распутье
Каких-то дорог.

Одна из них светлая прямая,
И солнце играет в песке.
И я знаю, наверное, знаю,
Что на этой конец тоске.

Надпись на камне дорожном:
«Счастье, любовь в пути»,
И каждому путнику можно
По этой тропе идти.

Другая тропинка неясная:
Рытвины, обрывы, мостки...
Знаю я, по этой напрасно
Искать исхода тоски.

И на камне веков рукою
Врезаны глубоко слова:
«Путь в Россию». Идти не стоит...
Шелестит засохшая трава.

Я молчу... там, на той дороге,
Столько ласки, света, тепла...
Но блестят уверенно строги
«Путь в Россию» — на камне слова.

«Путь в Россию» — звучит законом,
«Путь в Россию» — стучит в висках;
И в душе звенит перезвоном,
Недостойным кажется страх.

Пытался тоску оттолкнуть я
И не мог.
Я стоял на распутье
Каких-то дорог.

Ржавый штык

Братьям далеким...

Там, где ширь таежная,
Где эхом слышен крик,
В колее дорожной
Брошен старый штык.

Пятнами, как ржавчиной,
Темнеет острие...
По тропинке травчатой
Не найдешь жильё.

А под елью старую,
От штыка на шаг,
Спрятанные травами,
Ключья от бумаг.

Черными зигзагами
Мелкая печать:
Русский, дело правое,
«Не пора ль начать?»

«Братство Правды...» порваны...
Призывы угроз
Ветерок проворный
По тайге разнес.

И трава примятая
Средь немой тайги...
Не лесного брата ли
Увезли враги?

Только штык остался,
Как свидетель битв.
Ветер разыгрался,
По лесу гудит...

И поет, и плачет
Гулом по тайге,
И сулит удачу,
И зовет к борьбе.

Огненный дождь

Огненным дождем летели пули.
Смерть без счета, без конца разила...
Смелость несказанную вдохнули
Громы бурь в недремлющие силы.

И под громкий стрекот пулемета,
Как на праздник радостный и чистый,
Рота шла медлительно за ротой
И слабели в битве коммунисты...

Трепетало вражеское знамя,
Красный флаг безумия людского...
Кто-то крикнул громкое «за нами»,
«За Россию» огненное слово.

И по трупам, за врагами следом
Проходила строго величаво
Девушка прекрасная — Победа.
А за ней ее подруга — Слава.

Арест в храме

Пришли... застучали ногами
И шапок не сняли.
И было так тихо в храме...
Священника взяли.

Старухи прижались к иконам,
Мужик на коленях крестился,
И голосом тихим и ровным
Священник простился.

Он знал, что не будет пощады:
Чека не прощает...
Но в сердце звучало: «Так надо,
Бог знает».

Связали... вели по ступеням...
Солдаты глумились...
Они же с старухами теми
Когда-то молились...

Ушли... громыхали за дверью,
Прикладом стучали,
И свечи, как будто не веря,
Мигали....

И строго смотрели иконы
На храм опустелый.
Молитвы срывались со стоном.
Темнело...

Зачем?

Глазенки детские полны недоуменья,
Что это? Шум... стреляют. Для чего?
Головка русая, в порыве нетерпенья,
Просунулась на улицу в окно.

Бежит народ. Горит напротив зданье,
И дым, и чад сливаются в угар.
И слышен крик: «Товарищи, восстанье!»
Пожарных нет и ширится пожар.

Глазенки детские испуганно мигают,
И страх отчаянья слезинками блестит.
Стирает нянюшка за стареньким сараем,
На кухне мать, и дом на ключ закрыт.

Прижался личиком к окошку и встревожен.
Вдруг пуля «дзинь». Разбитое стекло.
Кто выстрелил? Нечаянно? Возможно.
Глазенкам детским это все равно.

Горят дома и с красными флажками
Волнуется безумная толпа.
Головка мертвая с открытыми глазами,
И мать в отчаянье застыла у окна.

Путь русского

Бывали дни, когда я сам не свой
Бродил по улицам и озирался дико,
И кличка «эмигрант», как тень моя за мной,
Напоминала мне о Родине Великой.

Бывали дни... и я в отчаянье немом
В каморке беженской пред образом склонялся,
И ветер чуждых гор, шумевший за окном,
Над горем русского свистел и издевался.

Те дни прошли. Окрепнул дух во мне,
И понял я, что слезы не помогут,
И я сознал, что в длительной борьбе
Мы сможем заглушить и злобу, и тревогу.

И я молчу... и нет мучительных минут,
И плакать о стране я более не смею,
И вместе с теми я, которые идут
На смерть... на казнь... на суд,
Идут... молчат... и верят.

СКОРО!

Скоро...

/ Юнкерам Русской Группы посвящая /

Реют черные тучи над нами.
Ждем грозу с напряженной верою.
Вы пошли на войну юнкерами,
Бурю встретите вы офицерами!

Чутким эхом подхвачен у моря,
Гром рассыпался. Близко? Далеко ли?
В небесах вихри с бурями спорят,
В небесах орлы вьются да соколы.

Так и вы поднялись темной тучею,
Словно бури глашатаи новые.
С песней русской, широкой, могучею
Рвете с клетком цепи суровые.

Рвитесь, соколы! Выше знамена!
Наступай, не страшись и не трусь!
Пусть под наши предсмертные стоны
Возродится Великая Русь.

И орлиные крики тревожные
Предвещают решительный бой.
Скоро дебри проснутся таежные,
Всколыхнется Амур голубой.

Ждите. Стойте и зорко смотрите
На небесный темнеющий свод,
Скоро первые вспыхнут зарницы,
Скоро Родина нас позовет!

Кличь Петра

Скорей! Бегите! Слышен ропот
На нашей Родине святой.
Я слышу гул... я слышу топот
По петроградской мостовой.

То медный Всадник бьет сурово,
Коня торопит в новый бой.
И двухсотлетние подковы
Звенят по старой мостовой.

И рвется конь... рукою мощной
Сжимает Великан узду,
И сонную обходит площадь,
И проезжает по мосту.

И Всадник Медный призывает
Непобедимые полки.
И голос громом пролетает,
И отдается у реки.

Слова запомнят бастионы
И воды сонные Невы,
И ветер донесет их стоном
До старой каменной Москвы.

И каждой ночью силой новой
Призыв несется до утра,
Звучат все громче снова, снова
Слова Великого Петра.

И вольный ветер — страж полночный
Вливает месть во все сердца:
И каждый рвется, каждый хочет
Мстить до победного конца.

И русским людям темным, грешным
Поет Нева своей волной
Про подвиги полков потешных
И про Полтавский страшный бой.

И подвиг в душах опустелых
Растет... и выстрелы врагу
Звучат пальбою резкой, смелой
На петроградском берегу.

Скорей, бегите! Слышен ропот.
Вот грянет русское «ура».
А по стране все громче топот
Великого царя Петра.

Россия

Россия! Россия! Звени перезвоном
Далеких степных бубенцов.
Промчись между рытвин, канав и уклонов,
Но только развеи силу снов.

Сломай, размечи вековые поверья.
Пусть слышен бессвязный твой бред,
Жар-птицей теряй золотистые перья,
Но только откликнись в ответ!

Не спи!.. Лучше пьянствуй, безумствуй, ругайся,
Топчи все святыни свои.
А после молись на коленях и кайся,
И плачь от зари до зари...

Не спи!.. Не молчи!.. Сон твой, камень тяжелый,
Всю душу мою раздавил.
Я сном твоим словно закован в оковы,
И сбросить его нету сил.

Россия!.. Россия!.. Промчись ураганом,
Мне молнией душу спали,
Кричи! Пред тобою безумной и пьяной
Склонюсь я смиренно в пыли.

Святой Серафим

Сосны старые грустно поникли,
Зашептались ветки осин...
Стон ли слышится, плач ли, крик ли?
Бродит святой Серафим.

Сосны плачут слезами смолистыми,
Дуб лохматой листвою поник...
Возле дуба благостно, истово
Молится светлый старик.

Все тропинки старым исхожены,
Даже там, где теперь не пройдешь...

Много песен народных сложено
Про спокойную эту пустошь.

«Защити мою Родину грешную,
Помоги ей в муках, Христос».
А вверху, словно ризы развешаны,
Опустились листья берез.

У Святителя очи строгие,
А в морщинках дрожит слеза;
Много былей про эти дороги
Он бы мог поселянам сказать.

И сермяжное платье изорвано
О терновники и кусты,
И слова доносятся скорбные:
«Русь любимая, плачешь Ты».

У своей развалившейся хижины,
Что деревья века стерегут,
Шепчет благостный: «Ненавижу их.
Ты прости им — а я не могу».

Зашептались деревья старые
И в их шепоте та же грусть.
И чуть слышны слова усталые:
«Пожалей мою Родину, Русь».

Иван-царевич на сером волке

/ Картина Васнецова. Третьяковская Галерея /

Так вот мне и чудится старый русский лес...
Сосны, ели стройные до седых небес.
По лесу трущобами в чашу проберусь...
Сказочная, старая, солнечная Русь...

Мхом пообросшие толстые стволы.
Хвоей покрытые темные углы...
За кусты цепляешься, чтобы не упасть;
Дупла, как чудовища, раскрывают пасть.

Ветками шиповника каждый ствол обвит...
По тропинке змейчатой серый волк бежит.
А за лесом молнии, громы и гроза...
Угли раскаленные — волчьи глаза.

Шерсть на сером ключьями, слышен волчий храп,
И кусты ломаются под ударом лап.
Листья отливаются блеском янтаря...
Серый мчит царевича в дальние края.

Обнимает девушку сказочный седок,
Пылью поднимается дымчатый песок,
А с деревьев песнями птичьего голоса...
Распустилась девичья русая коса.

Жемчугами вышитый яркий сарафан,
Алый, с позументами, бархатный кафтан...
Сказка? Быль народная? Стародавний сон?
Но на нашей Родине сбудется и он.

И царевич сказочный от кровавых лет
В лес умчится радостный, гордый от побед.
Увезет любимую, победивший грусть,
Молодую, новую, солнечную Русь.

Сергию Радонежскому

Сергий, Ты благословлял для битвы
Рати, уходившие на бой,
И твои великие молитвы
Были им опорой святой.

И из пламени враждебного набега
Русь прошла дорогою побед:
Побеждали злого печенега
И страшен был разбитый швед.

Сергий, в пепле долгого пожара
Задохнулись русские поля,
И рабой склонилась от удара
Славная великая земля.

Сергий, заржавели наши латы,
Переломлены разившие мечи,
И страшнее прежних супостатов
Наши вороги и наши палачи.

Сергий, встань! Приди в страну родную
И напхни громы прежних сеч,
Прошепчи молитву боевую,
Освяти наш заржавельй меч.

День настал... Мы ждем тебя пред боем,
Нас на смерть идти благослови.
Мы пройдем победно за тобою —
Воины послушные твои.

Сергий, подними наши знамена,
Слишком низко опустили стяг,
Нас сейчас готовых миллионы,
Но не дремлет беспощадный враг.

Заржавельй меч блеснет ударом,
Будет страшен русский водоем,
Мы пойдем тушить наши пожары
И потушим их или умрем.

ПУТЬ ИЗГНАННИКА

– СТИХИ –

Шанхай, 1932

ВЕРУЮ

НЕУМЕРШЕЕ ИМЯ ТВОЕ!

Путь изгнанника горем унизан,
Словно нитка твоих жемчугов,
И дрожит несравненным девизом
Полушепот несказанных слов.

Складки белого платья хитона,
Словно крылья заоблачных птиц...
Я слежу — навсегда заколдован —
За полетом крылатых ресниц.

Ты сходила к ладьям острогрудым
Победителей северных вод,
Осеньяла невиданным чудом
Легендарный Олегов поход.

Это ты в Куликовскую битву
Заклинала молитвою бой,
Это ты запыленные свитки
Освятила столетней мечтой.

Отречения горе изведав,
Ты ушла к невозвратной мечте,
И крылатое имя «победа»
Зачеркнула на нашем щите.

Ты оставила памяткой имя
Нам, мечту не сумевшим сберечь,
И теперь, улыбаясь с другими,
Освещаешь победою меч.

Мы напоены горькой отравой,
Распылились, как огненный дым,
Сохранили извечное право
Называть твое имя своим.

Слезным жемчугом подвиг нанизан
На пронзившее сердце копьё,
И горит величавым девизом
Неумершее имя Твое!

РОДИНЕ

Не за звоны твои колокольные,
Не за яркие сказки твои,
Не за лес, не за степи привольные,
Не за детские светлые дни...

Нет!

За гнойные раны смертельные.
За смятенье, за боль, за тоску
И за то, что тогда претерпели мы
На кровавом твоём берегу...

Я Тебя бесконечно люблю!

Не за славу прошедшей истории,
Не за старые песни побед,
Не за облик твой заново скроенный —
Твой кровавый целую я след...

Нет!

За то, что и в зори восстания
Ты не гнешься, Великая Русь!
С этой мыслью отрадней изгнание,
С этой мыслью и я не согнусь!..

Я Тобой бесконечно горжусь!

1932 г.

ВЕРУЮ!

Ту же молитву жаркую
Я повторяю строками:
Знамя должно быть яркое,
Гордое и высокое.

Пусть говорят насмешливо:
«Видно, с ума вы сходите!»
Лучше мне быть повешенным,
Чем позабыть о Родине.

Ту же мольбу любимую
Я повторяю с верою —
Пусть я сражен чужбиною,
Но и сраженный — верую!

Дни на чужбине комкаю,
Душу свою не продал я.
Слава должна быть громкая.
Знамя должно быть гордое.

Годы, тоской размерены.
Тоже с ума вы сходите?
Лучше мне быть расстрелянным,
Чем позабыть о Родине.

1930 г.

ВСТРЕЧА

Качалось солнце рыжее в тумане,
И было больно на небо смотреть.
В лесу моих запутанных мечтаний
Мне встретился разбуженный медведь.

Огромный и лохматый, темно-бурый,
От шерсти пахло сыростью берлог.
Он, по-медвежьки, неуклюже — хмуро
Меня на узенькой тропинке подстерг.

В лесу приветливо березы шелестели,
И пахло соснами и тающей смолой.

Уселись мы под одинокой елью:
Я, беженка, и спутник мой большой.

Конечно, я ему о том же рассказала,
О чем мечтают русские сейчас.
Блистало солнце блестками коралла
В зрачках звериных неподвижных глаз.

Его медвежий ум не выдумал обмана,
Он был простой всклокоченный медведь.
Мы встретились, когда в снегу тумана
Качалось солнце рыжее, как медь.

Тянулся дым далекой полосой,
Дымок меня не приютивших сел.
Медведь взглянул звериною тоскою,
И от меня тихонечко побрел.

Он ковылял по взрыхленной дороге,
И скрылся в зеленеющих кустах.
Его ждала медведица в берлоге...
Меня встречал... мой одинокий страх.

А в небе синем, в раскаленном зное
Парил кругами смелыми орел.
И дым тянулся узкой полосой,
Дымок меня не приютивших сел.

ЦАРСКАЯ ГОЛГОФА

Сырой подвал... сквозь узкое окошко
Фонарный свет зигзагами лучей.
Голодная, взъерошенная кошка
Мяучит жалобно и жметя у дверей.
На стенах плесень серыми тонами
И паутина пыльная в углах.
И кошка смотрит желтыми глазами,
И в душу зверя заползает страх.
Вот в полумраке копошатся тени:
Шуршанье платья... шепот голосов...
Встают в величьи царственном виденья
Прошедшей яви, а не жутких снов.

На петлях дверь скрипит. Врывается проклятье
И ругань разрезает тишину...
И кто-то стройный в забелевшем платье
Прижался с криком к узкому окну.
И выстрелы... и громкий стук приклада...
Девичий шепот: «Папочка, прощай!»
И голос кроткий: «Господи, так надо!»
И грубый смех, глумление и брань.
И тишина... ни возгласа, ни вздоха...
И смотрит луч дрожащий фонаря
Через окно на жуткую Голгофу
Последнего Российского Царя.
Вот кошка жалобно в клубок у двери сжалась.
Фонарь в предчувствии рассвета замигал.
И утро тусклое и мутное пробралось,
Сгоняя сумерки, в Ипатьевский подвал.

БУДУЩЕМУ РУССКОМУ ФЛОТУ

Крейсера — надменные виконты,
Им в охрану бухта вручена.
Где-то там за ниткой горизонта,
Ты — моя любимая страна!

Грустно видеть крейсер иностранный.
Может быть, вот этот пароход
Видел, как направился державный
И стремительный Российский флот.

Как в бою, не опустивши стяга,
Не умея в битвах отступить,
Силуэт прекрасного «Варяга»
Опустился в огненную гладь.

Водного могущества отравы...
Даже хитрый, узкоглазый враг
Понял, что немеркнущую славу
Создал погибающий «Варяг».

И горит лампадой негасимой,
Память о затопленных в бою...
И виденья жуткие Цусимы
Горечью забытою встают.

Победителей венчают славой,
Мы их будем песнями венчать.
В желтом море стаей величавой
Русский флот появится опять.

Мы ль потомки славного «Варяга»,
Мы ль Суворова, Пожарского сыны,
Не поднимем огненного стяга
Для своей измученной страны?!

День придет. Над беспокойным морем
Птицей гордою взовьется русский флаг.
И благословит святой Георгий
К новой радости державный шаг.

СВ. КНЯГИНЯ ОЛЬГА

В храме темно. Догоревшие свечи
Тусклым маячат огнем.
В окна высокие дымчатый вечер
Смотрит померкнувшим днем.

Тени собрались на темном распятье,
Лик у Христа невидим.
Складки старинного светлого платья
Смялись поклоном земным.

Только черты у лица вдохновенны,
Полны горячей мольбой.
Пламя лампадки в узорчатых стенах
Точно светляк голубой.

Что-то знакомое в огненном взоре
Синих задумчивых глаз.
Ласково смотрит на женское горе
С крестного дерева Спас.

Строго задумались в храме иконы —
Свет незажженных огней,
И наклонились печально знамена
Прошлых и радостных дней.

И до утра, до лучей розоватых,
Брошенных в солнечный нимб,
Ласково слушает Господь Распятый
Шепот горячей мольбы.

Только, когда перед утренней службой
Сторож ключом зазвенит,
Плавной походкой, в уборе жемчужном
Женщина в угол скользит.

Светлым виденьем в раму пустую
Входит, свечу загасив,
День озаряет Княгиню Святую —
Ольгу — Великой Руси.

Люди затеплят яркие свечи
К лику старинных икон.
И посветлеет, никем не замечен,
Шелк побежденных знамен.

Только еще вдохновенней и строже
Синие очи горят...
И у Святого Владимира тоже
Слезы на золоте лат.

Господи! Думой людскою Распятый,
Милостив, благостен Спас!
Молятся в ночи туманные свято
Наши святые за нас.

Родина наша в падении грешном.
В горе великом — проста.
Милость Свою прояви безутешным,
Нам, не донесшим креста!

Гнев справедливый. Твой к нам — миллионам,
Гнев Твой — свечой загаси!
И освятит для победы знамена
Ольга — Княгиня Руси!

**НА СМЕРТЬ ГОСУДАРЯ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II
1 МАРТА 1881 г.**

Гранитный город не встревожен,
Спокоен, как всегда, гранит.
Но шепот, вестью осторожной
По шумным улицам скользит.
И нарастает, и грозою
Гремит, как гулкая пальба...
Своей гримасой вековую
Смеется русская судьба.
На площади... убит... врагами...
Кто? Боже, Родину спаси!
Доколе будет гнев над нами?
Доколь нам горе выносить!
И напряженность в скорбных лицах,
И горе едкое, как гарь...
В туманной северной столице
Убит подвижник — Государь!
Сжигает душу блеск невзгоды,
Но для потомков сохраняя,
Россия пронесет сквозь годы
Печаль Великого Царя.

ГОРДОСТЬ САМУРАЯ

Я ненавижу призрак страха...
Люблю, как любит самурай,
Мой снежный, как моя папаха,
Далекий и любимый край.

Моя Россия ярче солнца,
Я боль изгнанья не кляню.
Люблю любовь японца
Мою далекую страну.

В тоске по Волге, по Сибири,
Когда пойму, что не вернуть...
Тогда в душевном «харакири»
Я оборву мой горький путь.

И в жертву радостному краю,
Где ночи лунные тихи,
Отдам я гордость самурая —
Мои ненужные стихи.

НА НОВЫЙ ГОД

На перекрестке новогодней встречи,
Когда минувший год встречается с другим,
Когда все горести, ушедшие далече,
В веселый новогодний этот вечер,
Заботы повседневности, как дым.

И первый тост янтарного напитка
За Родину великую мою!
За упокой ее бойцов убитых!
За здравие идущих к новым битвам!
Бокал до дна за русское я пью!

Второй бокал за близких поднимаю,
Кто душу детскую сумел понять,
Кто мне вложил любовь к родному краю,
Кому умом и сердцем доверяю...
Второй бокал пью за отца и мать!

И третий свой бокал я пью за друга!
За двух друзей, вошедших в жизнь мою,
Делящих боль чужбины и недуга,
Идущих вместе в битвенную выюгу...
За двух друзей неразделимых пью!

Три тоста в этот вечер новогодний,
А мысль одна сурова и проста:
Пусть в этот год, родившийся сегодня,
На нашей Родине вздохнут свободней
Страдающие мукою креста.

И в этот, может быть, неповторимый вечер
Я Бога Всемогущего молю —
Пусть буду я измят и искалечен,
Но да пошлет Он мне единственную встречу:
Увидеть Родину далекую мою!

ВСАДНИК

По стране, ураганом примятой,
Распластались деревни вдали,
Обливаются кровью заката
Пожелтелых полей конопли.

Всадник низко склонился на гриву,
Опустил из руки повода.
Среди этих тропинок пугливых
Трудно правильный путь угадать.

Шепчет в чуткое конское ухо:
«Посмотри, опустели поля,
Много лет от резни и засухи
Почернела родная земля.

Верный спутник, до Волги далекой
Доберемся голодной тропой.
Слышишь, в небе разносится клекот —
Хищный коршун кружит надо мной.

Ждет, когда обессилев в скитанье,
Упаду мертвым телом в песок.
Только сила и смелость за нами,
Но я верю — поможет нам Бог».

Там за синим прекрасным Уралом
Притаилось родное село...
Небо темно-багровое стало,
Словно судорогой тучи свело.

Скачет конь, и червонным закатом
Вся страна утонула в крови...
Неотступною смертью крылатой
Хищный коршун над ними парит.

* * *

Лучше пути победного,
Краше мечты о Рае,
Только одно я ведаю,
Только одно я знаю.

Это сказать за сильными:
«Вместе на крест восходим мы»,
Это гореть светильником
Перед иконой Родины.

РЫЦАРЬ БУДУЩЕГО

Тот будет рыцарем без страха и упрека,
Кто подойдет знакомою тропой,
К костру, зажженному в горах высоко,
И на вопрос «Кто ты?» ответит «Свой».

Тот будет рыцарем, кто рассуждать не станет,
Зажжет в пути сигнальные огни,
В глухую ночь в непобедимом стане
Свой меч о вражеский ударом заострит.

Когда влюбленная, чарующая дама
Протянет шарф свой — эмблемою побед,
Ответит он спокойно, но упрямо:
«Трехцветный стяг — единственный мой цвет».

Тот будет рыцарем, кто боль изведав,
Поймет, что в горести родимая земля,
И слово лучезарное «Победа»
Напишет кровью на стенах Кремля.

* * *

Осенью поскрипывают ели,
Сводит их игольчатая дрожь.
Листья на березах пожелтели...
Ни один зеленый не найдешь.

Гукает задумчивей и чаще
Вечная бессонная сова.
Ночью заколдованная чаша
Говорит печальные слова.

Волки уж не бродят одиноко,
В стаю пробираются к зиме.
И следит засохшая осока
За огнем промчавшихся комет.

Осенью печальные картины
Пробегают в памяти моей —
Месяц ураганом опрокинут,
Щурится спокойней и хитрей.

Только все же верится, что будем
Жизнь свою в России доживать.
Словно гром невидимых орудий,
Мой напев о Родине опять.

Буду думать, думать втихомолку,
Если нам Россия дорога.
Скоро, как озлобленные волки,
В стаю соберемся на врага.

И тайга заботливо нас спрячет,
Хвоей темною следы прикрыв,
А к весне невиданной удачей
Грянет наш решительный призыв.

* * *

Дни мои в изгнании сделались привычкой,
Гордое терпение ставлю, как пароль.
Маленькая девочка с русою косичкою
Принесла мне, крохотка, сдавленную боль.

Рассказала девочке сказку позабытую,
Сказку нашу русскую, где снега, да лес...
Было удивление в ротике открытом,
Словно рассказала я чудо из чудес.

И спросила девочка: «Это что, Россия?
Город вроде нашего, или так, село»?
Не могла я выслушать те слова простые.
Горькое отчаянье душу замело.

Вырастешь ты, девочка, не увидев Родины,
И не зная, крохотка, где страна твоя.
Часто мимо маленьких взрослые проходим мы,
Забывая души их средь заботы дня.

Буря революции, наши будни узкие...
Многое потеряно... многое ушло...
Вырастут в изгнании, вырастут не русскими,
Думая, что Родина город иль село.

Дума неотвязная на душе израненной:
Как бы в сердце детское Родину вложить.
С детской молитвою русского изгнания
Будет нам отраднее на чужбине жить.

ТРЕХРЕЧЬЕ

Доколе, о Господи!..

Затаила Крестовая Падь
Крик предсмертный и стрекот пальбы...

Разве можно в стихах передать
Жуткий ужас неравной борьбы?

Бредовой и невиданный сон...
Их вели на расстрел на заре.

Избы... выбиты стекла окон...
Кровь алеет на темном бугре.

Искаженная ненависть лиц
И боязнь в расширенных зрачках, —

Беззаботную вольность станиц
Растоптал побеждающий страх.

От спокойной недвижимой реки
Тихо веяла свежесть утра...

Глухо щелкнули смертью курки,
И ответила стоном гора.

Детский плач и мольба матерей,
И молчанье седых стариков.

И угрюмая складка бровей —
Молчаливая злоба без слов.

Только эхо ворчало вдали...
Глухо звякали стекла окон...

И короткое резкое «пли»,
И надтреснутый жалобный стон.

* * *

Стихнул топот жестоких копыт...
Падь молчанием мертвым молчит...

Ветер плачет за трубами крыш,
И от ужаса день посерел...

Среди трупов трехлетний малыш:
В мертвых ручках зажат самострел.

Ураганом зловещей стрельбы
Охнул ранний предутренний час...

Из-за выступа ветхой избы —
Пара детских испуганных глаз...

Пробралась в замолчавшую падь —
Ужас смотрит из темных ресниц —

Ищет девочка мертвую мать
Средь уже застывающих лиц.

Окровавленный страшный старик
Поднимается... смотрит в упор,

И... недетский надломленный крик,
И... недетский невидящий взор.

* * *

Ночь... Чужбина сдавила в тиски,
От нее никуда не бежать.

Я взведенные вижу курки,
Вижу мертвую жуткую падь.

Я кричу в безответную тишь...
Неужели мой крик одинок?

Неужели опять промолчишь,
Мир бездушный — ведь есть еще Бог!

БУДЕТ

«Не сложившим меча»

Мы копим давние обиды,
Считаем сумрачные сны
Не затонувшей Атлантиды
Невозвращенные сыны.

Быть может, будущая Слава
Восстаний, подвига, побед
Уронит свет свой величавый
На наш окровавленный след.

Быть может, в небывалой сече
Веленьем Рока спасена,
Поднимется Заре навстречу
Не затонувшая страна.

Из обыденности восстанут
Герои необычных лет,
И сложат новые Баяны
Баллады будущих побед.

И мы, и те, кто будет с нами,
В сраженьях тягостных годин,
Огню грядущего восстанья
Слепые жизни отдадим.

Из пламенных костров стихии,
От горя, мести и огня
Восстанет Новая Россия
К восходу будущего дня.

ВЕРНУСЬ... НО НЕ ИЗГОЕМ!

Я не растрочу сил в своем изгнании.
Упорный труд — скитальческий обет.
Недаром в детстве пронесли над нами
Кошмары жутких и кровавых лет.

И в дни изгнания, когда туманом серым
Суровый Рок нам Родину закрыл,
Я шаг за шагом, укрепляя веру,
Скоплю богатство знания и сил.

Тоску изгнания поглубже скрою.
Да будет воля, Родина, твоя!
Вернусь к тебе не изгнанным изгоем —
Строителем вернусь в твои поля.

Гордиться будем тем, что свято сохранили
Твой русский быт, великая страна,
И выковали в огненном горниле
Терпение и силы имена.

Пред образом Москвы золотоголовой
Я в пламенном молении склонюсь —
На знамени трехцветном выткет слава
Неповторимые созвучья — Русь.

ЛАЗОРЕВЫ ЛУГА

ЗИМОЙ

До румяных губ не касайся!
Мои глаза мои не гляди!
Пусть слова твои слаще райских —
Только душу взгляд холодит.

Целоваться на Пасху — обычай,
А зимою... в сочельник... сейчас?
Что мне в том, что ты непривычен
Получать любовный отказ.

Лучше с гор на санях пойдем!
Дух захватит от быстроты.
Не гляди же таким медведем,
Если хочешь, зови на «ты»!

Покатили. Теперь не ахай!
А гора к ледяной реке —
Ты не думай, я так, от страха,
Прижимаюсь к твоей руке.

Мимо сада, дворов, сугроба,
У саней молниеносен бег.
Трах! К откосу валятся оба
В серебристый пушистый снег.

Залепило глаза и уши,
Снег забрался за воротник.
«Поднимайся скорей! Послушай!
Отпусти же! Вот, озорник!»

Не подняться: мешает шуба.
Расстегнулся ботик — на грех!
А мужские жадные губы
Поцелуями душат смех.

Ну, довольно, милый, пусти же?
Или нет! Целуй горячей!
Солнце в нити золото нижеет
Кружевным плетеньем лучей.

ТА ЖЕ

Серой куропаткою к сердцу не подладиться,
Соколенку смелому крылья не связать.
В ночи одинокие бездомовной странницей
С жизнью взбодраженной в прятушки играть.

Пусть века промчались над страной дикою,
Сердце твое женское то же, что и встарь,
С той же грустью девичьей, с радостью великою,
Что один единственный над душою царь.

В очи его — карие аль синие
Смотрят с тихой нежностью женские глаза.
Ночи Рима, Лондона, жаркой Абиссинии
Ту же речь любовную могут рассказать.

В термах затворницей, серой куропаткою
Ты с надеждой солнечной сокола ждала...
И теперь в изгнании смотришь ты украдкою
На дорогу дальнюю в переплет стекла.

Все тропинки женские сердцем поразмеряны,
Тоскованьем стелется жизненная гладь.
Не бывать орлицею куропатке серенькой,
Сокола залетного в клетке не сдержать.

МОЛОДКА

Шаль накинула я с палевой каймой,
Любоваться вышла полною луной.
Осень ранняя пахнула мне в лицо,
И присела я на низкое крыльцо.

Почему мне нынче не до сна?
Растревожила проказница луна.
Из-за облачка смеется то и знай,
Ты, луна, меня молодку, не замай.

Что ж, что муж уехал на войну,
И оставил на селе меня одну,
Хотя давеча я вышла в хоровод,
Только песня мне на ум-то не идет.

Что ж, что молодой сосед Сергей
На селе красивей всех парней.
На него я вовсе не гляжу,
Вышел он случайно на межу.

Я несла для свекора обед,
И беды особой в этом нет,
Коли он словечко мне сказал,
До села обратно провожал.

Он мне даже вовсе незнаком,
А зашел, намеднись, вечером
Про покос осенний расспросить,
Да воды из ковшика испить.

А что стала я повеселей,
Это так болтают на селе,
А что он поцеловал меня,
Это просто бабья трескотня.

Целовал. Да, может, только раз,
Но ведь я не поднимала глаз,
А потупившись стояла у крыльца,
Не глядела на него, на подлеца.

Вон опять по улице идет.
Уж наверно к девкам в хоровод.
Уж какой там с ним мне разговор.
Ах, на шали палевый узор.

Муж-то мой уехал на войну,
На чужого парня не взгляну.
Бабу всякий может обижать —
Вдруг опять полезет обнимать.

Мимо вдоль по улице прошел.
Видно, парень, ты с ума сошел.
Я ль с тобой не целовалася вчера,
От заката и до раннего утра.

Ты ли не шепнул мне у межи,
Что меня ты любишь от души.
Обернулся. И идет к крыльцу...
Ишь, доволен — вижу по лицу.

Только я-то мужняя жена,
Говорить со всяким не должна.
А что он поцеловал меня —
Это просто бабья брехня.

НОЧЬ КУПАЛА

Дышат свежестью лазоревы луга,
А на небе загорались жемчуга.

Я надену платье алое с каймой
И платочек свой заветный голубой.

Светит папоротник ярким огоньком,
На Ивана, на Купала вечерком.

Заговором от нечистых огрожусь,
Ровно в полночь лесом проберусь.

Да как выхвачу желанный этот цвет,
Эхо гулкое откликнется в ответ.

Не оглядываясь, тропкой пробегу,
Не отвечу я на окрики врагу.

Много нечисти скрывается в лесу,
Цвет заветный от погони унесу.

А когда на небе звезды догорят,
Мне цветок укажет тайный клад.

За оврагами, где поседели мхи,
Где повесили за страшные грехи

Человека много лет тому назад —
Старики про то в деревне говорят.

В этом месте страшном и глухом,
Под желтеющим ракитовым кустом,

Сундучок отрою до утра...
А в нем золота... камней... серебра.

Ах, богачкой стану на селе,
Буду жить, наверно, веселей.

Обряжусь в атласы, да в парчу,
Будет платьев — сколько захочу.

И тогда с подруженькой другой,
В хоровод не встанет милый мой.

А со мною выйдет в хоровод,
Мигом сватов к матери зашлет.

Ночь Купалы быстро подошла,
Крадучись, я вышла из села.

Золотой огонь блеснул в кустах,
В душу девичью змеей пробрался страх.

Прикоснулась робкою рукой...
Вот он, цветик ненаглядный мой.

Кто-то темный хрустнул о песок,
Видно, леший папоротник стерег.

Я бежать. В ушах свистит, шумит,
Хлещут ветви сломанных раки.

Страшно где-то ухает сова.
Вслед нечеловечьи слова.

Кто-то черный, жуткий, неживой
За косу схватил меня рукой.

Помутилось, свет погас в очах,
Полонил меня невольный страх.

Утром солнышко, что легкий мотылек,
Поцелуями дотронулось до щек.

А в руке не тайные цветы —
Просто веточка Куриной Слепоты.

Я умылась брызгами росы,
Расчесала пряди у косы.

И пошла тихохонько домой.
То-то жребий бесталанный мой —

Упустила, не смогла поймать,
Не судьба богачкой, видно, стать.

Видно, милый, синеглазый мой,
Под венец отправится с другой.

По дороге разрыхленной межи,
Слышу, кто-то по полю бежит.

Кто-то обнял, подхватил меня —
Только тут не испугалась я.

И целуя губы и глаза,
Ничего не смела рассказать.

Он меня всю ночь проискал,
На меже бегляночку поймал.

Для меня милее нет —
И на что мне папоротника цвет;

И на что мне шелковый наряд,
Коль глаза, как жемчуга горят.

Поцелуй, словно жемчуга...
Распустились лазоревы луга.

СКАЗОЧНЫЕ ПУТИ

ШОФЕР

Шофер мой, правь осторожней,
Не надо ль вправо свернуть?
Дорогой темной, таежной
Опасен неверный путь.

Лесные травы колючи,
Овраги по сторонам.
Едва ли поможет случай
Удачно пробраться нам.

Смотри! В зеленом овраге
Болотный огонь дрожит.
Я слышала в древней саге,
Что гибелью он грозит.

Те сосны скрывают страны
Болотного короля,
Я гостем буду незванным...
Правее наклон руля!

Шофер, осторожней! Ветки
Иголками хлещут в глаза.
Удары больны и метки.
Я знаю... дальше нельзя!

Путь дальше темен и узок,
Нет! Нам не достичь конца.
Шофер обернулся в кузов...
Шофер мой! Ты... без лица!

Безглазою страшною маской
Он смотрит в душу ко мне.
Закатной огненной краской
Над нами небо в огне.

Смертельно... жутко... тревожно...
И свищет ветер в ушах.
Несемся далью таежной,
Кусты и травы кроша.

Все уже, уже дорога,
Деревья смотрят в упор.
И что-то властно и строго
Безглазый шепчет шофер.

КИСТЬ И ПЕРО

И я заблудился среди бездорожья
В смятении неясных угроз.
Зачем не родился беспечным художником —
Творцом неожиданных грез.

Пусть краски палитры разбросаны пятнами,
Пусть кисти сваялись в комок...
Но странник лазури казался понятнее,
Чем рыцарь разрозненных строк.

Я мог бы бродить замолчавшею улицей,
И в радостном вздохе весны
Заметить, как ласково смотрят и хмурятся
Мои разноцветные сны...

Пить пьяную влагу стакан за стаканами,
И в профиле крашенных лиц
Найти ненайденную проблеском пьяного
Одну из своих небылиц...

Не строгая дума с печалью неясною
Бросала б штрихами пастель...
В натурщицы взял бы я вечно-прекрасную
Раскрашенных дней карусель.

И в женщине каждой шаблонно-подкрашенной
Искал бы следы красоты,
И с серыми буднями, скучными нашими
Я не был бы больше на «ты».

Но кисть — это яркий мазок в повседневности
Из мира нездешних тонов.
Перо — это горечь тоскливой безгневности
От склепа схороненных слов.

КАМЕННОЕ СЛОВО

(Молодым поэтам и писателям)

Нет, мы сыщики в безумье новом
Открытое стремимся охватить,
Но разве можно каменное слово
Ударом мысли вдребезги разбить.

Мы верим. Мы надеемся. Мы смеем
Проникнуть в неоткрытые пути.
Мы аргонавты. Но без Одиссея —
Руно нам золотое не найти.

Увидеть только призраки зари бы
В последний из последних наших дней.
Гримасы новых Сциллы и Харибды
Нам закрывают тысячи огней.

Обречены мы жуткому мгновенью
Погибнуть, новые пути открыв,
Мы — сыщики глухого современья,
Нам будни жизни — небывалый миф.

И все-таки мы боремся и смеем
Идти за несгораемым огнем.
И к светлому приходу Одиссея
Мы каменное слово... разобьем!

ВОДОЛАЗ

Водолаз опускается в море,
Средь песков не скользит нога...
И пески от него не скроют
Голубые его жемчуга.

Он бросает в мешок ракушки,
В каучуковом шлеме смешон...
Его голос водою придушен,
А слова колокольный звон.

За веревку — свой мостик к свету
Дернет раз — зазвенят слова.
Из воды в каучук одета,
Закачается голова.

Водолаз на земле не страшен...
Не похож на речной гранит.
Ожерелье, красавицы, ваше
В его мокром мешке звенит.

Но на дне, где леса — кораллы,
Где ползет молниеносный скат,
Для чудовищ отваги не мало
Бережет его зоркий взгляд.

И удары в сраженьи метки,
Не осилит их осьминог.
Золотой и узорной сеткой
Отмечает он след дорог.

На земле он такой обычный.
Угорелый, грубый моряк:
О сапог зажигает спичку,
И дымится в трубке табак.

Также любит, также целует,
Вечерами пьет в кабаке...
Про отвагу его неземную
Не расскажет след па песке.

В мире часто встречаются маги,
Жизнь их с виду проста и легка...
Не расскажут о скрытой отваге
Голубые их жемчуга.

И когда умирает обычный,
И помнит с грустью мать иль жена,
Как он чиркал простую спичку,
Наливал себе в кружку вина.

Но никто не скажет ни слова,
И никто не вспомнит в стране,
Как искал он пути золотого
На морском неприступном дне.

ЛЮБОВЬ КОРОЛЯ

«А за окном шелестят тополя»

Анна Ахматова

Беспокойно деревья склоняют
Ко мне пальцы безлистных рук.
Я тебя, мой Король, понимаю —
Я тебя понимаю, мой друг.

Душу манит глубокий, глубокий,
Словно омут, таинственный взор.

Омут краше, чем светлые стекла
Безмятежных зеленых озер.

Короли любят шум охоты,
Турий рог и олени следы.
В твою душу неведомый кто-то
Бросил блеск королевской звезды.

И поверь, что лесной пейзажке
Не затмить простотой любви
Твою вечную грусть о странном
И кочевья души твои.

Пусть у хижины, за горою
Ты отбросил повод коня.
Ночь промчится твоей стрелой
И погаснет в отблеске дня.

Конь соскучится по золотому,
Вкусно пахнущему зерну.
И тебя, навсегда родного,
Я у хижины обниму.

Цок подков будет глуше, глуше,
Гм уедешь к другой, король.
Турий рог на лесной опушке
Протрубит неземную боль.

Не забьется сердце в испуге,
Перескажет память, звеня,
Как у бедной моей лачуги
Ты отбросил повод коня.

СЛОМАННАЯ МАЧТА

Среди дальних морей, среди узорчатых бухт
Бег направил корвет одинокий.
В напряженности линий был холодно-сух
Очерк вымпел и мачты высокой.

Среди южных морей, среди песков золотых
Одинокого видела рыбка,

Там, где в ночи безглазые страшен прилив,
Там, где молния дарит улыбки.

И, ныряя в отливах зеленой волны,
Она слышала шепоты мачты.
Были странной печалью слова сложены.
Словно кто-то тоскует и плачет.

Поняла, золотая, что в ласке любви
К кораблю — одинокому воину
Мачта бросила нежные песни свои,
И стонала от волн беспокойных.

Но корабль, увлеченный видением стран,
Слушал песню ее равнодушно.
Так подслушала рыбка случайный роман,
Вдалеке от спокойствия суши.

И однажды, когда одинокий корвет
Проскользнул в ледовитые страны,
Там, где блещет оранжевым полымем свет,
Там, где буря гудит непрерывно.

Налетал ураган. И невиданный шквал
Закрутил море пляской звериной.
И влюбленную мачту порывом сломал,
И корвет бросил в тесные льдины,

Где в полярном сиянии жидкая медь
Золотым расцветает узором.
И проходит огромный спокойный медведь
По неведомым снежным просторам.

Там разрушенный, скомканный бурей корвет
Ледяными объятьями схвачен.
И тоскует, и шепчет ненужный ответ
Своей насмерть поломанной мачте.

ЕГИПТУ

Тайна Египта по Мережковскому

В спокойствии полей твоих песчаных
И мир извечный в хижинах твоих..
Прекрасные, как песни из Корана,
И светлые, как Житие Святых.

Страна без войн, без страха разрушенья,
Страна спокойных пирамид,
Где только жар песчаного томленья
В полях тысячелетия царит.

И даже у подножья Саркофага
Не изменяющая лучезарность лиц —
Такая несказанная отвага
Пред смертью — царицей из цариц.

Читаю книгу о тебе, и снится
Узор песков и стройность пирамид,
Твоей истории поблекшие страницы
Улыбкой Сфинкса тайною молчит.

И кажется, что с Вечностью стозвонной
По коридору прошлого иду,
Или веду беседу с фараоном,
Умершим в неотмеченном году.

НА МОРЕ

Туман на море белой занавеской,
Такой молочно-дымчатый туман.
И в даль, что не видна и неизвестна,
Спокойно смотрит смуглый капитан.

Качает пароход, как на качелях,
От волн за нами вьется полоса.
Сквозь пелену тумана еле-еле
Видны китайской джонки паруса.

И джонка вся, как углем неумелым,
Набросана на пробном полотне,
И словно в облаке прозрачно-белом
Скользит она к неведомой стране.

Гудки тревожные звучат через минуту,
И вздрагивает чутко тишина,
Как будто газом целый мир укутан,
В прозрачном кружеве скользит волна.

Когда же вдаль, подпрыгивая в танце,
От пляски моря пароход скользит,
Мне кажется, Летучего Голландца
Корабль неуловимый пролетит.

Как знать, быть может, в дальние скитанья
Направил руль бродяга капитан,
Чтоб проскользнуть без мысли и желанья
Через спокойный сонный океан.

Руль повернул поближе к побережью,
Чтоб промелькнуть, как дымный силуэт,
Чтобы туманным призраком забрезжить —
Забывтой сказкой улетевших лет.

БОЖЬЯ СЛЕЗА

*«Шесть смехов Божеских —
шесть дней творения. А в седьмой раз
засмеялся и возкорбел, пролил слезу»:*

«слеза Божья — душа человека!»

(Из Египетских легенд)

Шесть ясных дней Господний смех
Дробился радостью прекрасной,
Он создал зверя, птицу — всех,
Его велению подвластных.

И к вечеру шестого дня
Он любовался миром новым.
Блистала молния, звеня —
И откликнулась громом Слову.

Всю ночь задумчиво стоял
Создатель мира — Бог Вселенной...
У ног его сердитый вал
Шумел и одевался пеной.

И перед взором вечных глаз
Прошли грядущие видения.
И свет далеких звезд погас
В седьмое утро сотворенья...

И грустный вздох, великий вздох
Печалью пролетел нетленной,
Задумчивый прекрасный Бог
Стоял у ног своей Вселенной.

И молчаливо приказал
Господь заре гореть устало,
И Божья чистая слеза
Скатилась и в траву упала.

На зыбкий золотой песок
Кидались волны, воя глуше...
Из смеха создал землю Бог,
И из слезы — людскую душу.

ЖРЕЦ ПЕРУНА

В угрюмом капище Перуна
Я зажигал свои костры.
Ласкались водные буруны
К подножью Киевской горы.

В одежде белой, жрец безгрешный,
Я жил в пещере за горой.
И был мне другом старый леший,
И братом — грозный водяной.

Леса днепровских побережий
Внимали клятвам у огня.
И запах жертвы — крови свежей
Пьянил и радовал меня.

Я на Купалу тихой ночью
Бросал сплетенные венки,
И Днепр разбрасывал их в клочья,
И относил их за пески.

И покоренный ворожбою,
С дружиной приезжал Олег,
Князья склонялись пред судьбою
В тот сказочный, железный век.

Настала грозная година,
Из Византии смерть пришла.
Я камнем капище задвинул
И скрылся от людского зла.

Ворвались... сбили с пьедестала,
Держали крепко руки мне...
У бога голова упала,
Осколки рухнули к стене.

К реке столкнули исполина.
С растрепанною бородой,
Я — жрец, избитый и гонимый,
Бежал знакомою тропой.

То было перед новолунием...
Качаясь меж днепровских вод,
Перун поплыл. «Спаси, Перуне», —
От крика искривился рот.

Одежда мне бежать мешала,
И ноги путала трава.
А в гребнях пенистых качалась
Серебряная голова.

Взобравшись, связанный, к порогам,
Я руки вытянул к реке...
«Перуне, вздыбай!» Но бога
Закрыли волны вдалеке.

Смеялись латники, за ними
Народ смотрел со всех сторон.
И, повторяя то же имя,
Я бросился в пучину волн.

Я старый жрец. Сквозь мглу столетий,
В века падения страны,
Как сказка, что сложили детям,
Как отголосок старины,

Я вновь пришел. Забрызган кровью
Хитон жреца. В глазах тоска.
И с бесконечною любовью
Меня встречают берега.

Брожу днепровскими лесами,
Стою подолгу на горе.
И ветер треплет волосами,
И брызжет волнами в Днепре.

Я труп ищу! Ищу Перуна,
Я зажигаю вновь костры.
И глухо охают буруны
У старой Киевской горы.

ДВОЙНИК

Бросаю строки на бумагу,
Неровные зигзаги слов.

Так мне рассказывал бродяга
В один из зимних вечеров:

«Я верю в то, что наши души
Не умирают никогда.
Любви к скитаньям не потушат
Во мне бездушные года.

Я Корсиканским был Орленком,
Невзрачный маленький солдат...
Но славою покрылся звонкой
Наполеоновский парад.

Полмира пало к Властелину,
В смиреннии к моим ногам.
Мои полки промчались мимо
По покоренным городам.

Я избежал чужого плена,
В стране героев и снегов.
На острове Святой Елены,
Вдали от шумных городов,

В своей походной треуголке
И «историческом» плаще...
Литавры навсегда умолкли
В могильном, вьющемся плюще.

Судьба меня пригнула ниже,
И бросили меня века
В притоны шумного Парижа
В дырявом платье босяка.

Но блеск побед Наполеона
Не стерли грозные года,
Мои победные знамена
Не полиняют никогда.

Когда-то был я знаменитым,
О славе слышу о своей.
И славу не сотрут копыта
И колесницы быстрых дней.

Наполеоновского шага
В моей походке не найти...
Судьба забросила бродягой
Меня на жизненном пути,

Но неземное наслажденье
Внимать за рюмкою вина,
В своем ином перерожденье,
Как долго чтит тебя страна».

Я не сказал ему ни слова:
Его ль бродягой назову!?
В глазах сражение Ватерлоо
И наступленье на Москву...

Я видел, как в хмельной таверне,
Под брань, под танцы и под звон,
Средь пьяной и разгульной черни
Сидел со мной Наполеон.

И было слушать мне не странно.
Прихлебывая крепкий пунш,
В угарном шуме ресторана,
О вечной жизни вечных душ.

Я понял старого бродягу:
Живет в далеком прошлом он,
Он сохранил стальную шпагу,
С которой шел Наполеон.

Судьба его пригнула ниже,
Как буря страшная корвет,
В тавернах шумного Парижа
Он видит блеск своих побед.

В словах Истории, в балладах
Он слышит про свою судьбу,
Лишь отголосками парада
В неповторяемом гробу.

Здесь среди пыльного Парижа
Врывается столетний звон,
Здесь старому бродяге ближе
Его двойник — Наполеон.

ЦЕНА СЧАСТЬЯ

У девушки много светлых богатств,
Целая горсть драгоценных камней.
Девушка их никому не отдаст —
Сила и воля — стражей у ней.

Было их много:

Девичьих снов неживой властелин
Пламенем ярким вспыхнул рубин.

Светлый подарок. Божий талант —
Снегом нагорным горел бриллиант.

Строгой надеждою радостных дней
Грани сапфира мерцали пред ней.

Словно водой ключевойю налит,
Чистым сияньем блестел хризолит.

Было их много...

Шла она с ношей жизненной власти,
Не было только... камушка — счастья.

В землю смотрела, туманною став,
Вдруг меж стеблей одуряющих трав,

Там, где заря целовала ковыль...
Камушек маленький... серый, как пыль.

И среди листьев и трав золотых
Нужное «здравствуй» — первое «ты».

И подняла. И огонь, и тепло,
Снежной метелью ее замело,

Радугой ярких, небесных дорог.
Станным смятеньем тайных тревог...

В душу проник, чаровал: «Это ты ль?»
Камушек маленький, серый, как пыль.

Дальше пошла. Но под властностью сна
Камень за камнем теряла она.

Первым упал у зеленых долин,
Отблеском зари вспыхнув, рубин:
В счастье не нужны властные крылья,
Высшая сладость в счастье — бессилье.

Сказкой волшебною чудился мир,
Выпал из рук ее синий сапфир:
Грани его не горели, как прежде,
Нежность любви — достижение надежды.

Вечер был ярок. Ветер был смел...
Белым огнем бриллиант догорел:
Если талант, как орел, одинок,
Счастье не вступит к нему за порог.

Растеряла все камни девушка в пути,
Их не поднимешь... их не найти...
Море туманно. Силен прилив,
Часто искала их в темной дали...

И захотелось ей власти и воли,
Мысли, как иглы, острые колют.

И захотелось талантливой силы,
Долго металась, много просила...

Только...

Если бы снова груды камней
Отдали травы солнечных дней,

К старой лужайке снова б пришла.
Там, где играет с солнцем волна.

Камушек маленький, серый, как пыль
Встретила б шепотом радостным:
«Ты ль?»

Радостней лета, солнца ясней,
Бросила б в травы груды камней...
И шелестя, повторял бы ковыль
Первое, встречное, вечное: «Ты ль?»

1929 г.

ЦАРЕВИЧ ДЖУНГЛЕЙ

Он был такой пестрый, изящный и гибкий,
Как свечи, горели зрачки,
Но вздрагивал он от малейшей улыбки,
От ласки упрямой руки.

Железная клетка скрипела и гнулась,
Когда он бросался, рыча.
Дрожали в конюшне покорные мулы,
Выл пес, как под взмахом бича.

Ему снилась Индия, джунгли и прерия,
Тропический девственный лес...
Глаза пожелтели от слез нетерпенья —
В них пламя каких-то чудес.

Я в клетку к нему приходила нередко,
Смеясь, его гладила шерсть,
И в уши шептала, дымя сигареткой,
Об Индии сказочной весть.

Читала ему я стихи Гумилева,
Лизал он ладонь моих рук,
Мурлыкал, ласкался и снова... и снова
В глазах зажигался испуг.

Потом мы сидели, прижавшись друг к другу,
Мечтая о дальних краях...
Во власти такого большого испуга
Мерещился, грезился страх...

Он был для меня только глупый котенок,
Изгнанник такой же, как я,
Зазвучали слова, и чеканен, и звонок
Был стих про родные поля,

И пестрый тигренок под женскою лаской,
Как кошка ласкался ко мне...
Его покорили нездешние сказки
О странной и жуткой стране.

Входил укротитель... И было мне больно,
Когда под ударом хлыста
Мой тигр поднимался, ворча недовольно,
И злобой сменялась мечта.

Однажды, когда на большую арену
Он царственным шагом вошел,
Я видала в поступи след перемены,
И негр укротитель был зол.

Ударом бича он разжег в звере злобу,
И пленник сдержаться не мог...
И в схватке смертельной, сраженные, оба
Упали на алый песок.

Его пристрелили... Там клетка пустая,
Где песни мурлыкал он мне.
Царевич индийский, я верю, я знаю —
Ты снова в родимой стране.

Тебя не забуду: понятней и ближе
Ты серых и скучных людей.
Я так же чужбину, как ты, ненавижу.
И... грежу о воле полей.

Когда-нибудь вспыхнет такая же злоба
В моем истомленном мозгу,
Такая, какую таили мы оба —
И больше я жить не смогу.

Тогда будет смерть. Под ударом приклада
Увижу я то же, что ты..
Ты понял — терпеть бесконечно не надо.
Ты видел свершенья мечты.

Теперь ты на Родине в солнечных прериях
Мурлычешь и бродишь в траве..
Я знаю, что смерть — это мера терпенью
И выход к любимой стране.

1929 г.

ТЕБЕ

Я белой девушкой вошла за твой порог
На светлые широкие ступени.
Незримой ласкою далекий Бог
Коснулся нас Своим благословеньем.

И в куполе церковном, в синеве
Две вспыхнули звезды и заблестели вместе,
И было радостно тогда и жутко мне,
Твоей застенчивой и глупенькой невесте.

Не знали мы тогда своих дорог,
Какие нам Великий Рок укажет,
Я белой девушкой вошла за твой порог —
Дрожали трепетно цветы от флердоранжа.

И год прошел, стирая след у дней,
Вплетая в жизнь мечты и неудачи.
И каждый день был лучше и ясней,
Не много... очень много значит.

Вся наша жизнь — такой неровный слог
Поэмы сказочной о счастье и печали...
Я белой девушкой вошла за твой порог,
А в тюле радостно листы цветов дрожали.

Сегодня год... И снова я стою
У двери в наш чертог нездешних откровений,
Я снова душу приношу свою
На те же светлые, широкие ступени.

И, как тогда, прекрасен твой чертог,
И жутко мне, как и тогда, немного.
Я белой девушкой вошла за твой порог,
Я белой женщиной пройду твою дорожку.

Я ЖДУ...

Я жду твоего зова,
Я жду призыва смелого —
Такого золотого...
Молчанье надоело мне!

Я Генрихом Наваррским
Пройду тропой тернистой...
Твой взгляд пускай не царский,
Державный и лучистый.

Ты не царевич странный
Моей мечты хранимой,
Ты лучше — ты желанный,
Ты краше — ты любимый.

Я буду Агасфером
Всю жизнь кружить с тобою,
Твоею верить верой,
Молить твоей мольбою.

Как демону Тамара,
Отдам спокойно душу,
И воды Ниагары
Мне сердце не потушат.

Всегда идти готова
В неведомые страны,
За ласковое слово
Из уст твоих, желанный!

* * *

Помнишь, церковь и блики лампад на иконах,
Помнишь, складки венчальной фаты,
Помнишь, как тихонько звучало влюбленно
Прозвучавшее нежностью — «Ты».

Помнишь, город — старинную сказку Китая,
Помнишь, взгляд незнакомых богов?
Когда мы ни часов, ни минут не считая,
Потеряли созвучия слов.

Это было тогда, когда взгляды встречались
И светлели от встречи вдвоем...
В этот год мы с тобою опять обвенчались
Золотым неразрывным кольцом.

Обвенчали нас горечь обиды и боли,
Холод ночи и сумрачность дня.
Память прошлого острой иголкой колет,
Не разученной песней звеня.

Только это венчание в холоде вьюги
Крепче духом и мыслью сильней.
Мы теперь не ошиблись с тобою в друг друге:
Не влюбленные мы, а нежней.

Не влюбленность, а жизнь продиктует законы,
И не белою дымкой фаты,
Неразрывностью мысли ко мне ты прикован —
Ты и я... Я и ты.

КОРОЛЕВИЧИ

Языков труднейших Санскрита —
Непонятней язык любви.
Ты стоишь в своей форме защитной
И целуешь руки мои.

Поцелуй — золотистая рыбка,
Твоя ласка — шелест песков.
Блеск зубов от милой улыбки
Содержательней сотни томов.

У знакомой старой калитки
Я тебе поцелуй отдам.
Тоньше самой тоненькой нитки
Протянулась нежность к губам.

Тусклый день ничего не значит,
Тусклый день — это скучный сон,
Если вечер — притихший мальчик —
Тишиною оденет трон.

Нежность в сумерки золотая,
Как студень озер струя.
И шептать, бесконечно зная,
Что твоя... навсегда твоя.

И значительней нет беседы,
Чем беседа любимых глаз.
Наше счастье вечер проведаль
И укутал в дымчатый газ.

И сквозь газ глазами родными
Любоваться, смех затая,
И шептать любимое имя,
И... твоя... навсегда твоя.

* * *

Шум парка душу мне тревожит
И колет сердце сладкой болью.
Здесь воевал колючий ежик
С веселой хохотушкой Олей.

У девушки в глазах зеленых
Любовь маячила с боязнью.
Деревья светлые знамена
Раскинули шатровой вязью.

Кололись острые иголки.
Кололись поцелуи в губы.
И речи лились без умолку,
И было слушать бред их любо.

И, подчиняясь чьей-то воле,
Забывши все, о чем мечтала,
В тот вечер хохотушка Оля
Для ежика невестой стала.

Касались ветви осторожно,
Боясь измять оборки платья.
Кололись, как забавный ежик,
Мужские первые объятья.

Спешило сердцу на подмогу
Девичье робкое смущенье.
И с несказанною тревогой
Прошла церковные ступени.

И снова душу ей тревожит
Свидание с далеким мужем.
И в парке позабытый ежик
Напоминаям сердце кружит.

ССОРА

Переплавили нежность в злобу:
Ссора вспыхнула, как свеча.
Мы с тобою смешные оба:
Не умеем в спорах молчать.

И так грустно идти на службу,
Когда выпита боль до дна.
Сознавать, что ты мне не нужен,
Потому что я не нужна.

На работе потом день целый
Передумать прежний задор.
А потом следить, как несмело
В нежность плавится вспышка ссор.

Рассказать никто не сумеет
Наш сумбурный жизненный путь,
Только чем обида больнее,
Тем желанней к тебе прильнуть.

ВСТРЕЧА ГЛАЗ

Глаза глянули в глаза другого,
И был в них отравленный гнев,
Душа не сказала душе ни слова,
От встречи зрачков присмирив.

Глаза проскользнули за тень ресницы,
И встретили там тоску,
И в сердце, как во взлете подстреленной птицы,
Замкнулось в безвыходный круг.

И снова несмело глаза посмотрели,
И встретили взгляд — «люби»,
А ум этим словом навывлет прострелен,
И путь отступленья забыт.

Глаза посмотрели в глаза друг другу —
И поняли знак — «приди».
Сквозь горе и радость, сквозь солнце и вьюгу,
Пока есть огонь в груди.

ПОЭМА О ТЕБЕ

Не боец легендарный, не воин отважный
Прикоснулся к цветам у фаты,
И не тот, кто стоял молчаливо на страже,
И не странник случайный, а ты.

И не плакали струны, и бубны молчали,
Когда жизнь моя стала твоей.

Ты пришел не героем закованной стали,
А творцом неожиданных дней.

Но пришел ты тогда, когда камни дороги
Вырастали в гранит предо мной,
Когда весла моей одинокой пироги
Отказались бороться с волной.

Когда грезы у девочки в сереньком платье
Побледнели, как краски картин,
И когда отказалась бесплодно искать я
Те дороги, где плыл Лоэнгрин.

Когда рыцари сняли наряд бутафорский,
Когда рвались страницы стихов...
Вместо сказочных замков и песен заморских,
Я брела среди чужих городов.

Мое серое платье порвалось о камни,
Загрубело лицо от дождя,
И граниты ворчали, что дальше нельзя мне
Одиноко идти без вождя.

Где ревели ветра, где маячила вьюга,
Ты стоял у соседней скалы.
В эту бурю мы сразу узнали друг друга
Сквозь тоску нарастающей мглы.

Теплотой пригрозила немая разлука,
Страх пронзил, как умелый стилет.
Через пропасть душевную подал ты руку,
И прижались мы оба к скале.

Как от жезла волшебного, стихнула буря,
Брызнул солнечный яркий поток,
Только лоб свой морщинистый изредка хмурил,
Недовольный, бормочущий Рок.

И мечты серой девочки сделались явью,
И не грезится ей об ином.
Только сны ее детские странно увяли,
Перед жизненным радостным сном.

И зачем мне мечтать о неведомой сказке,
Если мой голубой Лоэнгрин
Чуть касается губ моих сдержанной лаской
И задумчиво смотрит в камин.

И на каждой тропинке, на каждой дороге
Маяком голубые глаза.
Что мне в том, что поломаны весла пироги...
Мы поставим взамен паруса!

Скоро, может быть, даже негаданно скоро
Нас захватит с тобой водоем,
И поедем мы вместе в Святые Озера
На сраженья и гибель... вдвоем!

НЕДОСТИЖИМЫЙ КИТЕЖ

* * *

Люблю лежать в траве примятой:
На солнце плавится тоска,
Когда по зареву заката
Плывут аллеи — облака.

И облачные силуэты
Скользят в лазурной вышине,
И, словно заревом согреты,
Подтаивают на огне.

Знакомых городов строенья
Встают громадами вдали
И их багровое горенье,
Как отражение земли.

Я вижу — облачная лава,
От легких взлетов ветерка,
Дает изгнаннице усталой
Мираж родного городка.

Капризный и неверный случай
Виденье яркое дарит.
А ветер развеивает тучи
И треплет отблески зари.

Я облакам кричу: «Верните ж
Воздушный город мой родной!»
Но мой недостижимый Китеж
Дрожит и тает надо мной.

ЕЛКА НА РОДИНЕ

Ель моя зеленая... хвойная сосна!
Вечером сочельника сердцу не до сна.

Вечером сочельника за окном моим
Память загорается блеском голубым.

Домики заснувшие прячутся в снегу,
Боль воспоминания сердцем берегу.

Счастье возвращения знаменем несую —
Рождество на Родине проведу в лесу.

* * *

Там, где снег — серебряной ватой,
Где играет в прятки метель,
На полянке, шагом несмятой,
Отыщу красавицу ель.

Украшать я ее не буду:
Ледяные морозные дни
Разбросали на ней изумрудных
И алмазных снегов огни.

Об изгнании сердце забудет,
Встрепенется, счастьем звеня.
И смешные скучные люди
Не найдут в эту ночь меня.

Чтобы радостью вышить думы,
Чтобы счастье узнать вполне,
Вдалеке от людского шума
Надо встретить сочельник мне.

* * *

Будет год — на Родину дальнюю вернусь,
В снеговую, белую, радостную Русь...

Домики заснувшие прячутся в снегу,
Радость возвращения сердцем берегу,

Вечером сочельника сердцу не до сна...
Как моя зеленая... хвойная сосна!

ГОМОН ВЕСНЫ

Знаешь, сейчас бы в широкое поле
Слушать, как ширится гомон весны,
Слушать, как ветер — весел и волен,
Шепчет подснежников сны.

Знаешь, сейчас бы к проснувшейся Волге:
Льдины бегущие взором догнать.
Слишком изгнание тянется долго,
Слишком устали мы ждать,

Знаешь, сейчас бы в сосновые боры:
Хвоя зеленая пахнет весной.
Родина милая! Скоро ли, скоро ли
Светлая встреча с Тобой!

Сгрудились здания. Вечно нахмуренный
В душу мне смотрит гранит.
В сердце изгнанника, горем прокуренном,
Гомон весенний молчит.

* * *

В ветки игольчатой туи
Бросила блестками нить,
Чтобы мечту золотую
В памяти вновь пережить.

Господи! Чем успокою
Грустную душу свою?
Разве над светлой страной
Вечную память спою!

Нет ослепительней, лучше
В годы изгнания мечты,
Снова в напевы созвучий
Вкралась «Любимая – Ты».

И негодуя, и плача,
Светлой надеждой горя,
Я повторяю иначе
Зимний напев тропаря.

Строгий, торжественный, ясный
Рвется знакомый мотив.
Прожили мы не напрасно,
Родине жизнь посвятим.

Знаю, мечту золотую
В жизни печальной дождусь,
Около маленькой туи
Елке зеленой молюсь.

Снова надеждой крылатой
Вера взовьется к весне.
Чисты молитвы и святы
О не погибшей стране.

В ПАСХАЛЬНУЮ НОЧЬ

В перезвоне бокалов пасхального тоста
Слышны первые песни любви,
Яркий май улыбается мило и просто,
И смеются весенние дни.

И желтеет вино в синеватом бокале,
И звенит, ударяясь, стекло.
Если сказку любви вы еще не слышали,
Значит, время еще не пришло.

Значит, в будущем будут пасхальные звоны
Доноситься с далеких сторон —
Для счастливых, для радостных и для влюбленных
Говорящий ласкающий звон.

На ступеньках у храма под звон колокольный
Прозвучит и растает «Воскрес».
И становишься как-то по-детски доволен
В эту ночь улетевших чудес.

Даже здесь, далеко, в пожелтевшем Китае,
Где смеется стоглазый дракон,
В эту ночь приближает нас к дальнему краю
Побеждающий ласковый звон.

Вереницы людей с огоньками от свечек
Змейкой выются от храма домой..
Колокольным словам убегают навстречу
Мои думы веселой гурьбой.

И смеется вино из-за стекол бокала,
И церковью перепевы слышны.
На чужбине в пасхальную ночь повстречала
Силуэты родимой страны.

Прикоснулась к любимым губам поцелуем,
Серебром прозвучала: «Воскрес...»
Я увидела близко мечту золотую
В эту ночь улетевших чудес.

ДНЮ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В комнате тихо... В соседней квартире
Гулко поет граммофон.
Для утомленного, сонные гири
Манят в задумчивый сон.

Только не спится. Стозвонного шума
В окна летит суета.
И копошится больная, угрюмая
Русского счастья мечта.

Там, на столе, в переплетах тисненых
Лермонтов, Пушкин и Блок.
Свет от лампадки дрожит на иконах,
Чертит в узор потолок.

А на стене две любимых картины:
Группа смешных медвежат —
Чудится тут вот, где стол отодвинут,
Ели и сосны шумят.

Пробило полночь, и странно, как поздно
Дума сегодня не спит.
Взором отчаянной боли Царь Грозный
В душу с картины глядит.

Бросила томик нового романа —
Надуманый и несуразный вздор.
И сердцу ближе Ларина Татьяна
Или заученный на память Ревизор.

И героиня Пушкинской поэмы
Близка своею простотою мне.
Ведь мы — изгнанницы, невольны все мы
Душою тяготеем к старине.

Она любила зимнее раздолье,
Я только памятью люблю снега.
Ее утраты, радости и боли...
Вся жизнь ее, как сердце, дорога.

Какая разница? Она носила косы,
Гадала, верила в приметы, в сны.
А я стараюсь в дымке папиросы
Увидеть лес покинутой страны.

Я с ней беседую своими снами:
О Родине, о Волге, о снегах,
И также грустно мне без старой няни,
В огромных незнакомых городах.

И вот, среди картин и книг любимых,
Мне слышится мелодия полей,
И я чужбину резко отодвину,
И снова я на Родине моей.

Пусть годы отняли и Родину, и Волгу.
Я не отдам свой негасимый свет,
И пусть изгнание пришло надолго
И затушило зарево побед.

И дни идут тоскливые и злые.
Мечтою прошлого в грядущем мы живем.
Мою Великую, Духовную Россию
Мечом не вырубить и не сожжешь огнем.

О НЕЙ

О Ее настоящем ни слова,
А о будущем много страниц.
Под платком оренбургским пуховым
Тенью спрятались стрелы ресниц.

И в походке не женская сила,
Твердость смелых Ее шагов.
Ее имени я не забыла,
Но назвать Ее нету слов.

Ее имя не многим открою,
Как святыню в сердце несущу.
Ее имя, как ласка в горе,
Светлый дождь после долгих засух.

Губы сжаты, но даже в молчаньи
Столько счастья она дарит.
Ее слово — солнцем над нами,
Ее вера — рыцарский щит.

О Ее настоящем ни слова,
А о будущем крикнет герольд.
Ведь недаром под шалью пуховой
Притаились сила и боль.

ПОТЕРЯННЫЙ ЗВОН

Затеряла я ценность великую,
И сыскать много лет не могу,
Все брожу и без умолку кликаю
На холодном чужом берегу.

Среди шума столичного города
Заблудилась, как в темном лесу.
Между теми, кем счастье распродано,
Я счастливую ношу несусь.

Растерялась я в будничной сутолоке
Незнакомых презрительных снов.
И звучат неизбывною скукою
Перегревы фабричных гудков.

Ах, поймите вы думу печальную,
Что давно я на сердце таю..
Потеряла я звоны пасхальные —
Одинокую радость свою.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Синеватые окна Байкала
Отражают серебряный лес,
И огнем неземного кристалла
Загорается бархат небес.

На опушке, где стройные сосны
Затонули в сугробе снегов,
Стеклeneющий иней разбросан
В кружевные узоры кустов.

Коль не веришь в нечистую силу,
Коли хочешь судьбу сгадать,
Приходи тропинкой пугливой,
Рассекающей снежную гладь.

Очерти на снегу рукавицей
Ворожкой заколдованный круг,
Если снег столбом заклубится —
Отгони от себя испуг.

В новогоднюю ночь тревожно
В замолчавшей, жуткой тайге,
Словно кистью смелой положен
На снегу дорожный разбег.

Закружит пурга ледяная,
Закачает стройную ель,
И промчит, деревья качая,
Серебристым мраком — метель.

Прямо в муть гляди неустанно,
Неотрывно гляди вперед.
В беловатой дымке тумана
Наступающий едет год.

Если всадником в снежных латах
Он промчит на черном коне —
В огневых, багровых закатах
Задохнется земля в огне.

Коль проедет в пышной одежде,
На камзоле блеснет парча —
Будут люди с яркой надеждой
Наступающий год встречать.

Он промчит силуэтом славы,
Юным рыцарем прошлых лет...
Содрогнется Мир величавый
В ореоле гордых побед...

Где-то поезд грохочет, грубо
Отрывая тебя от сна.
Свежий воздух щекочет губы,
Словно пьяный глоток вина.

* * *

Ворожкой... молитвой счастливой
Освяти новогодние сны,
Чтоб блеснул тебе вечно, милый,
Светлый образ твоей страны.

...И ОГОНЕК СИГАРЫ ЗОЛОТОЙ

...И ОГОНЕК СИГАРЫ ЗОЛОТОЙ

Художник вечер бликами несмело
Окрасил в сумерки узор обой.
И шаром огненным сигара тлела,
Мигая искрой где-то предо мной.

А сумерки, как серенькие мыши,
Забрались, притаившись в уголки,
И только вечер-невидимка слышит
Прикосновенья ласковой руки.

Слова... не надо слов. Художник-вечер
Доскажет все за нас узорами обой,
Как хороша единственная встреча
...и огонек сигары золотой.

* * *

Человека часто тянет к дому,
Где случилось горе иль беда,
Каждый шаг, где горестно знакомый,
Каждый стук, где помнят навсегда.

Так и ты. Зачем ходить по следу
Прошлой истлевающей тоски,
Заводить знакомую беседу
И касаться до ее руки?

Пусть лицо ее совсем другое,
Полиняли жгучие глаза,
Но тебе, как древнему изгою,
Заглянуть внимательно нельзя.

Как морозом в сказке Берендея,
Скована усталая душа,
Дрожь, в которой сердце холодеет,
И мучительна, и хороша.

Дни, тебя измучившие, странно
И близки, и страшно далеки,
Ты же пальцы вкладываешь в раны
Незалеченной еще тоски.

РАЗРЫВ

Этих дней лихорадочный сон...
Хлопнул дверью входной в ответ.
Только белый фарфоровый слон
Спрятал пепел его сигарет.

Отзвучали шаги совсем...
Золотистой головкой в ковер.
Перепутались пряди в косе
С бахромой позолоченных штор.

Голубого шарфа клочки
Запестрили на темном полу.
И глаза, что стали ничьи,
Стэк забытый нашли в углу.

Дребезжали стекла в дверях
От обидных и резких фраз,
И таился покорный страх
За ресницами синих глаз.

Бахромой золотых шнуров
Исцарапала щеку в кровь.
И не слышно боя часов,
Потому что ушла... любовь.

ВЕЧЕР

Сегодня вечер изумительный,
Такая облачная высь.
Луна нисходит с неба нитями,
Лучи в узор переплелись.

Тяну из рюмочки узорчатой
Ликера золотую муть,

А звезды много-много зорче нас
Стремятся в душу заглянуть.

Но только на душе спокойная
И неземная тишина.
И примиренная, довольна я,
Такой отрадой жизнь полна.

И в эти вечера лучистые
Моя любовь еще нежней —
И на блокнот души записан ты,
Как самый лучший из людей.

* * *

Пусть шпаги встретятся со звоном
В одной из наших странных стычек,
Но даже в трубке телефонной
Твой голос суше и обычной.

И на дрожащую заботу
В моем вопросе беспокойном,
Звучит такой обидной нотой
Твое короткое — «не болен».

Мне счастье перестало сниться,
И тон у нежности запутан.
Всего лишь месяц, ровно тридцать
Размеренных и серых суток.

Ответ отрывистый — «не болен» —
В знакомом голосе небрежном,
И сердце одинокой болью
И восходящей мукой брезжит.

СЕМЬ НОЧЕЙ

Ни цветы, ни камни, ни золото,
Наяву ты пришла, не во сне.
Семь ночей подарила мне,
Жизнь моя обидой расколота.

Были ночи темней, чем вьюжные,
Холод лживости, горечь слез.
Этот месяц с собой принес
Те слова, что совсем не нужны мне.

Ночь и горе. Ночь и беда.
Ночь и темная, злая обида.
Ты была такой нужной с виду.
Чуткой ты не была никогда.

В ночь последнюю, гордость большую
Смех твой в душу мою вложил,
Я смеюсь... молчу... я забыл...
Я опять люблю и целую.

Счастье стало больше и ближе...
За надменность, что мне дала,
Я тебе не желаю зла,
И тебя я не ненавижу.

* * *

Беседы наши непривычные,
Хотя всю жизнь проводим с ними мы.
Я — голубая, ты — коричневый,
А вместе мы с тобою синие.

Когда мы говорим о будущих
Дорогах к Родине оставленной,
Я знаю, мы с тобою ищем их:
Ты — сильный, я тоже — не усталая.

И мы с тобою будем смелые,
Как рыцари созвездий инея.
Мы влюблены в дорогу белую
И в неземную птицу синюю.

ПЛАМЕННЫЕ ЗОРИ

Писать о том, что пламенные зори
Погасли, заалев каемкою вдали,
Что я уже не та, что я уже не спорю,
Что первой порошей мне душу замели...

Да стоит ли писать? Нетраченные души
Скрывают навсегда свой молодой порыв.
И даже снежный вихрь их искры не затушит,
А только охладит, сугробом придавив.

И часто кажется, что счастье мое ближе
И красочней под белой пеленой.
И что душа моя переживания ниже
И создает из них свой замок неживой.

Но нет! Не надо слов. Их бесконечно мало,
Они приносят в жизнь воспоминаний дым.
Пишу погасшим, навсегда усталым,
Но и в усталости душевной молодым.

* * *

Мне не нужны ни шелка, ни наряды,
Не о рубинах тоскую...
Чем я тебя удержу, ненаглядный,
Если полюбишь другую!?

Женщина бросится с криком — «люблю я!»
В душу сумеет пробраться.
Дружеским только простым поцелуем
Губы привыкли касаться.

Женщина спутает жизнь волосами,
Локоны цепью нависнут.
Только умею, встряхнувши кудрями,
Сбросить тяжелые мысли.

Разве удержишь ласковой дружбой?
Разве могу рассказать я,
Как ты мне дорог и близок, как нужны
Ласки твои и объятья.

Ну, а другая... что счастье загубит,
Страстью тебя околдуя..
Разве сравнишь полудетские губы
С пьяным ее поцелуем?

Разве сравнишь ты с воздушным нарядом
Эту сарпинку простую?

.....

Чем я тебя удержу, ненаглядный,
Если полюбишь другую!?

ЖИЗНЬ

И от ноток веселого голоса,
И от карих кокетливых глаз
Поседела душа, не волосы..
Постарело счастье у нас.

Жизни цепким узлом запутаны,
Души наши страсть развела,
Только время своими минутами
Расплетает нити узла.

Сердце в горький комочек сжалось
И отстукивает каждый час.
Это жизнь сурово, безжалостно
Оборвала юность у нас.

* * *

Надо душу подальше укрыть,
Пусть глаза за улыбкой скроют,
Чтобы в легком дрожаньи ресниц
Не сквозило сердечное горе.

Надо душу беречь от всех,
Надо крепче укутать душу,
Надо знать, что беспечный смех,
Словно холод, догадки тушит.

И всю горечь, счастье и свет,
Свет тоски, что слезами брызнет,
Надо вылить в твердое «Нет»,
Когда вызов бросаешь жизни.

* * *

А жизнь идет незримая, колдуя,
Неизбываемый зачеркивая след...
Знакомая отравя поцелуя
Стирает несложившийся ответ.

И пусть глаза не расстаются с болью
И плачут по утерянным словам,
Но губы улыбаются невольно
Уже давно разгаданным мечтам.

* * *

Не надо, не говорите мне,
И слова все сейчас ненужные...
Бывают счастливей победителя
Те, что жизнью обезоружены.

Даже гордый своими победами
Часто в жизни завидует
Тому, кто горе изведает,
И постигнет мудрость звериную.

И, как знать, может самое лучшее
Не избежать горя грозящего,
А отдаться ласке Грядущего —
И не чувствовать Настоящего.

* * *

Я в жертву жизни душу приносила
И... сбылись сумасшедшие мечты.
Какая изумительная сила —
Спокойствие холодной чистоты.

И, победив на поединке жизни,
И волей нетерпенье заглушив,
Я чувствую... каким потоком брызнут
Сокровища нетраченной души.

* * *

Ночь... Расширены зрачки у глаз...
Походка нервная... затяжка папиросы.
Тянулся медленно за часом час
И удлинял тяжелые вопросы.

И каждый стук врывался, как шаги,
И каждый миг томительней и жутче.
Что думали там за окном враги —
И нам, иль им в минуты эти лучше.

* * *

Память сердце болью изрежет,
Как стекло разрезает алмаз,
И улыбка искрится реже
За туманом зеленых глаз.

Даже сильное чувство остудит
Фраза, брошенная в ту ночь:
«Если б знал я, что это будет,
От тебя убежал бы прочь».

* * *

Может, сказано сгоряча,
Может, это не ты сказал...
Все запомнили ночь и я —
Губ моих поблекший коралл.

С косяком на нашем окне
Говорила я целый час.
Может, было это во сне —
Изумруд моих грустных глаз.

Помоги, защити, прости!
Разлюбить я смогу едва ль.
Голос осенью шелестит —
Сердца любящего печаль.

Может, сказано сгоряча.
Ты недаром потом притих.
Но надолго ли замолчат
Шепот губ и слова глаз моих.

* * *

Я не знаю, совсем не знаю,
Видно, это всей жизни закон,
Только часто я карты бросаю,
Козырные, небитые... вон.

И когда сердце тянется к ласке,
Шепчет нежный застенчивый вздор,
Тон мой резок и голос не ласков,
И глаза смотрят строго в упор.

Часто хочется смеха и шума,
Детских шалостей, смелых затей —
Я в себя замыкаюсь угрюмо
С одинокою думой своей.

Не разгадан мой путь, не отмечен...
Я ищу в нем небывших утрат,
Я бросаю возможный встречи,
Как колоду небитую карт.

* * *

У каждой радости конец всегда печален,
И в счастье каждом не избежнешь слез.
Но почему ветра мне не сказали
Какой из них его любовь унес?

И грустно наблюдать, как горечь охлажденья
Хрустящим снегом чувство порошит.

И я одна иду по жизненным ступеням
Туда, где холодно для пламенной души.

У каждой радости конец всегда печален,
У счастья каждого конец всегда простой,
Но почему мне звезды не сказали,
Что ты меня разлюбишь, дорогой!

ВЕСНА ОСЕНИ

Мне хочется писать певучие романсы,
Пробраться босиком в колючую межу.
Мне кажется, что я в неведомом пространстве
По облакам лазоревым хожу.

Я ранней осенью всегда влюбляюсь в зори,
Ищу забавных мимолетных встреч.
И от стихов своих не утаю, не скрою —
Меня легко влюбленностью увлечу.

И прежней нежностью девичьего задора
Шальная мысль мне голову кружит,
А что, если уйти к неизвестным просторам,
Сойти с давно намеченной межи.

И прежней удалью мальчишеской знакомой
Я повинуюсь в дни осенних снов.
И тянет убежать на улицу из дома,
В туманы потемневших вечеров.

Будь осторожнее! Следи за каждым шагом,
И осенью меня позорче сторожи.
С девичьей хитростью, с мальчишеской отвагой
Могу я убежать с намеченной межи.

* * *

Поломались цветные запястья,
И мой жемчуг мне больше не нужен...
Мое светлое яркое счастье
Скоро ветер осенний закружит.

Ты по-прежнему дорог и близок
Больше жизни, дороже света.
Каждый день, как бусы нанизан,
Ночь, как тонкие звенья браслета.

Ну, а сердце залетной птицей
Бьется с радостным криком в двери.
И так весело вдаль стремиться
И чему-то безумно верить.

А осеннего ветра сила
Хоть какую крепость разрушит.
Надо быть внимательней, милый,
Чтоб сберечь мою странную душу.

* * *

Сегодня совсем одна
И вечер бесконечно длинный,
Маячит мысли глубина,
Как огненный язык камина.

Спешишь ли ты к себе домой,
Ты, мой единственный, любимый!?
Моя любовь горит тоской,
Как огненный язык камина.

* * *

Тоска, такая нудная тоска.
Средь вороха бумаги канцелярской
Мне светит ярким светом маяка
Твой милый взгляд, решительный и царский.

Ты — царь моей запутанной мечты,
И рыцарь слез моих не частых, но тяжелых.
И это ты, и это только ты
Сковал меня неповторимым словом.

Тоска... такая нудная тоска...
Я подгоняю время, негодуя.

И ласка чуткая и грубая слегка
Мне чудится во встрече поцелуя.

Любовь и слезы, и проклятья.
Упреки... жалобы без слез...
Ты в бережных своих объятьях
Мое смятение унес.

И в неотрывном поцелуе
Промчался месяц. И опять
Мечту поэта золотую
Пытаюсь в жизни отыскать.

Легки цветочные оковы —
Твои оковы, милый мой.
Я, заколдованная словом,
Иду дорогой золотой.

* * *

Есть счастье в блеснувшей и дрогнувшей мысли,
Есть счастье в пожатье руки.
И в тучах, что мрачно на небе нависли,
И в бурном волнении реки.

Я радуюсь каждой прошедшей минуте,
Как девочка кукле своей.
И вы никогда... никогда не спугнете
Мечту моих творческих дней.

Я в храм этой жизни вошла, как ребенок,
С беспечною второю глаз...
И вот отчего беспечален и звонок
Напев мой о счастье сейчас.

Я знаю, что солнце своими лучами
Рассыпало радость кругом.
Идемте его огневými путями —
Крупинки от счастья найдем!

ГОРОД КАМНЯ

ГОРОД КАМНЯ

В каждом городе есть свои песни и сказки,
Свой особенный яркий мотив.
Я в стихи собираю созвучья и краски
Городов, перелесков и нив.

От Москвы — с ее вечным уютом старинным,
От ее золотых куполов,
Так и веет задумчивой русской былиной,
Отошедшей в преданья веков.

Петроград, словно в латы стальные закован,
И гудит голубая Нева
О победах морских, да о власти Петровой,
Рвутся рокотом бури слова.

И Сибирь своей песней врывается тоже,
А в напевах метель да пурга.
Заунывной, печальной думой острожной
Шелестит вековая тайга.

Те напевы родимая Русь заронила —
Я в изгнании их сберегла.
По чужбине напрасно упрямо бродила,
Но напевнее их не нашла.

Дышит сказкой, столетнею сказкой Китай,
В Пекине молчаливый Бей-Хай...
Где найти тебе песню — не вижу, не знаю,
Закоптелый громадный Шанхай.

Город камня и зданий. Стоцветной окраской
В беспокойном волнении кипишь.
Ни былины тебе не подходят, ни сказки,
Величавый восточный Париж.

Твои песни, гудки, шумы улиц пестрящих...
Весь в движеньи, ты чужд старине.
Даже в темные ночи спокойный и спящий
Великаном ты чудишься мне.

Для тебя безразличны далекие были,
И узорность старинных былин.
Задыхаясь от шума, от уличной пыли,
Ты холодный, чужой исполин.

Грозно высятся здания тесной стеною,
Чуть заметны деревья садов.
И гудят над снующей людскою толпою
Перепевы фабричных гудков.

Стоязыкой, стоглазою, серой громадой
Город врезался в солнечный край.
Для тебя не сыщу и не знаю баллады
Непонятный и чуждый Шанхай.

КАМЕННЫЙ

Вечером в комнате громко
Лязгнут в замке ключи.
Мысли в испуге скомкав,
Сердцу скажу — молчи!

Жду, прижимаясь в угол —
Неотвратимый миг.
Летняя ночь, как выюга,
Жуткий бросает крик.

Шагом тяжелым к двери
Каменный гость спешит.
Крепким замкам не веря,
Вздрагиваю в тиши.

Вот, сквозь дверные стекла
Смотрит гранитный взгляд...
Ночь за стеною смолкла,
Крики ее молчат.

Плесенью в щели дует,
В стекла стучит опять.
Только мечту золотую
Каменному не отнять.

Ночи боюсь и часа:
Сломанный звякнет замок.
Серая страшная масса
Мой перейдет порог.

Мысли смогу ль отстоять я?
В страшных желаньях груб...
Властны его объятья,
Холод гранитных губ.

Утро... туманом сизым
Тусклый всплывает день.
Солнце скользит по карнизам,
Краски бросает в тень.

В окна солнечным следом
Нитью ползут лучи.
Звонко новой победой
Звякнут в замке ключи.

ЧУГУННЫЕ ЛЬВЫ

На площади, стихающей в тонах,
И в нежных бликах алого заката,
Луч золотистый бродит на домах,
На плитах улиц, сутолокой примятых.

У здания, где в стройности колонн
Скрываются гранитные массивы —
Львы грозные у двери с двух сторон.
Луч солнца прячется в запутанные гривы.

Львам вспоминается давно ушедший мир,
Как силуэт отцветшего портрета.
Вот в куртке бархатной задумчивый Шекспир
Читает при дворе «Ромео и Джульетту».

Вот принц Уэльский, синеглазый принц,
Король-малютка — Эдуард Четвертый,
Вот рыцарь с запылившихся страниц —
Блестящий шлем, перчатки и ботфорты.

Век рыцарства, отваги и интриг,
Интриг ажурной тонкой паутиной
Там мысли прятались в напудренный парик,
Но смелость и геройство были львиной.

И Англия — отважная земля,
Клочок на вольной шири океана,
Движеньем историческим руля
Чужие завоевывала страны.

И вам, чугунные большие львы,
Здесь в городе, далеко от баллады,
Расскажут волны полуночной тьмы
О рыцарях, турнирах и парадах.

И грустно смотрят львы на море суеты,
На яркость улицы, на оживленность в лицах.
И вот мерещится сквозь марево мечты
Съезд рыцарей в туманную столицу.

Британский лев был символом побед
На голубом, как небо, чистом фоне.
Прошли года, стирая смелость лет,
Срывая камни в золоте короны.

У львов чугунных слезы на глазах,
Когда на площади толпятся мотокары:
Ведь англичане в роговых очках
Насмешка горькая над незабвенным старом.

Их сильная и твердая рука
Сжимает «доллара» — не рукоять рапиры...
В глазах чугунных львов нездешняя тоска —
О родине Великого Шекспира.

ШАНХАЙСКОЕ ЗАХОЛУСТЬЕ

Я прошла, озираясь, по улице:
Ряд лавчонок и грязных домов
Пожелтевших и серых сутулятся
И толпятся у темных углов.

Китайчата босые раскосые
Копшатся у лужи с водой,
А за ящиком грязным с отбросами
Спит, раскинувшись, нищий больной.

Китайки столпились у лавочки —
Оживленный ведут разговор,
Вместо ног у них тонкие палочки,
И в прическах прилизан пробор.

За прилавком купцы полуголые
Бесконечно играют в марджан,
И у входа в харчевку грошовую
Цедят пиво в невытый стакан.

Окна рваной бумагой заклеены,
И лохмотья торчат у дверей.
Я пройду, озираясь рассеянно,
Сквозь толпу пробираясь скорей.

Пробирается к носу настойчивый
Запах масла, жаровен, бобов.
На прилавке за стенкой бревенчатой
Позолота китайских богов.

Боги смотрят на шумную улицу
И на игры раскосых ребят,
На дома, что окошками хмурятся,
Смотрят боги и вечно молчат.

У китайца, насквозь прокопченного,
Что лениво следит за толпой,
Истукана куплю золоченого
И пойду, направляясь, домой.

В своей комнате, где перемешаны
Книги, кипы бумаг и стихи,
Я поставлю божка безутешного
На столе, где пролиты духи.

Только Будда невольно нахмурится:
Моя комната будет скучна —
Без шанхайской запущенной улицы,
Без узорной решетки окна.

БУДЬ ПРОКЛЯТ!

Будь проклят город камня и железа!
От века и до века проклят будь!
За то, что душу мне ножом изрезал
И камнем придавил мне грудь.

Холодные чужие исполины, —
Вы сторожите бессердечность лет,
И задыхается на каменной чужбине
Задавленный громадами поэт.

Когда приходит мысль — бессмертная царица,
Вы давите ее ударом кирпича.
И в ваши ли сердца бездушные ломиться,
В сердца, которые, не слушая, молчат.

Проклятый Великан, тебе чужды стремнины
И пропасти душевных берегов!
Ты с равнодушной презрительной миной
Следишь за смертью небывалых снов.

Ты сдавливаешь жизнь пожатием вандала.
Ты зажимаешь молодость в тиски!
Хоть раз в твоих глазах улыбка пробежала?
Хоть раз скривился ты от горя и тоски?

Тебе знакомы только звон монеты
И распродажа мыслей и идей.
Ты песней лебединую пропетой
Встречаешь обезумевших людей.

Ты неживой, надменный и суровый,
Ты памятник над склепом красоты!
Тебя не разбудить ни верою, ни словом...
Ты мертвый Истукан... Так будь же проклят Ты!

Из недосказанного

Мне зори пожаров окрасили губы,
И пламени блеск отразился в глазах,
И волосы завил неистово-грубо
Бурлящего ветра несказанный страх.

МОЕМУ БУНТУ

ТАК НЕ НАДО

В детстве мечтала быть соколом смелым —
Крылья разбило железо преграды.
Острою болью я побледнела:
Что же, раз нет, так не надо!

В детстве мне снился солнечный воин —
Женщины путь заграждением окружен.
Я улыбнулась, взглянула спокойно:
Что же, раз нет, так не нужно!

В детстве мечтала быть гордым баяном —
Путь для поэта мною разгадан.
Было немного дико и странно:
Что же, раз нет, так не надо!

Женская доля — цепь заключенных,
Женская сила — это лишь случай.
Ум мой пытливый, в смелость влюбленный,
Жизненным опытом в обручи скручен.

Что же, — пускай! Я молчу, я смирилась,
Детские грезы свои сожалея...
Только зачем Ты неженскую силу
В душу вложила, Судьба Ворожея!?

МОЕМУ БУНТУ

Это временно стуки машин
И рабочие нудные дни.
Ветер, мой неземной властелин!
Ставь мне вехи! Зажги мне огни!

Темп фабричный сотрется с души,
В дне размеренном вспыхнет мятеж.
Жизнь-старуха, попробуй сдержи,
Коли ветер безумен и свеж.

Разломаю я свой карандаш —
Пусть свидетель тоски будет смят.
Буду будни рубить наотмашь,
Как ряды непокорных солдат.

Позови! Закричи! Помаши!
Нетерпением душу изрежь!
От растерянно-скучных машин
Я уйду в небывалый мятеж.

ИСКАТЬ И ЗАБЫТЬ

Объехать весь свет, океаны увидеть,
Увидать другие края,
Учиться любить, целовать, ненавидеть
Движение каждого дня.

Бродить по кумирням, в развалины пагод.
Смотреть в лица чуждых богов,
Встречать неудачи словами — «Так надо!»
И радости встретить без слов.

Увидеть, как плещутся в море дельфины,
Как солнце волну золотит,
Как старый монах перед Богом старинным
Невнятно молитвы твердит.

Самой поклониться у статуи Будды,
Всем былям и сказкам чужим,
Пусть после я сказки и были забуду,
Пусть будут они только дым.

Я знаю, что самые лучшие были
Уходят из жизни, как сон, —
Мы много знали и много забыли,
И новое ищем и ждем.

Я встречи забуду легко, как запястья
И кольца снимают с руки,
Но мне не забыть мимолетного счастья
И долгой упрямой тоски.

И снова искать мимолетное буду,
Всю жизнь нам искать суждено.
Спрошу у чужого спокойного Будды:
В чем счастье и есть ли оно?

* * *

Быть нужной, как шелест волны утомленной,
Шуршащей о желтый песок.
Такой же застенчивой и в ласку влюбленной,
Как первых цветов лепесток.

Быть властной и бурной, как пена морская,
Что клочьями бьется в гранит.
Быть стойкой и твердой, как сталь огневая,
Что яркостью боя грозит.

Два полюса: кроткую женскую нежность,
И силу мужскую в борьбе.
Пусть сердце изменчивым пламенем брезжит,
Насмешкой двуликой судьбе.

И пусть тяжело в недосказанных сказках
О первой победе мечтать
И знать, что сраженная женственной лаской
Пробудится сила опять.

ЛИСТЫ БУМАГИ

Бросаешь строки на бумагу
И знаешь — их созвучье ложь.
Не передашь свою отвагу,
И душу в рифмы не вольешь.

Чтоб выгнуть душу наизнанку,
Нужны нездешние слова.
Мои стихи поют шарманкой,
Болят от визга голова.

И грустные мелькают строки,
Язвят усмешкою паяца,

И до горы моей высокой
Мне не добраться до конца.

Но я люблю перо, как шпагу
Любил надменный Дон Жуан,
Свою бездушную бумагу
Я сохраняю, как Коран.

Поклонник неземного царства,
Пустых и беспощадных слов,
Страны безумья и коварства
И... нераскованных оков.

Целую я листы бумаги —
Мой недосказанный роман,
Как рукоятку верной шпаги
Целует в клятве Дон Жуан.

ПАРУСА ПРОШЛОГО

ПАРУСА

Струйки пара тянутся с пашен,
От зеленых нив в небеса.
На реке запестрили наши
Паруса... паруса... паруса...

Нам осталась одна отрада —
Это память прежних годин...
До высоких стен Цареграда
По Днепру ныряют ладьи.

Непокорные злые набеги,
Вся дружина князю под стать.
И уходят вглубь печенеги,
Чтоб не встретить Игоря рать.

Вечером усталым окропит роса
Голубые алые птицы — паруса.

А на Волге с Каспия моря,
Как залетные тучи вольны,

Пробегают с волнами споря,
Молодецкой ватаги челны.

На челнах гребцы — по обличью
Водяного Деда страшней.
И несется «Сарынь на Кичку»
В тишине родных Жигулей.

В грозы непокорные загудят леса,
И маячат черные тучи-паруса.

На Неве, на Волге, на Каме,
Разрезая водную гладь,
Хорошо было под парусами
В золотистый закат уплывать.

А теперь чужие корветы
Над чужою, желтою рекой,
Белой чайкой, солнцем пригретой,
Нам приснится парус родной.

За деянья грешные Бог нас разбросал,
Верим мы в нездешние Чудо-паруса.

Будет кровью восток окрашен,
Запылают наши леса...
Стаей птиц забелеют наши
Паруса... паруса... паруса...

ВЗГЛЯД ПРОШЛОГО

С перил узорного балкона
Свисает длинный хвост кота.
Кошачий глаз к ветвям прикован,
Где звонче птичья суета.

Сквозь стекла голубой теплицы,
Краснея, смотрит помидор,
И вишен аромат струится
За подкосившийся забор.

Зеленое платишко в клетку
Стянула узким ремешком.
Рогатку вытянувши метко
Обстреливаю старый дом.

Хвост воробья мелькнул, ныряя, —
Дзинь... стекла вдребезги в окне.
Спасаясь к ветхому сараю,
Крадусь к разрушенной стене.

В щекочущее шею сено
Закапываюсь с головой,
И слушаю сквозь щели стенок
Ворчанье нянюшки седой.

Закатный час молчит притихший...
В огромной кружке чай налит.
Варенье из любимой вишни
Поддразнивает аппетит.

А за забором нос курносый —
Мой верный деревенский друг.
Захлебываюсь чаем, косы
Невольню в чашку окунув.

Подмигивает хитрым глазом,
На лбу с утра засохла грязь.
Кусок коврижки с чаем разом
Глотаю, впопыхах давясь.

Большую ложку от варенья
Облизываю на ходу —
И, не дослушав наставленья,
Я забором, я в саду.

В калитку выйти было б проще,
Но через изгородь скорей.
В поход! В березовую рощу!
С ватагой шумною друзей.

Игра военная в разгаре.
На приступ крепость у реки.
В крови весь нос у рыжей Вари,
И платье у меня в клочки.

Снаряды — шапки шампиньонов,
Мы победим. Они бегут!
Мы захватили их знамена
И их предательский редут.

Переполох в враждебном стане,
Чернеют грозно синяки.
Темнеет. Дома ищет няня,
Снуют по роще денщики.

Синяк на лбу, но мне нисколько
Не больно. Командиру ныть?
«Ты приходи пораньше, Колька:
Мы будем лодку мастерить».

«В царапинах. Почти невеста...
Разбойник в юбке! Стыд какой!»
Ворчит и в то же время крестит
Дрожащей старческой рукой.

Приветливо горит лампадка,
Журчит, лаская, воркотня,
И серый кот мурлычет сладко,
В ногах свернувшись у меня.

Так хорошо, вставая рано,
Под гул фабричного гудка
Припомнить не главу романа,
А сценку детского мирка.

Когда рабочие минуты
Отстукивают нужный час,
Когда путь жизни перепутан,
Припомнить пару детских глаз.

Сквозь эмигрантскую неволю,
Сквозь жесткое — «назад нельзя» —
Курносого мальчишки Коли
Блестят задорные глаза.

Он там в России... вырос тоже.
Шагает темпом новых дней,
Но в душах что-то есть похожее:
В его и в сумрачной моей.

И сквозь взъерошенные годы
Подмигивает мне сейчас
Мой адъютант грибных походов,
Прищуривая хитрый глаз.

ГЛАЗАМИ ПАМЯТИ

Маленькая, низкая, темная каморка...
Свечка, по обычаю, огоньком мигает.
Я глаза у памяти напрягаю зорко:
Вижу эту комнату и тебя, родная.

Вьется узкой змейкой дым от папиросы,
Светлую головку низко наклонила.
Собачонка белая, спутник твой курносый,
Лезет черным носиком в баночку с чернилом.

Ты бросаешь четкие строки на бумагу,
Дым от папиросы слезы застилает,
Спать сегодня вечером я не скоро лягу —
Слезы твои дальше душу обжигают.

Крепко пальцы тонкие карандаш зажали,
Собачонка трется о твои колени.
И глаза, наверное, еще строже стали:
Грустно улыбаются каждой перемене.

Пряди непокорные свесились упрямо,
Зачернели полосы на листе бумаги.
И тропинкой жизненной ты проходишь прямо —
Много стойкой, спрятанной от людей, отваги.

Ночи одинокие людям незаметны,
Только я и издали чувствую и вижу:
Ищешь что-то яркое, сильное и светлое —
И в своих скитаниях мне родней и ближе.

Рвешь, читаешь, комкаешь белую бумагу.
Ночь у одиночества — темная, большая.
Спать сегодня вечером я не скоро лягу:
Мысли твои дальние душу обжигают.

* * *

Былые дни — так неотрывно близко,
Их подарила память мне опять...
И я сейчас смешная гимназистка,
Воющая с гадкой буквой «ять».

Читаю снова томики Жюль Верна,
Пишу опять наивные стихи,
И ненавижу гувернантку Эрну,
И презираю пудру и духи.

Мои друзья — дворовые мальчишки,
Моя забота — завтрашний диктант.
Сижу подолгу над любимой книжкой,
И лезет на глаза задорный бант.

.....

И вот я опять в заброшенной аллее:
Под неумолчный соловьиный свист
Я слушаю слова любви, краснея,
И руку жмет знакомый гимназист.

Потом другой, серьезный, очень взрослый,
На старенькой потресканной скамье
Погладил нежно спутанные косы
И что-то важное поведал мне.

Затем коснулся первым поцелуем
И посмотрел в глаза мои в упор.
Ах, как я плакала, смущаясь и волнуясь,
Казался несмываемым позор.

Года прошли... от старенькой тетрадки,
Где вкривь и вкось написаны слова, —
Несется аромат волнующий и сладкий,
И кружится немножко голова.

И слезы памяти щекочут веки:
Над дневником так сладко помечтать...
И детские слова: «моя любовь навѣки» —
«Навеки» через «е», забыта буква «ять».

Ведь это жизнь потом остригла косы
И спутала и мысли, и слова,
И с первой затяжкой папиросы
От сказочного детства увела.

Теперь другие радости и боли,
Но годы те по-прежнему близки,
А память мне слезами веки колет
И нежит лаской маминой руки.

ТЕНИ

У меня на столе...

Твоя карточка в форме кадета,
Рядом выцветший старый погон.
И дрожат, и блестят силуэты
Золотых, полустертых корон.

Вижу я в полутьме...

Чуть припухлые детские губы,
Чистый лоб под наклон козырька...
Вензеля гимназисточки Любы
Вырезает на парте рука.

Слышу я...

Детский бред походов Жюль-Верна
Об индейцах, о шуме охот...
Шаловливый кадетик, наверное,
Даже в карцере подвигов ждет.

И всегда...

И скучны, и тоскливы задачи,
И не понят проект чертежей —
Скрип повозок и крепости сдача
В твоей памяти много свежей.

Тыходишь в комнату...

От прежнего лица одни глаза,
Такие юные, искрящиеся смехом.
Какие новости мне хочешь рассказать...
Ты для меня сейчас из Африки приехал.

Был с бедуинами?

И, подчиняясь мимолетным снам,
Ищу в лице следы былых стремлений
На белом лбу едва заметный шрам —
Полет на землю с брусьев параллельных.

И тихо...

Я подхожу и глажу милый след,
Ты тот же, только чуть постарше с виду,
И ты опять мой маленький кадет —
Индеец походов Майн-Рида.

И знаю...

Все выходки твои наперечет,
О прошлом тихой нежностью болею.
И так же труден жизненный подсчет,
Как вывод теоремы Птолемея.

И знаю...

Все любимые слова
Загадочными будут, непременно,
И, проскользнув, прошепчет полумгла
Романтику знакомую Жюль-Верна.

СИЛУЭТЫ ЖИЗНИ

Подчиняюсь стальному закону —
Пусть о юности песнь пропета.
Я из жизни, как из картона,
Вырезаю ножом силуэты.

И темнеют мужские лица,
Среди них один профиль строгий.

Этот профиль мне часто снится
В снах весенних моей дороги.

Не о нем грущу вечерами...
Не его глаза вспоминаю...
«За горами он жил, за долами...»
Словно в сказке любимой няни.

Синеглазый прошел минутой,
Но меня тогда зори манили.
Был мой жизненный путь запутан,
А его глаза не любили.

Много здесь других силуэтов
Я изрезала мелко, мелко...
Но без красок мертвы картины —
Силуэт в искусстве — безделка.

И когда акварелью свежей
Жизнь рисунки дала другие,
Я решила — картон изрежу
И найду слова золотые.

Подчинилась стальному закону,
Только ум мой им не напуган.
Я из сердца, не из картона,
Вырезаю родные губы.

И слезами любви, не тушью
Я рисую глаза и брови...
Четкий образ того, кто душу
Заманил к небывалым зорям.

ТЫ ПОМНИШЬ?

Ты помнишь тихий вечер Рождества?
Промчался год, плетя из будней пряжу.
Промчался год... и я уже не та,
И ты, наверное, совсем не та же.

Нас было двое. Грустно вечер гас,
И свечка на столе горела тусклым светом.

И было холодно одной из нас
От жизни нашей, счастьем не пригретой.

Таились злые мысли в голове
О нашей юности раздавленной и смятой,
И маленькую елку на столе
Украшили мы свечками и ватой.

Художник в этот вечер к нам забрел,
Такой же, как и мы, озлобленный, ненужный.
За дверью ветер скучный марш завел,
Вплетая жалобу в напеве вьюжном.

Собака съежилась, и темные зрачки
Внимательно смотрели по-собачьи,
И было странно, что от злой тоски
Мы одинокие, забытые, не плачем.

А ветер за окном согнулся и притих...
Мы пили за грядущие удачи,
Читали вслух любимые стихи.
Ты знаешь, я сейчас над этой елкой плачу.

Я счастлива. Но можешь ли понять,
Как в счастье солнечном и ярком даже,
Подарит память эту боль опять —
И о тебе с такой тоскою скажет.

И хочется все снова пережить:
И холод неприветливой лачуги,
И одиночество одним глотком испить,
Как думу горькую о друге.

И в этот тихий вечер Рождества,
Кто мне дорогу новую укажет,
Кто подтвердит, что я уже не та,
И ты сейчас, наверное, не та же.

ДАЛЕКОМУ ДРУГУ

Марианне Колосовой

Я память дней тихонько отодвину,
Хотя тех дней разлуке не вернуть...
Ты где-то там на клавишах машинки
Отстукиваешь будничную мусть.

Я в суতোлке размеренной фабричной
Записываю цифры и часы.
Разлука занавескою привычной
Между тобой и мной назойливо висит.

И нет ночей, когда врывались строфы,
Вливая веру в призрачный успех.
И на пути писательской Голгофы
Мы не расставили знакомых вех.

Пишу письмо и чувствую, что трудно
Сказать о том, что неотрывно жжет:
Твой строгий стих чеканно-изумрудный,
Мой юный и надломленный полет.

Мне жалко нашу хмурую каморку,
Наш сломанный диван, наш старый табурет,
Мне жалко смех твой сдавленный и горький
И свечи тусклый распыленный свет.

Пусть только в снах я прошлое придвину:
Зашла бы я в ту комнату опять,
Чтоб клавиши у пишущей машинки
Тайком от всех тихонько целовать.

Там сторожит тебя Великая Идея,
Меня любовь и счастье стерегут.
И наша встреча победить не смеет,
Хотя бы встреча нескольких минут.

Сентиментальная, как в повестях старинных,
Разлука темным пологом висит.
Ты буднями стучишь на клавишах машинки,
А я записываю цифры и часы.

1930 г.

ПОЭМЫ

ЗЫБЬ ПРОШЛОГО

Мне скучно. В порту китайском
Мы целые сутки стоим,
А ветер совсем не майский
И сер пароходный дым.

От скуки уйду к тетрадке,
Пусть рифма меня займет.
Грызу шоколад и помадки,
В каюте сажу, как крот.

Какую бы выбрать тему,
О чем напишу стихи?
Пока начала поэму,
И ветер немного стих.

Но только меня не тянет
Смотреть, как грузят мешки.
Пусть лучше меня заманят
Те дни, что сейчас далеки.

Эй, море, водой соленой
На память тихонько брызнь!
Я буду описывать снова
Мою переменную жизнь.

ДАЛЕКО... НА ВОЛГЕ

Волжский город маленький
Спит и дремлет всласть.
В детской светлой спальне —
Ольга заперлась.

Нянюшка усталая
Спит, поди, теперь...
Потихоньку встала я
И закрыла дверь.

Ах, тетрадку красную
Пуще глаз храню.
Записала сказку я
Первую мою.

«Нянюшка с зевотою —
Угомона нет...
Ночи за работою,
Погаси-ка свет»!

Убежали, скрылися
От ворчливых слов
Думы белокрылые,
Бред моих стихов.

В одеяло мышкою,
Затушив свечу,
Спряталась я с книжкою
И лежу — молчу.

Это было в спальне,
В детском уголке,
Там, где город маленький
На большой реке.

Детские каракули
До сих пор со мной:
В Индии, в Неаполе
Я была мечтой.

И еще девчонкою,
Средь родной семьи,
Я писала звонкие
Сказочки мои.

Это было в спальне,
В детском уголке,
Там, где город маленький
На большой реке.

БЕГСТВО

Открытое море... Пальтишко одену,
Над палубой небо — хрусталь,
И буду смотреть на зеленую пену,
На водную волнами даль.

Движенье воды. Тихий скрип парохода.
Жемчужные брызги волны
Напомнили мне убежавшие годы
В объятьях любимой страны.

Я в год отступленья была гимназисткой,
С волнистой и длинной косой.
Дни детского счастья стремительно быстро
Умчались зеленой волной.

Я первый экзамен сдала в эту осень,
Весь мир казался, как сад...
Как часто мы время спокойное просим
На часик вернуться назад.

Разгул революции черной грозой
Промчался над русской землей.
Как плакала няня, прощаясь со мною,
Как страшен последний был бой.

И вот мы в вагонах железного змея,
И каждый в опасности прост.
Упрямая дума — скорее, скорее!
Взорвали гранатами мост.

И паника скользкой холодной струею
В сердца беглецов заползла,
А детским умишкам казалось все тьмою,
Вся жизнь, как в потемках была.

Я помню, как стрелочник прыгнул в вагоны
И крикнул: «Бегите! Враги!»
Я навзничь упала без крика, без стопа,
И чем-то мне терли виски.

Крушенья, крушенья. Спустили с откоса —
И смерти теряется счет.

Неясности горе и злоба вопроса
У девочки в сердце растет.

Сумбурность... Но разве тогда было ясно,
Куда и зачем мы бежим?
Убийцей с ножом сторожила опасность,
И каждый казался чужим.

Я брошу тетрадку и буду в окошко
За пеной морскойю следить,
Пусть солнце морское пригреет немножко,
Порвет пережитого нить.

ВЛЮБЛЕННАЯ В МОРЕ...

Море искрами зелеными
То светлое, то темней,
Волны ходят батальонами,
Словно полк богатырей.

И такая даль широкая
Без предела, без оков.
Не охватишь ее строками
Неуверенных стихов.

Взлеты чаек так стремительны
В свете солнца золотом...
Полететь бы быстрой птицею
За серебряным лучом!

Я на палубе притихшая,
Вся ушла в немую даль.
Искры моря золотистые
Унесли мою печаль.

На японском парходике
Я, влюбленная в моря,
Буду вспоминать о Родине,
Ничего не говоря.

И смеется море пеною,
Волны в солнце влюблены,

И поэму не одену я
В траурный убор страны.

Завтра дань воспоминаниям
Я отдам в своих стихах.
Черным будет одеяние
И девизом слово «страх».

А сегодня губы алые
Поцелуями горят:
Ведь не раз поцеловали их
Брызги моря и заря.

А сегодня растревожила
Голубая эта высь,
Мысли все мои осторожные
Легкой тучкой пронеслись.

Я сегодня заколдована,
Новой свежестью полна.
Я сегодня сказкой скована,
Что шепнула мне волна.

* * *

Прошу прощенья для поэта,
Я не могу владеть мечтой:
Зеленым бархатом одета,
Кокетничала зыбь со мной.

И я поддалась этим чарам,
Внимая лепету волны,
Забыла, что пишу о старом,
О бегстве из родной страны.

СНОВА ПРЕЖНЕЕ

Придвинулся вечер и даль почернела,
Черней становились валы.
Я долго на темное море глядела
В простор убегаящей мглы.

И пена была, словно белые розы
На черных угрюмых валах.
Я вспомнила вдруг, как тянулись обозы
В далеких киргизских степях.

Такая же ширь, но тайгою примятой,
Скрипенье тележных колес.
Угрюмо и мрачно шагали солдаты
Без слов и, конечно, без слез.

Воды не хватало, упорно молчали —
Пощады никто не просил...
И скрыли навеки песочные дали
Холмы неотпетых могил.

Три дня без воды... пересохшие губы...
Мерещатся реки в песке...
Скорее вперед! Но насмешкою грубой
Растаял мираж вдалеке.

А сердце готово вот-вот расколоться,
И жарок томительный путь.
Я помню, как жадно пила из колодца
Пригоршней грязную муть.

И громкое эхо палящих орудий,
Клочки офицерских погон,
И полные страха безумные люди... —
Теперь как виденье, как сон.

Потом Петропавловск... и снова вагоны...
Сибирь... холода и... тайга...
Байкал, ледяною твердынею скован,
И вновь приближенье врага.

Была я девчонкой со старческой думой,
Скрывающей горе от всех,
И был такой горький, больной и угрюмый
Мой детский задавленный смех.

В железной ловушке... В Иркутске эсеры...
И ужас, и смерть, и борьба...
О, Господи, сколько страданий без меры
Нам горстью бросала судьба.

Недаром теперь, как ребенок подарку,
Я радуюсь каждому дню,
Часы, когда море смеется так ярко,
В душе, улыбаясь, храню.

Недаром я лепетом моря согрета,
Любуюсь на пену валов...
Простите влюбленного в волны поэта
За строфы наивных стихов.

ДАЙРЕН И... ВОЛГА

Солнце в вуали, будто девица
Вечером на randevу.
Бисером снежным утро стремится
Водную вышить канву.

Бросили якорь. В дымке тумана
Издали виден Дайрен.
Сказочным замком рисуются странно
Башни дайреновских стен.

Море сегодня пестрит парусами
Джонок, медлительных барж.
Чайки, ныряя, летят над волнами...
Море! Я вечно твой паж.

Я влюблена в тебя, море, надолго,
Пленница зыби твоей.
Ты мне напомнило дальнюю Волгу,
Волгу — царицу полей.

Море! Ты царствуешь в вечном просторе,
В водном покое дворца.
Не утаю от тебя свое горе
И не закрою лица.

Волны твои — боевые дружины,
Верная стража царя.
Я тебе горе изгнанника кину
В сумерки этого дня.

Я расскажу тебе странные были
Жуткой Великой страны,
Были страшнее, чем мне говорили,
Плески зеленой волны.

СМЕЕТСЯ АЗИЯ

Сегодня море, как бархат синее,
Как бархат с золотым шитьем.
Я грежу водною пустынею
И ярким солнечным лучом.

И мне понятно сердце Разина
С его простором наших рек.
Дремотная смеется Азия,
Желта, как желтый человек.

Китайцы, дикари раскосые,
Следят за росчерком пера.
Смотрю, за синими откосами
Из глуби движется гора.

И горизонт чертою черною
Разрезал призрачную даль,
И волны сопками узорными
Бегут, отсвечивая в сталь.

Валы, как жерла пушек хмурые,
Как выстрел, рокот глубины.
Мне вспоминается Даурия
Кровавым отсветом войны.

СТАЛЬНОЙ... ЖЕЛЕЗНЫЙ... ГОРОДОК

Даурия — город жестокий, военный,
Запятанный поясом сопок.
Водили по улицам связанных пленных,
Прожектор светился высоко.

И Унгерн — гроза Забайкальского края,
Царек сюзеренных владений,
Расстреливал сотни людей, не считая,
За легкий намек об измене.

Я помню, верхом с ординарцем и братом
Поехала в сопки кататься.
Наткнулись на трупы в мундирах помятых.
Не знаю — семнадцать иль двадцать.

И каждую ночью расстрел за расстрелом...
Барон в ореоле кровавом
Закончил поход героический белый
Ужасной и жуткой расправой.

И выстрелы стихли за четкой границей,
Тогда я была очень рада.
О, если б теперь улетать быстрой птицей
Туда, где бушуют снаряды.

Ведь хуже всего отступленья и горя
Унылые годы изгнанья...
Тоска без границы, как синее море,
И злоба шагают за нами.

Ведь если борьба, то борьба без пощады,
И сердце пусть каменным будет.
Тогда только снова сольются в отряды
Безумием смелые люди.

Пусть будем мы орденом иезуитов,
И цель наш террор оправдает.
И тот, кто не с нами, тот будет убитым.
Расстрелянным тот, кто не с нами.

Железный закон и железные люди,
Пусть век будет страшным и грубым.
И знаю, так надо! И верю, так будет!
Шепчу я сквозь сжатые губы.

ТВОИ ГЛАЗА

Марианне К.

Когда чем-нибудь ты озабочена,
У тебя голубеют глаза,
Вот такого же цвета точно
Отливает волны бирюза.

Да и вся ты на море похожа
Своей бурной и пестрой судьбой:
Каждый день у тебя тревожный,
Каждый день у тебя иной.

И тебе не чужды перемены —
Ты меняешься, словно зыбь,
Как морская белая пена,
Белоснежен души призыв.

Я тебя до конца не знаю,
Но, как море, тебя люблю,
Ведь недаром жизнь огневая
Заплелась случайно в мою.

Ты, наверное, реже, реже
Вспоминаешь меня сейчас.
Но мне дороги вечно те же
Огоньки твоих синих глаз.

Я проеду многие страны,
Я увижу много людей,
Только имя твое Марианна
Для меня будет Песнь песней.

Ветер брызжет в лицо водою,
Словно горсть самоцветных камней,
Я невольно рассталась с тобою,
Но ты стала сказкой моей.

И, наверное, реже, реже
Будет память тебя навещать,
Но глаза у тебя все те же,
Как морская синяя гладь.

ТЕБЕ, МОРЕ!

Сегодня в море день последний —
Я завтра дома, у себя,
Бросают тучки с неба тени,
Целует солнышко, любя.

На солнце греюсь, словно кошка,
На старом грузовом мешке.
Смешной, взъерошенный япощка
Стирает что-то в уголке.

На ножках детских китаянка
Пытливо смотрит на меня.
Я встану завтра спозаранку
На зорьке ласкового дня.

Гляжу на море. Снова, снова
Пьянит бездонность глубины,
И словно кистью Васнецова
Коснулся луч краев волны.

И море стало сказкой пенной,
Еще неизвестных лесов.
И каждая волна-царевна
Смеется, искрится без слов.

Вон королевич — гребень белый
Несется вскачь. Держи! Лови!
Волна-царевна заалела
От первой девичьей любви.

А коль глядеть не отрываясь,
То глубь увидишь до конца:
Там башня видна золотая
И стены водного дворца.

Там глубь кораллового леса,
Там целый мир от света скрыт.
Своей дорогою чудесной
За волнами волна бежит.

Привет тебе, царевич Море,
За эти дни моих дорог,
В душе моей ты тайно скроешь
Минуты счастья и тревог.

И стали солнце, волны, пена
Моим душевным багажом.
Была я в эти дни, несомненно,
Твоей рабыней и пажом.

Уйду от синей глади скоро,
Минутой встречи дорожа,
Но отразит твои просторы
Моя влюбленная душа.

*Март 1932 г.
Тяньцзинь — Шанхай*

РОМАН В МИНИАТЮРАХ

1.

У елки ветви никнут низко,
В узоре серпантинных лент
Коричневая гимназистка
И бледно-голубой студент.

Двоюродный брат подружки Шурки,
Старинный вальс дрожит слегка,
И на рукав его тужурки
Ложится тонкая рука.

2.

В парке никем не замечена
Робкая сказка весны...
Таает весеннее, вечное,
Первое девичье «ты».

С веток черемуха инеем,
Снежным ковром небылиц...
Взгляды глубокие, синие
Стукнули в штору ресниц.

3.

Весь сад червонцами украшен,
И треплет свежий ветерок —
Из-под студенческой фуражки
Задорный женский завиток.

А в воздухе играет в жмурки
Последних листьев пестрый рой.
В петлицу старенькой тужурки
Бессмертник вдернут полевой.

4.

Дорожное платье длиннее и строже,
И строже, как будто, глаза...
Пыхтит паровоз и в пыхтеньи тревожное:
Остаться... остаться нельзя.

Сказать надо много, а слов не хватает,
И скомканный рвется платок.
Звенит и пожатие рук разжимает
Предатель — последний звонок.

5.

Почтальон все реже навещает комнату,
Лекции заброшены, факультет забыт.
Снимок ее с надписью «Посмотрите, вспомните»
Тонкой паутиной сетчатой покрыт.

Только строки толстого словаря английского
Шепчутся с засушенным полевым цветком,
Да фуражка, смятая шустрой гимназисткою,
Смотрит укоризненно черным козырьком.

6.

И ответы несложны и письма все реже:
В шумном городе некогда много писать.
А на губах, подкрашенных краскою свежей,
Помнилась улыбка опять.

Только молодость дарит успех за удачей —
Серый взгляд иностранца немного стальной...
Если рубль последний на пудру истрачен,
Значит, мириться с судьбой.

7.

Правда, венчаться под звуки органа,
«Вы» говорить жениху, а не «ты»...
Было немного дико и странно,
Только с цветами, но без фаты.

С гордостью ехала в автомобиле,
Ласково жег его пристальный взгляд.
Если вы раньше больше любили —
Надо вам было крикнуть: «назад».

8.

Через год, разбирая старую корзину,
Письма пожелтевшие, памятки друзей...
С робостью подумала! «Вынуть?» — «Лучше выну».
И достала карточку промелькнувших дней.

Положила в старую детскую тетрадку,
И, прикрывши плотно двери на крючок,
Целовала, гладила ласково украдкой
В трещинках, поломанный старый козырек.

9.

Рок наших дней, большой шалун,
Стасует встречи шутки ради.
Не знаю, на каком балу,
Быть может, и на маскараде...

Но... потемневшие глаза
Когда-то бывшей гимназистки,
Не зная, что в ответ сказать,
В смущенье опустили низко.

10.

Губы невольно сказали:
«Вы!» — и замолкли опять...
Трудно в фокстротящем зале
Что-то о прошлом сказать.

Зал серпантином запутан
Также вот, как тогда...
Взоры сошлись на минуту
И не ответили — «Да».

.....

Из английского словаря
Выпал засохший цветок...
В окна смотрела заря,
Тусклый огарок зажег.

И свидетель весенней встречи —
Бессмертник вспыхнул на свечке...

СОН МАЯКОВ

Я под ярким платком поднебесного ситца
Прячу странные мысли свои.
Этот остров ночными туманами снится
Маякам незнакомой земли.

Когда море рвет волны в жемчужные клочья,
Когда страшен рокочущий вал,
Когда свет маяка разрезает мглу ночи,
Как блестящий Дамасский кинжал.

Когда смерть нависает угрозой Дамокла,
Когда берег туманно далек,
Когда виден корабль в запотевшие стекла,
Как огромный больной мотылек.

В эти ночи борьбы с угловатой мглой,
Спится сказочный сон маякам...

Снится остров — спокойной далекой землею,
Остров — чуждый бегущим валам.

Лес дремучий, осыпанный иглами хвои,
В пряном запахе сладкой смолы.
Спорят иглы сосновые с темной листвою,
К синеве убегают стволы.

Ручеек незаметною песней журчащей
Шепчет что-то зеленой траве.
Ночью там непрогляднее стройная чаща,
Изумруден узор в синеве.

Там столетние кедры молчат втихомолку
Об ушедших, о старых годах.
Бродят тропками зайцы, лисицы да волки,
Птичий гомон в далеких кустах.

Там луна кружевное плетение вяжет
Паутиной молочных шелков.
А в безлунные ночи, как викинг на страже,
Этот остров несбыточных снов...

Никогда... никогда... эти стройные ели
Не слышали удар топора.
Их пугали порой только песни метели,
Да холодная свежесть утра.

Глаз звериный ни разу не сделался шире
От людских покоряющих глаз...
Этот остров единственной сказкою в мире
Снится в бурный рокочущий час.

Отыскать бы свою голубую пирогу,
И по бархату синих морей
Проскользнуть, серебром разрезая дорогу,
Бросив искры своих фонарей.

И... доплыть бы туда... но я знаю, я вижу —
Это только обман маяков,
Серебристый мазок на картине Куинджи,
Чуткий шелест несказанных слов.

Если это не сон, то, как только пирога
С тихим плеском ударит в пески,
Облетит желтым снегом зеленая тога,
И... забудут мечту маяки.

Потому, что в лесную спокойную чашу
Забредет в первый раз человек.
И под взглядом людским беспокойно-блестящим
Потускнеют источники рек.

И зрачки у зверей потемнеют от боли,
От предчувствия тайной тоски...
Словно знаками тления съедающей моли,
Запестреют следами пески.

Нет! Не надо! Моя голубая пирога
Не начертит зловещий зигзаг.
Пусть по-прежнему там золотую дорогу
Не сомнет человеческий шаг.

Пусть по-прежнему в темные бурные ночи
Снится сказочный сон маякам.
Когда море рвет волны в жемчужные клочья
И бросает их к мокрым камням.

Пусть по-прежнему в ночи безглазые снится
Маякам эта сказка земли...
Там, где море синее узорами ситца,
И куда не плывут корабли.

ПОЭМА ДОЖДЕЙ

На моем стекле потоки серых капель,
Серенькие брызги на окне...
И подкралась к сердцу жизни накипь,
И тоской дождя грозитя мне.

Небо скрылось в дымчатой вуали.
Заберусь с ногами на кровать...
Может, правду мне дожди сказали,
Что я больше не смогу писать?

В сети улиц, словно в паутине,
Заблудилась робкая мечта.
Город камнем душу опрокинет,
И задавит песню суета.

Дождь то чаще капает, то реже.
В монотонном хлопаньи тоска...
Нет! Я словом все-таки разрежу
Паутину злого паука.

Каменный город, слышишь?
Будут слова, как гром.
Будни узором вышью —
Песнями об ином.

Не о тебе, надоевший,
Нищий подгнивших плит...
Старый знакомый — леший
Думу мою умчит.

В лесу снега сейчас, как вата,
Набухшая от струй весны.
Тропинкой талою примятой
Пройду до сломанной сосны.

И притаюсь. И жду... и нижу...
В ночной дремоте лес примолк.
К сосне крадется ближе... ближе...
И чертит след голодный волк.

Взъерошенный. В глазах недобрый
Голодный блеск. В снегу бока,
Под шерстью выдаются ребра,
Спина в подпалинах слегка.

Крадется... след идет зигзагом,
В оскале рта повис язык.
Звучит звериною отвагой
Не вой, а беспощадный крик.

Хруст сучьев. И в глазах суровый,
Смертельно жуткий интерес.
И заяц в пляске бестолковой
Прыжками убегает в лес.

Спружинился. Скачок... и лязгом
Вцепился в спину. Тише бег.
С комком кроваво-безобразным
Ворча, ложится в талый снег.

Еще предсмертный визг аккордом
Дрожит в спокойной синеве...
Из-за стволов другая морда,
И... бурый волк идет к сосне.

Враги заметили друг друга.
Куски добычи в снег зарыв,
Поднялся серый. Всхлип испуга,
Ворчанья сдержанный порыв.

Оскал хищней, шаг осторожней.
Вперед... и серо-бурый ком,
Окровавляя снег таежный,
Мчит по опушке кувырком.

Вот разошлись. Слабеют оба,
На мордах кровь и шерсть в клочки.
Голодная лесная злоба
Влилась в звериные зрачки.

И снова схватка. Крик звериный
Нарушил тишину тайги.
В снегу и в иглах волчьей спины,
В крови смертельные враги.

И цепкой хваткой волк косматый
Разрезал горло, как клинок,
Страшна звериная расплата,
И страшен одинокий волк.

Встает. Зализывает раны,
Волочит лапу за собой.
Надтреснутый, больной и странный
Разносится призывный вой.

И свет дрожит, мигая,
И волчий труп, кровавый след...

И песня волчья — больная
Тоскливым отзвуком побед.

.....

Растаял сон... Темнеет небо,
Смеется город за окном.
Пусть я не видел, я там не был,
Пусть это было только сном.

Но даже ты, гранит, прослушал,
Боясь, хоть слово пропустить —
Про лес, про снежную опушку,
Рассказа спутанную нить.

Пускай же дождь сильнее иль реже,
Пусть слякоть сдавит будни дней.
Но мысли у меня все те же —
Миллиардом сказочных огней.

И город песней оттолкну я:
Гранитной клетки не боюсь.
Вложила в душу силу злую
Мне снеговая моя Русь.

Научное издание

Александр Васильевич Окорков

«Да святится же, Родина, имя твоё!»
Жизнь и творчество поэта русского зарубежья
Ольги Скопиченко

Литературный редактор

Е. В. Штикалова

Дизайн обложки

М. Ю. Маяков

Корректурa

И. А. Птицын

Компьютерная вёрстка

М. Е. Заболотникова

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru